

Вестник

by Revan

Annotation

У юного дворянина — Вадима Беркутова вся жизнь впереди. Дома его ждет любящая девушка, отец и друзья. Но в попытке показать смелость Вадим участвует в Хивинском походе 1840го года, где попадает в засаду, которая разделяет его жизнь на до и после. Теперь он человек посланный в этот мир из другого времени и пространства

1840 год, степи ближнего востока, граница Российской Империи

Тяжелая пуля ударилась о землю, подняв облако пыли. Через летнюю степь неслась казачья сотня под командованием атамана Марченко. Они догоняли шальных хивинцев, похитивших крестьян из пограничной деревни. Вперёд строя выбился подпоручик Беркутов Вадим Борисович. Черноволосый, улыбающийся юноша в синем мундире и с кавалерийской пашкой наголо. Вороной конь фыркнул под Вадимом, чувствуя кисловатый запах горелого пороха.

Казачья тараном наступала на жиденькую линию деревьев, за которой скрылся десяток хивинцев. Вадим радостно хлестал коня по бокам. За последний год русские часто сталкивались со смертью в этих краях, вот и сейчас за поворотом отряд уже ждали спрятавшиеся стрелки. Казачья не заметила, как напоролась на засаду. Загремели ружья и мушкеты, враг стрелял вплотную. Случился кинжальный бой, как говорили ветераны.

Зазвенела сталь сабель, заглушая крики боли и ржание лошадей. Под Вадимом конь встал на дыбы. Он завалился на спину, придавив подпоручика. Дядька Ефим, денщик Вадима, дернулся спрыгнуть с седла, но атаман схватил коня под узды и развернул на ходу. Побитые казаки отступали под хлопки ружей хивинцев.

Вадим задыхался. Слюна смешавшись с кровью и песком теперь хрустела на зубах. На грудь давило тело верного коня, неподъемная крышка гроба. Из-за дерева на Вадима смотрел и ухмылялся хивинец с загорелой облезлой кожей. Он облизнул длинный, тонкий кинжал, прежде чем подойти к придавленному подпоручику. Блеснула сталь, и холод смерти остановил молодое сердце.

Жаркий день сменил прохладный ветренный вечер. У одинокого костра сидела пара дозорных хивинцев с пистолетами за широкими поясами. Их длинные тени смешивались с худенькими деревцами. Толстощекий бугай в новых сапогах с широким поясом раскрыл кожаный мешочек, пока тщедушный хивинец со слипшимися волосами и хитрым блеском в глазах ковырялся в нечищенных зубах...

— Нажива, она как баба, любит ласку, — толстощекий перебирал блестящие кольца на ладони.

— Ты так и в прошлый раз говорил, а сколько тогда хабара принесли? Да и в этот раз — крохи, — тщедушный чесал ногой об ногу натертое место.

— Собака ты безродная, думал бы головой, давно бы богатством обжился!

— Вот ты все о деньгах и о ласке, а у самого дома Фатима с фингалом уже второй год одну паранджу носит!

— Это кто тебе про паранджу рассказал, собака?!

— Подожди Абай, не бей! Ай! Да смотри! — худощавый разбойник с разбитым лицом показал на мертвого коня. Его труп дрогнул и перевалился в сторону, подняв маленькое облако пыли на дороге.

— Фто за файтан?

— Заткнись! — бугай заехал кулачищем по разбитым губам Тщедушного и пошёл к коню, доставая пистолет.

Он отходил от костра в сторону дороги, прикрытой ночной тенью. На небе сдвинулись

облака, открыв полную луну. Бугай повел пистолетом, чтобы разглядеть молодого русского, лежащего неподвижно. Засохшая кровь так сильно испачкала китель, что никто не захотел его снимать. Тело лежало так же, как и несколько часов назад. Только у русского были открыты глаза. Рыбы как и полагалось трупам, холодные и с серой дымкой поверх лопнувших сосудов. И вдруг они посмотрели прямо на удивленное лицо громилы.

Тщедушный у костра шмыгнул разбитым носом и приложил холодное лезвие кинжала к окровавленным губам. В полумраке у дороги проглядывалась широкая спина бугая у трупа лошади. Бугай дернулся, как будто хотел чихнуть, но передумал и снова замер.

— Да и пожалуйста, разбитое лицо не такая уж и большая плата за твою Фатию, — тщедушный отвернулся поискать в мешке ещё холодного металла, когда услышал шаги, — Абай, я не понимаю, почему ты обиделся...

Тщедушный повернулся и замолчал. В полумраке ночи стоял не грозный Абай, а убитый им русский. Огонь слабо потрескивал и под дуновением ветерка колыхнулся, осветив руку русского, с которой ещё капала горячая кровь.

— П-п-постой! Давай договоримся, у меня есть деньги, — тщедушный похлопал по карманам, он искал положений рядом с сумкой пистолет.

Русский ничего не ответил, только шагнул вплотную и со звуком вылетевшей пробки от шампанского оторвал тщедушному голову.

— Вадим Борисович, да теперь так, — русский пнул оторванную голову в сторону и посмотрел на свои босые ноги, — Негоже офицеру в таком виде.

Он прошёлся по станице, собирая вещи и складывая их в мешки. У бугая нашлись сапоги, в вещах тщедушного пара добротных шашек, вот и весь улов. Дальше вдоль леса стояли три дохлые кобылки. Смех для европейца, но гордость степняка.

— Три, — вслух заметил Вадим и пошёл в лес, оглядываясь по сторонам.

Следы из сломанных веток и мусора в траве указывали, что пока два хивинца грелись у огня, третий дежурил в лесу. На стволах деревьев остались редкие дыры от пуль, свежая тропинка. Вещи третьего остались лежать у высокого дуба, с которого он вёл дозор. Все бросил и убежал к основному отряду.

— И черт с тобой, — Вадим заглянул под брошенную бурку. Ничего.

Ценные вещи уместились на лошадей, но стоило Вадиму запрыгнуть на кобылу, как та захромала и согнулась под его весом.

— Не кормят вас сволочи, — пришлось вести лошадей под узду по пыльной дороге. В спину светила одинокая луна и удаляющийся костёр.

Казачьи разбили лагерь в десятке километров от места засады. Вокруг стелилась ровная степь, поэтому одинокого человека с тремя конями заметили издали. Он шёл на звук печальной губной гармони. Кто-то из казаков играл тоскливую мелодию.

— Стой, кто такой? — навстречу путнику шагнул дозорный с ружьем. Он демонстративно щелкнул кремневым замком.

— Свои, не стреляй, — горло у Вадима хрипело.

— Свои дома сидят. Кто таков? — не унимался дозорный.

— Подожди, Григорий, это же Вадимка, — от костра встал широкоплечий мужчина с густой бородой. Вокруг голубых прищуренных глаз у него собрались морщины. Атаман теперь уже казачьей полусотни Марченко, — Зовите Ефима, нашёлся его барчук.

На шум потянулись другие казаки. Свежая боль внезапных утрат мешала спокойно спать. Каждый вернувшийся был чьим-то другом, братом или сватом. В этот раз после

крепкой драки вернулся только один. Даже на это не рассчитывали.

— Батюшка! — в ноги Вадиму бросился мужчина в сединах. Немолодой Ефим обнял вернувшегося за колени и не отпустил.

— Встань, — спокойно, но четко сказал Вадим и поднял денщика за плечо, — Воды, умыться.

Ефим посмотрел на грязную форму, заляпанную кровью, пыльное лицо и уставшие глаза.

— Сейчас, вашблагородь, сейчас, — он схватил котелок и кивая бросился к ручейку.

Казаки улыбались, подходили к подпоручику, похлопывая его по спине и плечам. После года совместного похода все друг друга знали. Вадим не отвечал, только кивал.

— Здорово они тебя, — Марченко решил разрядить затянувшуюся паузу и указал на окровавленный мундир, — подожди, сейчас перевяжем.

— Не нужно, не моя, — Вадим выдавил улыбку, приобретшую зловещий оттенок в свете пляшущего костра.

— Водичка, вашблагородь, — Ефим подбежал, запыхавшись с полным котелком воды.

— Пошли, умоюсь, добро пристроим, — Вадим взял денщика за плечо и повёл в сторону, — Ночь выдалась длинной, и мне бы отдохнуть.

— Конечно, конечно, — Ефим поливал холодной родниковой водой, — Все устроим, все. Мы так перепугались, что весточку в Оренбург успели отправить, и что вы пали, и что нас побили.

— Ладно, теперь уже посыльного не догнать, — Вадим только рукой махнул на поспешность атамана.

Утром, ещё до зори, казачий отряд собрался в дорогу. С посыльным пришла весть, что генерал губернатор Перовский сворачивает поход. Первым ехал Марченко на вороном жеребце. После последней драки в его седле появилась дырка от злосчастной пули, которая только чудом не попала в артерию на бедре. Потом ехали казаки, и замыкал отряд подпоручик с денщиком. Вадим в рубахе и брюках ехал на коне Ефима. Жеребец пыхтел от натуги, но держался. Сам же Ефим оседлал одну из трофейных лошадок.

Через неделю пути перед отрядом пошли первые деревеньки, и вскоре показался Оренбург. Город-крепость на берегу реки. Знаменитый противостоянием с Емельяшкой Пугачевым и статусом ссыльной губернии.

— Ефим, продай лошадей и получи зарплату, а я поеду домой, — горло Вадима больше не хрипело.

— Конечно, ваш благородь, только можно спросить?

Вадим кивнул. Они проезжали рядом с внешним посадом из одноэтажных домов.

— Я ведь честно, честно хотел броситься спасать вас, как увидел, что стреляют. Думал, что потерял. Не ел, не спал, — в голосе старика пробилась горечь.

— Знаю, видел и не виню, — сухо сказал подпоручик.

— И на атамана не сердитесь, коли бог вас спас, то не держите зла на нас грешных.

— Не переживай, как будешь зарплату получать, так скажи Марченко, что я не сержусь. Все, мне ехать нужно, — Вадим остановил трофейную кобылу Ефима, выбрал себе шашку посolidнее из вещей и хлестнул жеребца. Он несся по шумным улицам в сторону северной дороги.

Ефим перекрестил его в спину и поехал дальше.

Прошли те времена, когда город подвергался штурму и осадам, давно никто не сжигал здесь посад. Богатые люди селились в пригороде, строя роскошные дома подальше от суеты. Вот и Вадим выехал на большую дорогу к крепкой усадьбе с яблочным садом. Слуги выбежали встречать гостя, но, распознав всадника, подняли шум.

На крыльцо дома вышел молодой темноволосый парень с впалыми щеками. Он перегородил дорогу Вадиму.

— Нам сказали, что тебя убили.

— Слухи о моей смерти преувеличены, Брат, — сказал Вадим и оглядел его, как если бы увидел в первый раз и пробовал звучание имени на вкус, — Сергей.

— Отец занят, и ты ещё в таком виде, — Сергей указал на распахнутый синий казачий мундир. На нем ещё оставались плохо выстиранные пятна крови.

— Стерпит, — шагнул Вадим на крыльцо, ступеньки надрывно закрипели.

Сергей протянулся захлопнуть дверь, но получил звонкий шлёпок по руке, и отступил.

Беркутов Борис Владимирович сидел за огромным дубовым столом. Широкий во лбу и плечах отец из-под бровей смотрел на ворвавшегося к нему сына. Потомственный дворянин, выходец из казаков, оставивший традиции ради женитьбы.

— Что, наигрался в своих солдатиков?

Вадим выпрямился.

— Молчишь? — Борис Владимирович достал из ящика стола пачку бумаг, — Здесь, документы для твоих похорон.

— Без тела?

— А здесь, — не обращая внимание на сына, Борис Владимирович достал другие бумаги, — Здесь контракт на найм отряда, чтобы найти тело или выкупить тебя.

Он встал и прошёл к комоду. Скрипнула деревянная дверь. Отец дрожащими руками достал графин с рябиновой настойкой. Бокал выпал из ослабевшей ладони, но не разбился, покатавшись по ковру к сапогу Вадима. Вадим нагнулся и подал отцу бокал.

— Что у тебя с глазами?

— Головой ударился.

— Уходи.

Вадим закрыл дверь в кабинет и замер. В коридоре дул прохладный ветер из открытого окна с видом на цветущий сад. Пахло зеленью и яблоками. Вадим глубоко вдохнул и потрогал лицо.

— Ещё не зажило, — он говорил с комом в горле. Одеревеневшие мышцы не реагировали на эмоции.

У крыльца зашумели слуги, в поместье пришли гости. Вадим вышел к прохожей застав там денщика Ефима в компании двух молодых подпоручиков. Красный от жары как вареный рак — Максим Петрович Горшков и бледный утонченный Василий Германович Ярмак.

— Максим Петрович, плесните мне святой водой в глаза, я вижу призрака! — воскликнул Василий и обнял ошалевшего Вадима, — какой твердый призрак, почти как живой.

— Ага, только болтливый выше меры, — Максим Петрович скинул пыльные сапоги и

подошёл, чмокнув друга в щеку, — Мы, право слово, обрадовались, когда увидели твоего Ефима. В доме уважаемой Аннет нас уже ждут.

Более пышный Максим протер толстую шею промокшим от пота платком.

— Ты же простишь нам эту смелость? Если поедем сейчас, то застанем всех ещё трезвыми.

— Так ещё же обед, — Вадим выдавил из себя поднятую бровь.

— Когда нам это мешало? — Василий схватил Вадима под руку и потащил к дверям.

— Я совсем не накрашен, — пошутил Вадим, вырвав руку, — Ефим, что у тебя?

Денщик стоял у прохода в коридор с глупой улыбкой.

— Вашблогородь, атаман Марченко, подал прошение о вашем повышении в чине и наградой орденом за проявленное мужество.

— Ещё один повод к нашему маленькому празднику, — весомо заявил Максим, обуваясь.

— А платью тебе по дороге подберем, что-нибудь под настроение, — хихикнул Василий.

Друзья приехали на карете, на ней же и отправились за покупками в город. Дом модных платьев, как его называл Максим, порадовал Вадима новомодным двубортным фракком из чёрного сукна, черным жилетом из шелка, рубашкой, синим галстуком и цилиндром. Не все же в мундире ходить.

— Ваша милость, возьмите аксессуар — пропел от счастья заработать продавец, протягивая деревянную трость с набалдашником из желтого металла.

— Спасибо, — задумчиво протянул Вадим, разглядывая себя в зеркало, — я возьму пенсне. Вот это с двойным стеклом.

Он взял аккуратное пенсне в серебряной оправе с цветными открывающимися линзами. Остекленевший взгляд не проходил. Вадим потянулся за кошельком, но Максим его остановил, покивав продавцу. Культурный центр города, если не считать парки кадетское училище, молодежь обходила за пару часов, но как представители высшего света друзья проехали на карете вниз по улице до салона, где готовили празднество.

Салон мисс Аннет стоял в центре города и в приличные дни служил клубом любителей литературы. Старое здание облагородила нынешняя хозяйка, она проводила званые вечера и балы. Сейчас же в большом зале мягкую мебель расставили вокруг составленных вместе столов. На белые скатерти слуги вносили сладкие, рыбные, капустные пироги. Хозяйка в чёрном приталенный платье с большими серьгами из янтаря лавировала между отдельными группами гостей, напоминая о себе. Она подцепила со стола еще дымящийся блин с красной икрой. Их сначала готовили на чугунной сковороде с кусочком сала из перемолотых овсяных хлопьев, потом складывали в стопку, чередуя слои с кусочком сливочного масла. В блины заворачивали икру, форель и творог.

Первым в салон заскочил Василий, он старательно мял в руках котелок и строил печальную мину. Разговоры по группам затихли. Анна расправила черное траурное платье.

— Дорогие друзья, с нашим общим знакомым случилось непоправимое, — Василий театрально замолчал, — он недопустимо трезв!

Под смех в салоне, Вадим зашел в двери, скрестив руки на груди, как и полагается покойникам. За ним переваливаясь прошел Максим, вытирая пот со лба.

— Василий, у нас приличный клуб, — сквозь смех сказала Анна.

— Подайте мне кубок! — Вадим изобразил замогильный голос и протянул трясущуюся руку к графину с вином.

Из-за стола вскочил парень из недавних выпускников гимназии и подал наполненный до краев фужер. Вадим выпил залпом и громко выдохнул.

— Теперь и жить можно. Чего такие грустные? Умер кто? — смеясь, он подошел и чмокнул руку Анне.

— Живой, живой, — ответила хозяйка и обратилась к гостям, — вот и празднуем.

Заиграли музыканты. Легкая мелодия, исполняемая на духовых и шикарном пианино, дополнила атмосферу застолья. Василий подсел к девушке в пышном розовом платье и нашептывал ей на ухо. Зеленоглазая Анна отвечала каждому, уделяя одинаковое время. Отдельно она пускала томительные взгляды Вадиму, который рассказывал похабные анекдоты про поручика.

После застолья молодежь расходилась по группам. Отдельно сидел Максим Петрович, опершись на руку. Ему на ухо нашептывал управляющий Анны. Дождавшись кивка от Максима управляющий удалился с поклоном.

— Ты меня балуешь.

— Приятно, когда можешь порадовать спасшегося из мясорубки друга. В письмах, которые к нам пришли, говорили, что тебя раздавило конем.

— И вот он я, цел. А ты сидишь повесив нос, — Вадим замер, отслеживая реакцию друга, и не прогадал: Максим бросил полный раздражения взгляд на шумного франта, сидящего через два стола в компании прихлебал.

— И что успел сделать уважаемый Федор Николаевич, пока я был в походе? — Вадим приложил к губам фужер с вином.

— Уже поздно, — только отмахнулся Максим.

— Господа, а почему бы нам не перевести вечер в другую плоскость? — встав из-за стола, спросил тот самый Федор Николаевич.

— Горизонтальную? — уточнил Вадим, вызвав хохот в салоне.

— В азартную, — погрозил пальцем Федор.

Слуги по команде Аннет убрали со столов еду и принесли запечатанные пачки карт. Господа закончили растягивать желудки и готовы размять кошельки.

— А хочешь, я подниму тебе настроение? — Вадим повернулся к Максиму и заговорщицки улыбнулся.

— Тебе же в жизни не везло в очко.

— Думаю, что после этого похода удача повернулась ко мне нужной стороной, — Вадим изобразил руками какую сторону он считал нужной.

Максим разразился смехом, переросшим в хрюканье, здесь уже включился смех Вадима.

— Тогда пари? — Вадим протянул открытую ладонь.

— И что же ты хочешь? — прищурился Максим.

— Я обдеру Федора до нитки.

— А взамен?

— Ты простишь мои долги, — закинул удочку Вадим.

На пухленьком лице Максима отобразилась активная мыслительная деятельность. Умные мысли шли быстро, но им под ноги постоянно попадалось выпитое вино.

— А если проиграешь?

— То выйду перед нашим кадетским училищем в одних куриных перьях.

— Ооо, — Максим оценил жертву друга, — По рукам! И вот, возьми. Не на новый же костюм ты будешь играть.

Максим положил пачку ассигнаций в карман фрака Вадиму.

Они пожали руки, и Вадим прошел к игральному столу.

Очко или же двадцать один — одно из проявлений охватившей высший свет Европы лихорадки под названием — азарт. В карты играли все начиная от гусарских офицеров и заканчивая дамами в клубах чтения. У простых мещан в ходу были кости, простое но серьезное увлечение.

Крупье выступал управляющий Анны. Понимающий человек с ловкими руками. Он вскрыл новую колоду и жестом пригласил игроков. Вадим сел напротив Федора.

— Ты как покончил с солдатской беготней?

— Решил податься в шулера, — улыбнулся Вадим.

— Подпоручикам так плохо платят? — не удержался от колкости Федор.

— Солдата ноги кормят. Я вот только успел уйти, как ты начал баловать Федор Николаевич.

— Слухи. Слухи завистников.

Крупье раздал карты. Игроки выставили ставки. Вадим заглянул, что выпало.

— Еще. Еще, — крупье подал карты новые карты.

Вадим положил ставку на стол. Сначала всего десятку, для затравки. Рядом с Федором сидели его друзья, в целом компания Оренбургской золотой молодежи. Дамы и менее азартные или менее состоятельные стояли за игроками как зрители. Максим никогда не отличался влечением к картам, поэтому скучаяще потягивал вино. Веселый Василий мог бы разбавить атмосферу, но он где-то в закрытых комнатах салона уже разбавлял атмосферу веселой миледи. Вадим постепенно поднимал начальные деньги, избавляясь от мешающих игроков и поддерживая интерес Федора. Если ты хочешь выигрывать, то прежде всего должен обладать двумя факторами: холодным умом и покровителем.

Игра шла пару часов и ставки достигли тысяч рублей. Молодежь соскучилась по серьезным мероприятиям и была готова поссорить деньгами родителей, или друзей. К Вадиму подошел официант и прошептал на ухо. Вадим успел снять франт и галстук, сидел в жилете и рубашке с расстегнутой пуговицей на воротнике. Колоду уже несколько раз меняли, последний раз кон назад. В салоне стояла легкая дымка от выкуриваемых трубок.

— Друзья. У меня тост! — прервал напряженное молчание Вадим, — Всем вина за мой счет. Только пришла новость, что нашему атаману одобрили прошение о наградах за поход.

— Так это получается, что тебя наградят? — вмешался один из зрителей.

Вадим только этого и ждал, поэтому быстро добавил:

— Станислава.

— Где Станислав, там рядом и Анна, — заметил Максим, выглянув из-за зрителей.

— Поэтому выпьем Застольную чарку за здоровье нашего атамана, — поднял принесенный бокал Вадим.

— И за военных героев, — Максим заподозрил что-то неладное в замысле друга и решил подыграть. Часы скучного безделья должны были идти с какой-то целью.

— Ибо без военных героев, будем опираться только на бумажных, — сказал Вадим и с вызовом посмотрел на Федора.

Тот такого выпада не ожидал, поэтому чуть не подавился, выплюнув вино обратно. Зрители оценили накал страстей между игроками громким смехом.

— А герои только языком махать могут или еще делом способны доказать? — выдавил из себя покрасневший Федор.

— Ты хотел его в карты выиграть, а не на дуэль вызвать, — прошептал Максим Вадиму в затылок.

— Делом- так делом, — Вадим пододвинул все выигранные деньги в банк.

Сумма у Вадима от щедрот Максима не маленькая, выросла до очень приличных десяти тысяч рублей. Хороший куш для любого игрока, но намного привлекательный для оскорбленного.

— Играем, — Федор дернул плечом и поставил свои деньги.

— Простите любезнейший, но у вас не хватает, — крупье дипломатично улыбнулся.

— Хорошо, — Федор сверкнул глазами и выложил на стол бумагу, — Это купчая, на одно хорошенькое поместье. Максим Петрович подтвердит ее стоимость.

Федор остался доволен произведенным эффектом. За спиной Вадима упало и разбилось что-то стеклянное.

— Играем, — сказал Вадим, услышав тихий мат Максима.

Крупье уступил место Федору, который перетасовал, поднял и раздал по карте. На колоде лежала десятка. Вадим сидел как счастливый купец и улыбался.

— Еще.

Федор вытер проступивший пот со лба и вытащил снизу карту.

— Еще.

Не успел Федор передать карту, как Вадим поймал его руку и больно вывернул. Федор вскрикнул, у него из рукава выпал туз. Среди зрителей пошел нехороший шепоток.

— Полагаю, очко, — Вадим пододвинул выпавший туз к своей даме и семерке.

Федор выдернул руку и громко топая пошел к вешалке с вещами. Он успел хлопнуть дверью прежде чем его друзья бросились следом.

— Герой бумажных дел, — Вадим брезгливо отодвинул колоду.

— Ваш выигрыш, — крупье пододвинул банк. Народ, шокированный случившимся, громко обсуждал теперь уже скандального Федора. Максим взял Вадима за локоть и отвел в сторону.

— Как ты узнал?

— Бог дал нам глаза, чтобы смотреть и головы, чтобы видеть.

— Не богохульствуй, — Максим бросил мокрый платок на пол, чтобы вытереть сапоги, облитые вином, — Как ты узнал о закладной?

— Ангел на крыльях принес, — меланхолично заметил Вадим.

— А имя, этого болтливого ангела случайно не Василий? — уточнил Максим.

— Может и Василий, он не представился, — уже откровенно смеясь ответил Вадим.

— Ну-ну.

— Простите уважаемый, — за спиной Вадима покашлял гимназист.

— Конечно, вот друг, ты отлично справился, — Вадим протянул ассигнаций на двадцать рублей гимназисту. Огромные деньги для подростка, которому посчастливилось попасть на такое мероприятие и стать свидетелем пикантного скандала.

— Это он чего?

— А я попросил его разыграть небольшую сценку с моей наградой. Легкие деньги для мальчика.

— Так ты знал?

— С начала застолья. Курьер приходил. Дальше осталось немного поиграть.

Что именно имел в виду Вадим, Максим не стал уточнять. Он спросил другое:

— И все это ради меня?

— Нет, что ты. Все ради денег! — кривляясь, заявил Вадим и положил пару купюр себе на погоны, — А это, я полагаю твое.

Он протянул купчую.

— Ради денег, ага, — Максим помял второй подбородок, — Я так не могу. Я уже почти ее выкупил. Я заплачу.

— Какие могут быть деньги между друзьями? — Вадим взял руку Максима и положил туда купчую, — Федор выиграл ее в карты, я только переиграл его.

— Язык Васи точно придется укоротить, — прошипел Максим и положил руку поверх купчей, — Половина. Я дам половину стоимости и не отказывайся. Ты не только ободрал его до нитки, но еще и опозорил. Он будет мстить.

— Пфф, пусть мстит. Папенька только посмеется, когда узнает, что вытворил сын Николая Семеновича, — у Вадима в Оренбурге был один из самых крутых покровителей — крупный торговец и землевладелец Беркутов Борис Владимирович.

— Такие обиды не прощают. Он может вызвать тебя на дуэль.

— Боевого офицера? — спросил Вадим, подходя к столу и выбирая не начатую бутылку вина, — Зубы сломает.

Он подобрал по пути пару бокалов и ушел в сторону частных комнат, где его ждала одна владелица салона.

***

Вадим сидел на краю кровати и смотрел в стену не моргая. За окном оставалось еще пара часов до рассвета, но он не мог уснуть. Он не нуждался во сне, еде или ласки, но любил играть на публику, притворяясь. Из-под одеяла выглянула женская ножка и осторожно погладила его по спине.

— Ты чего? Я так скучала по своему бунтарю, а ты как пришел меня и добрым взглядом не порадовал, — Анна неохотно поднялась из теплой постели и села рядом, обняв Вадима.

— Ты изменился, такой холодный, — она провела рукой по широкой груди, остановившись на тонком шраме прямо под сердцем, — Выглядит старым. Ты не писал, что тебя ранили в грудь. А еще глаза.

— Не хотел беспокоить, — Вадим взял Анну за руку и поцеловал, — Я уеду. Мне тесно в Оренбурге.

— Оставишь меня?

— Конечно, нет. Вернусь, как обживусь в Петрограде.

— После столичных девок и не вспомнишь обо мне.

Вадим улыбнулся краем рта.

— Будь осторожен, Федор ушел в диком бешенстве.

— Я смогу себя защитить.

— Ну да, — Анна ткнула пальцем в шрам, но почувствовала твердые как железо мышцы. Бледная кожа, накаченные мышцы и холодный взгляд превращали Вадима в древнюю статую под лунным светом, — И еще, Марченко переживает. Утром казаки рассказывали, как он заперся у себя и пил.

— Хорошо, зайду к нему. Я ведь еще числюсь в армии, возьму отсрочку по здоровью.

— Что возьмешь?

Вадим слегка скривился и поправил себя:

— Отпрошусь от службы, из-за боевых ран. Он не откажет. Только теперь не знаю, что

дарить, хотел хорошего вина взять.

— Так принеси подарок для жены. Казаки с боя живут, а какие бои с бандитами в степи.

— Какая ты у меня мудрая, — Вадим чмокнул Анну в лоб и встал одеваться.

Кровать жалобно заскрипела.

— Вот и не забудь, что у тебя. Чтобы обязательно вернулся за своей провинциалкой из своего Петрограда.

— Он еще пока не мой.

— Пока, — дипломатично заметила Анна.

— Мудрая, — поднял назидательно палец Вадим и вышел в коридор.

Вышел, закрыл дверь, и намек на улыбку исчез с его лица. Дальше по коридору шла комната с открытой дверью, там мирно посапывал Василий в обнимку со светловолосой бестией, оставившей порезы на шее и спине друга.

Вадим вышел на улицу. Свежий бодрящий ветер ласкал через рубашку. В воздухе висела смесь пыли и росы. Он пришел пешком до усадьбы к самому рассвету. На веранде сидел отец в кресле качалке, укутанный пледом. Он заметил Вадима, но не спешил вставать.

— Не успел приехать, как опять нарвался на проблемы? — в его голосе преобладало разочарование.

— Никаких проблем, только бескорыстная помощь другу.

— Опять деньги у Максима занимал? — Борис Владимирович отвернулся в сторону сада.

— У меня перед Максимом нет долгов, — Вадим подождал с мгновение и продолжил, — Я решил уйти из армии, по крайней мере сейчас.

Во взгляде отца появилось осторожное любопытство. Он даже наклонился в сторону Вадима.

— Я поеду в Петроград.

— Нет на тебя злости, — Борис Владимирович слабо махнул рукой, — Учиться хочешь?

— Работать, — на эту реплику отец сменил позу, слабо крехтя.

Зря он прибедняется, ему всего пятьдесят.

— Коней пойдешь запрягать или лакеем бегать?

— Бизнес буду вести.

— Бизнес, слово то какое, английское. И что же это за биизнес такой?

— Какой дашь, такой и будет.

Зал аплодирует выдержке матерого предпринимателя. Борис Владимирович замер как тысячелетняя склала — такой же неподвижный и серый.

— И давно я свои дела начал раздавать?

— Ну не знаю давно ли, но то будет первый раз на моей памяти, ведь я, — Вадим подошел к отцу и достал из внутреннего кармана фрака пачку ассигнаций, — готов заплатить.

— Ограбил кого, разбойник? — отец шутки не понял и угрожающе сжал кулаки, чтобы хорошенько поколотить неродимого сына.

— В карты выиграл, а карточный выигрыш это святое. Но ты только сядь, а то упадешь, — Вадим отошел, чтобы увернуться от хорошей затрецины, — Выиграл я их у Федьки Николаевича, он со слезами из клуба убежал.

— Со слезами? — удивился уже замахнувшийся Борис Владимирович, — А мне по-другому рассказывали.

И по заговорщицки посмотрел в сторону двери дома.

— Клевета! Чтобы хорошего про меня не говорили — все вранье! Не верь ни единому слову завистников, — Вадим повеселел.

Борис Владимирович задумался и подал руку, чтобы Вадим помог старику встать. Вместе они дошли до кабинета. Отец зажег свечи на подсвечнике и уселся на кресло за рабочий стол, не пригласив Вадима сесть. Он порылся в документах, пока не открыл скрытое отделение, спрятанное за резной дверцей из красного дерева.

— Денег не возьму, еще засмеют, что сыну дело продаю. Но обещание ты дашь!

— Кого нужно принести в жертву? Сергея? О, его ни один бес не возьмет, он их из ада выживет.

— Шути-шуты. Вот тебе дело, но если без денег останешься, прогоришь, то поедешь учиться. Далеко и надолго, — Борис Владимирович кровожадно улыбнулся, думая, что переиграл сына, но для этого Вадима любой кот в мешке лучше дальней поездки за пределы родной и огромной.

— По рукам. А что за дело?

— Бизнес, хех, как ты его называешь, связан с женскими платьями, — в глазах отца так и играли веселые чертики, — Войдешь в дома большой моды, так сказать.

— А в чем подвох? — Вадим наклонил голову набок.

— Поди и узнай, — Борис Владимирович подписал и протянул дарственную на ателье в Петрограде.

— Хорошего сна, — отклонился Вадим и вышел из кабинета, но прежде чем закрыл дверь, отец успел открыть комод с настойкой.

Вадим вышел из коридора и протянул руку в тень под лестницей на мансарду поместья.

— Ты знаешь, что подслушивать нехорошо? — в тени стоял дрожащий Сергей.

Вадим шагнул к нему в уголок и упер указательный палец под подбородок брата. Сергей дрогнул, этот палец давил как кусок тупого металлического прута.

— Кого ждешь? Меня?

— Отец тебе всегда благоволил, — прошипел Сергей.

— И тебя обижал? Бил, наверное, — Вадим смерил брата взглядом, — по почкам, да? Пока ты как крыса тыловая сидел за партой, я там крестьян русских спасал.

— Да ты только под юбки мог бабам заглядывать. Если бы на коне нормально держался, то мы бы не получили похоронки. Вот и сегодня, отец тебя всю ночь ждал, — Сергей кривился от боли, но продолжал говорить, — а ты приходишь ни свет ни заря и с порога: “дай дело”, а он и дал.

Последние слова вышли совсем скомкано. Вадим отпустил брата.

— Не иди по моим или отцовским следам, иначе ничего не оставишь после себя в истории. Хватит. Слышишь? Хватит, — Вадим взял Сергея под руку и повел на кухню, налив ему стакан холодной воды из кувшина, — Пей, и еще, еще.

— Да я захлебнусь! — перестал давиться слезами Сергей и с протестом отодвинул стакан, — Сам пей.

— Мне нельзя, доктор только крепкое разрешает. Хватит плыть по течению и завидовать тем, кто сел на корабль.

Вадим убедился, что Сергей понял его мысль, и отпустил брата.

— Все, я пошел спать, а то скоро рассвет, а мне еще рано вставать.

— В Петроград поедешь?

— На рынок. Кто же в Петроград с пустыми руками едет?

Деньги. Одни умные люди говорят: если проблему можно решить деньгами, то это не проблема, а расходы. Вадим же располагал приличными средствами только по меркам золотой молодежи. Хорошее начало, но не серьезное для целей молодого дворянина.

Всю западную часть Оренбурга покрывали рынки. Сотни деревянных прилавков рядом с Гостиным двором собирали торговцев с ближнего востока и окрестностей Урала. В трех верстах от города находился меновой двор, где торговали бартером, обменивая богатства юга, на причуды севера.

Вадим выехал рано утром на карете, сменив дома костюм и прихватив с собой Ефима. Денщик знал несколько языков ближайших казахов и безропотно согласился ехать, потирая сонные глаза.

— Еще раз, что он от меня хочет? — Вадим стоял перед низкорослым старичком, одетым в зеленый халат. Он щурился раскосыми глазами и поглаживал длинный черный ус. Старичок сам подскочил и потащил приехавшего на рынок Вадима к своей лавке, развернутой прямо с фургона.

— Простите вашеблагородь, у него какой-то неправильный слог, — Ефим переводил для Вадима слова торговца.

— Уважаемый, рубль за метр это слишком дорого, мне дешевле самому съездить в китай и боем взять десяток ферм шелкопрядов, — Вадим посмотрел на тормозящего Ефима, — Так и переведи.

— Торговец говорит, что если бы ему давали золотой, за каждый раз, когда покупатели грозились взять боем его добро, то он бы уже стал императором Поднебесной.

— Ефим, а с чего ты взял, что наш уважаемый торговец казах?

Денщик только открыл рот, не признаваться же ему что он различает их только по языку.

— Уважаемый, вы из какой части китая? — на мандаринском спросил Вадим.

Выходец из крепостной семьи и верный слуга рода Беркутовых Ефимка, а в старости лет Ефим Прокофьевич не упал на месте, только от мысли, что стоит рядом с господином.

Выходец из древнего рода по имени Ли Си Цин не упал на месте, только от мысли, что стоит перед северными варварами. Пусть и хорошо одетыми.

— Вы не знаете мандаринского? — Вадим досадливо протер пенсне.

— Знаю, а откуда вы досточтимый господин? — усомнился Ли.

— Русский я, вы все правильно поняли, просто душа близка к культуре востока, вот и приобщаюсь. Так что насчёт шелка?

— Как я сказал вашему слуге, здесь у меня немного товара, ваши власти не дают торговать без разрешения. Так что отдам пятьдесят метров за пятьдесят рублей.

— А если я захочу у вас купить весь? — Вадим принялся к ветру, не пахнет ли деньгами.

— Пять тысяч, — заявил дитя Поднебесной и стал нервно перебирать пальцами в рукавах халата.

— Тысяча и разрешение.

— Да вы же меня без товара в этом году оставите! Что я буду со слугами делать? Их семьи рассчитывают на меня. Вы режете без ножа.

— А что поделывать? Без разрешения будете обменивать свой шелк на наш мех? А так поедете домой с гостинцами и разрешением, привезете больше товара в следующем году.

— Три тысячи! И разрешение. Пожалейте мою маленькую деревню. Мы в этом году ждем сто первенцев и каждому нужно помочь, — Ли перевел дыхание и продолжил, — после ужасного пожара.

— Полторы тысячи, разрешение и я заплачу налог за сделку.

— Эх, бедствовать моей деревне. Две с половиной тысячи, налог и разрешение.

Вадим задумался.

— А что вы хотите купить в Империи? Я слышал, у вас сейчас война с Англичанами, — китаец от вопроса не дрогнул, но чертики в глазах заплясали.

— У вас недавно закончился поход, мы бы хотели купить некоторые трофеи.

— Две тысячи это винтовок триста. Плюс боезапас.

— Уж порох в Китае умеют делать. Больше купить не можем, но хоть что-то, — развел руками погрузневший Ли.

— Хорошо, подготовьте товар, а я пошел к губернатору, — Вадим лукавил, но в глазах гостя Российской Империи он должен выглядеть достойно.

— Эх, будет голодать моя деревня, а матери проклянут меня, но я согласен, если вы все сделаете, — Ли протянул руку, и Вадим ее пожал.

— Ефим, подними челюсть и поехали, — Вадим зашагал к карете на выходе с рынка.

Атаман Марченко, он же полковник Афанасий Миронович, сидел за столом и разбирал документы, когда постучались в дверь кабинета.

— Кто там? — поднял Афанасий Миронович уставший взгляд на скрипнувшую дверь.

В темном проходе в коридор стоял бледный поручик Беркутов с остекленевшим взглядом и чуть синеватыми губами. Афанасий от удивления выронил перо, залив чернилами бумагу.

— У меня к вам последняя просьба, — сказал Вадим с хрипотцой, — Разрешите войти?

Афанасий скользнул под стол и перекрестился. Тогда в степи, в отличии от нерадивого Ефима, он сразу понял, что подпоручика не спасти. А как Вадим пришел ночью к их костру, не мог спокойно уснуть. Поговорить же самому с подпоручиком у Марченко не находилось смелости.

— От туда спрашивай, — прохрипел Афанасий, горло предательски сжало.

— Будет неудобно, — Вадим посмотрел на порог двери.

— Вы, вурдалаки, без разрешения не зайдете! — победоносно вылез из-под стола Афанасий.

— А еще чеснока боимся и высшее начальство, да-да, знаем, — сказал Вадим и зашел в кабинет, — Я собственно, хотел просить увольнения со службы, по причине здоровья.

Сказал он и распахнул рубашку, показывая огромный шрам под сердцем. Немаленький и аккуратный, который видела Анна накануне.

— Будет тебе увольнение, только не подходи, — взмолился Афанасий.

— Хорошо, тогда следующий вопрос, мне сказали, что губернатор уехал и его заменяет некий полковник Марченко, можно поздравить вас с повышением?

— Можно, — неуверенно ответил Афанасий, — а зачем тебе губернатор?

— Да хотел разрешение на торговлю в городе просить для одного гостя и верного союзника Российской Империи.

— Будет, но налог за торговлю уплатить придется.

— Уплатим, — Вадим облизнул бледным языком губы, — А как так получилось, что одни потеряв полсотни теряют и голову, а другие растут в звании?

— Так, батюшка ваш, как узнал, что вы живы, так и похлопотал сразу. Неудачу за поход на прошлого полковника и свалили, — даже растерянно пожал плечами Афанасий.

— Тогда перейдем и к третьему вопросу, после которого я перестану вас беспокоить.

— Хорошо, — Афанасий не собирался признаваться этой ожившей нечисти о своем беспокойном сне. Собственно поэтому он всю ночь здесь и проработал.

— У меня для вас срочный приказ, избавить оружейные склады от старых ружей! — прогресел Вадим и положил на стол перед Афанасием толстый конверт. Марченко взглянул внутрь: толстенькая пачка ассигнаций, мягко намекала на срочность приказа.

— Да вы нечисть, совсем обнаглели, — протянул Марченко, пересчитывая сумму.

— Там банковских печатей на целых две тысячи рублей, — заявила обнаглевшая нечисть, по имени Вадим, — Напишите в отчете, что мыши погрызли.

— Летучие, ага, — Марченко поднял залитый чернилами лист со стола, — Будут тебе ружья, только уходи.

— И разрешение.

— И разрешение, — добавил уставший Афанасий, старательно выводя пером приказ, дыхнул на печать и оставил синего двуглавого орла на обоих документах. Как дверь за незванным поручиком закрылась, Афанасий перекрестился.

У выхода из канцелярии Вадима ждала карета с Ефимом.

— Воды.

— Сейчас вашблагородь, — Ефим передал флягу.

Вадим промочил горло и принялся смывать белилы с лица и сажу с губ. Маскарад сработал на отлично.

— Теперь к оружейникам и на рынок, пока китаец не сбежал или Марченко не передумал.

Везти ружья под открытым воздухом Вадим не стал, поэтому за скромную плату у сговорчивого адъютанта купил повозки чехлы еще за двадцать рублей.

Ли ждал эпатажного русского знавшего новомодный в Китае пекинский мандаринский у своего фургона.

— Уважаемый Ли, на выходе с рынка вас ждут телеги с ружьями, — Вадим сразу начал с дела, — А вот разрешение на торговлю под подписью помощника губернатора временно исполняющего его обязанности Марченко.

— Знаю это имя, занятой человек, меня к нему не пустили, — пожаловался Ли, пока они шли к ружьям.

Старые гладкоствольные семилнейные ударно-кремневые ружья образца двадцать восьмого года стали для китайца открытием. Особенно когда один из его слуг покрепче и повыше приложился к прикладу и утвердительно кивнул.

— Вы сдержали свое слово, я буду рад встретиться с вами в следующем году, — Ли Си Цин передал Вадиму десяток груженных шелковой тканью и прядью фургонов.

— Прядь? — уточнил Вадим.

— Это жест дружбы, — скромно улыбнулся Ли, — я вижу Ва Дим, что вы уважаемый человек, хоть и очень молодой.

— Вы думаете, что это не последняя война с Британией и Францией? — догадался Вадим.

— И еще очень мудрый. У меня есть богатства помимо шелка, если вы сможете добыть больше оружия.

— Тогда через год увидимся здесь. И возьмите побольше слуг, на дорогах бывает опасно, — предупредил Вадим, прежде чем пойти дальше по рынку. Для задумки он купил шерстяную и льняную пряжу, обеднев еще на две тысячи. Время перескочило обед, и в животе Ефима, сопровождавшего своего господина заурчал под мундиром.

— Сейчас пойдем обедать. И Ефим, ты как, хочешь дальше оставаться в армии? Я уволился.

— Куда вы вашблогородь, туда и я. Сегодня же подам прошение об увольнении, — свой военный срок он давно отслужил и оставался на службе, чтобы сначала по просьбе Бориса Владимировича, а после уже и по собственной любви присматривать за одним молодым офицером.

— Тогда держи десятку и собирайся в дорогу. Поедем в столицу, — Вадим вручил монету Ефиму. На пожилom лице с морщинами засияла добрая улыбка.

— Это спасибо, дочкам оставлю, у меня к дороге все готово.

— Это откуда ты заранее узнал?

— Так, я же с пониманием, не по нутру вам эта служба, вы волю любите, — подумал и добавил Ефим, — толькость последние дни совсем молчаливы.

— Рана, — Вадим положил руку на фрак, туда где у него был шрам.

— Вы так и не показали.

— Уже зажила, но ноет, перед дождем.

Купленные ткани грузили на склад Беркутова старшего. Стоять фургонам предстояло недолго, через пару дней Вадим собрался уезжать, следом пойдет и караван с товаром. Но сперва он решил собрать друзей. Собрать их после посиделок оказалось проблемно. Максим уехал проверять возвращенное родительское поместье, пока Василий сидел в обнимку с кувшином огуречного рассола и распускал слюни. Поэтому договорились послезавтра собраться в салоне Аннет.

Дома отец, конечно поворчал на счет занятого склада, но покупки одобрил и передал Вадиму связку писем от управляющей Гертруды Реймах, орусившуюся немку из Баварии.

Бедная женщина жаловалась на основную проблему портного мастерства: долги клиентов. Модные дома не только Петербурга, но и всей Европы держались на плечах платежеспособных клиентов. Купленному же когда-то ателье не хватало и этого. Последние пять лет он нес одни убытки. Борис Владимирович и рад помочь, но дела удерживали его в Оренбурге, поэтому он собирался продать ателье, а тут буйному сыну такой подарок.

Отложив последнее письмо, Вадим взял чернила и написал ответ. Курьер доберется до Петрограда раньше, и уже по дороге Вадим получит ответ. Еще одно письмо он написал с абстрактным назначением на дальний восток империи, для восточного друга.

Маленькие дела помогли скоротать время до прощальных посиделок в салоне. Анна специально заранее разогнала гимназистов, выставив их на холод. Василий свою барышню приводить не стал, решили посидеть узким кругом.

— Ну что господа и дама, — Вадим поднял бокал с вином, — первый тост: за первопроходцев!

— Почему первопроходцев? — удивился Василий, но чокнулся бокалом.

— Потому что я как самый смелый дикарь из наших степей поеду смотреть на большие дома кирпичными глазами.

— Максим, этот вождь зулусов успел отметить где-то до нас.

— Не передергивай, — улыбаясь, поправил друга Максим, — Продолжайте ваша носатость.

— Как только, вождь найдет самую теплую юрту, в городе где по слухам дожди не перестают лить с момента его основания, я буду звать вас в гости. Можно даже с деньгами, а то мы, дикари — люди небогатые.

— Не прибедряйся, ты у любого свое спросишь, а потом догонишь и еще раз спросишь, — Василий уже разливал по второй, Анна прикрыла ладошкой начатый бокал.

— Нам больше достанется.

— Предупреждаю сразу: у меня нет рассола.

— О дорогая Анна, ты же не оставишь старого друга в беде завтрашним утром? Давай пошлем слуг сейчас купить на запас.

— Это с чем тебе должна помочь Анна? Если что тебя над биде и Максим подержит, — Вадим улыбнулся.

— Только не Максим, — смущенно ответил Василий. Максим же шумно выплюнул вино на ковер.

— Он тебя не удержал и ты лицом... — Вадим показал как человек прыгает щучкой.

Максим сквозь смех и слезы показал как обхватил кого-то руками за пояс и макнул головой вниз.

Анна вскочила из-за стола и скрылась за дверью на кухне. Василий скривил губы, налил себе еще и выпил залпом.

Не успело встать солнце, как Вадим уже ехал в карете и писал письмо на откидном столике. Напротив, сидел Ефим и удивленно причмокивал: как так у барина выходит, не расплескивать чернила при такой качке, да еще и почерк понятный. Груз выйдет из города позже вместе с управляющим, нанятым по совету Бориса Владимировича.

Остановка, по крыше кареты постучал возница. Ефим пожал плечами на вопросительный взгляд Вадима и открыл маленькое окошко в передней стенке.

— Вашблагородие, здесь серьезные люди перегородили дорогу. Вадим отложил бумаги и выглянул в окно. Прямо у пограничного столба города, на обочине паслись кони, пока их всадники перегородили дорогу. Вадим покрутил головой, но как назло ранним утром дорога пустовала.

Вадим выпрыгнул, карета жалобно скрипнула, наклонившись в бок.

— Хлопцы, я не разумею, нам треба проехать, — Вадим наслаждался вытянутыми лицами Федора, трех его друзей и неизвестного с рапирой на поясе. По лицу европеец, по модному фракку синего шелка скорее француз чем англичанин.

— Вадим, хватит дурить, я ждал тебя чтобы все закончить, — Федор пошел первым, за ним уже двинулась все компания. Остановился он, когда оставалось пара метров, — Я вызываю тебя на дуэль, за оскорбление!

— Вашблогородь, зачем мы вышли из кареты? — запыхавшийся Ефим дернул Вадима за рукав и тихо, чтобы честная компания не слышала, взвел кремневый ударник на пистолете за поясом. И уже громче, чтобы слышали все: — Что вы как тати на дороге стережете?

— Дуэль будет на рапирах! Ты согласен? — губы у Федора дрожали, он стоял привставая на носочки от охвативших чувств.

— Что же ты друг мой так долго ждал? — улыбаясь спросил Вадим и поправил пенсне, разглядывая бретера.

— Мне нужно было отлучиться из города, чтобы встретить своего друга. Он любезно согласился защищать мою честь, — Федор срывался на крик.

— Понимаю, сам ты и жопу себе не подотрешь.

— Уважаемый, попрошу без оскорблений Федора, — с сильным французским акцентом заявил бретёр, — Позвольте представиться Луи...

— Ох, что же вы сразу не сказали, что среди нас француз? Я бы так не выразался, пожалел его тонкие уши, — Вадим говорил ровно и тихо относительно криков Федора и нервного сопения Ефима.

— Ведите себя прилично! — француз подался вперед.

— Федор, ты переплатил. Еще немного и у него сдадут нервы. Спорим, что этот пижон и пощечины моей не выдержит? — это Вадим уже обратился к Ефиму, который явно стал перегреваться и закипать, чувствуя беду как положено бывалому вояке.

— Да как вы смеете, я вас убью!

Луи потянулся за рапирой, а Вадим подошел на шаг и отвесил ему пощечину. Всех передернуло, но не от резкого звука пощечины или хруста шейных позвонков, а от развернутой к спине голове француза.

— Cul — пробормотал Луи и упал.

— Действительно, жопа, — почесал Вадим подбородок и присел к трупам, проверять вещи бретера.

С пояса он снял ту самую рапиру с ножнами, в карманах фрака нашлись хорошие золотые карманные часы на цепочке, конверт с деньгами и пара писем.

— Хорошая вещь, — Вадим взвесил в руке рапиру, под молчаливое столпотворение. Даже кучер на карете наклонился, чтобы рассмотреть скандал поближе, да так и замер.

— Дай мне, а то поранишься.

Вадим отобрал у Ефима заряженный пистолет и повел им в сторону неудавшейся команды убийц. Ведь именно для убийства они его и поджидали.

— А теперь вы, суслики, — Вадим показало стволом пистолета в сторону степи, — Стоять, друга то возьмите в путешествие. Ефим, остаешься здесь за старшего, не хочу, чтобы пропала моя карета или кони моих друзей.

Ефим кивнул и погрозил кулаком кучеру. Думать о произошедшем бывший денщик не хотел совершенно, приходилось реагировать.

Вадим отвел компанию метров на пятьдесят от дороги, чтобы не беспокоить случайных путников и держать карету в поле зрения.

— Ну чево встали, копайте.

— Что капать? — не понял Федор.

— Известно что — могилы.

— А чем копать? — спросил пухлощекий товарищ Федора, не сразу понявший, что копать придется несколько могил, — Вадим, да ты чего!

— Это же все Федька задумал! Мы не хотели лезть! Не губи!

— Помилуй!

Поднявшийся шум и слезы Вадим остановил, отодвинув подол фрака. На поясе у него висело еще два взведенных пистолета.

— Руками копайте, сначала для дорогого друга, потом для себя. А я пока письма почитаю, — Вадим погрозил дулом пистолета, и золотая молодежь зашевелилась. Солнце встало, и летний день жарил несладно. Они поскидывали дорогие рубашки и сюртуки на

землю, оголившись по пояс, чтобы копать, а пока Вадим отвлекся на письма, заговорили шепотом.

— Он обезумел! — зашипел пухлощекий.

— Нужно накинуться вместе, — добавил еще один, — Федор, ты что скажешь?

— Да пошли вы, то же мне друзья... — голос Федора переполнила печаль и обреченность.

— Да кинемся вместе и АЙ! — пухлощекий подскочил, схватившись за мягкое место, куда его ткнул рапирой Вадим.

— Больше дела, меньше тела, господа заговорщики.

— Вадим, давай договоримся, наши семьи хорошо заплатят, — попытался предложить Федор, но злодей только фыркнул:

— Конечно, предложат, куда они денутся, но потом, — Вадим осмотрел вырытые могилы и грязных от земли неудавшихся убийц, — Кидайте туда француза и закапывайте.

Он показал на крайнюю из ям, и в небе появилась вспышка молнии. Заморосил пакостный такой дождик.

— Может, хоть голову ему развернем? — предложил Федор, стоя над бретером.

— Не, пусть археологи из будущего гадают, как эта новая ветвь человека хомус-задус попала в уральские степи, — мрачно улыбнулся Вадим и хлопнул в ладоши. Дрожащие от холодного дождя парни молча повернулись к своему судье.

— Бог милостив, — начал Вадим и перекрестился рукой с пистолетом, — Поэтому смилююсь и я. Ступайте на все четыре стороны, и обязательно ступайте с миром.

— И ты нас так просто отпустишь? — не поверил Федор.

— Нет конечно. Сейчас поставите свои подписи в письме, где некий Николай Семенович Частколов приглашает известного бретера в Оренбург, судьбою заглянувшего в Самару несколько дней назад, для решения одного деликатного вопроса.

— Хорошо, — стуча зубами выдавил из себя Федор, и дождь успокоился, — Пойдем к карете?

— Нет конечно, вы можете идти на все четыре стороны, кроме моей кареты, — Вадим достал письмо и показал, где подписывать.

— А чем? — спросил пухлощекий, и ему протянули булавку.

— Большой пальчик уколел, сюда приложил и иди.

С чувством некой обреченности представители золотой молодежи посмотрели на четыре пустых могилы и подчинились. К дороге Вадим возвращался в отличном настроении. Ефим привязал пятерых коней, чтобы не разбежались к задней ручке багажника.

— Поехали, — крикнул Вадим и залез внутрь.

— Вашблогородь, а хлопцы где? — заглянул внутрь кучер.

— Да вон, по степи топают. Коней нам подарили, чтобы хорошо ухаживали.

— Трогай давай, и так задержались, — Ефим только глазами сверкнул, чтобы кучер щелкнул кнутом, и они тронулись.

— На Ефим, это тебе, — Вадим протянул денщику свои старые часы, а новые от Луи прицепил к жилетке.

— Спасибо вашблогородь, уважили. Но вы же промокли, снимайте фрак, что-нибудь придумаю.

— Придумаешь конечно, — Вадим погладил мокрые черные волосы и убрал конверт с деньгами и письмом в саквояж.

Добираться до Северной столицы пришлось больше четырех недель, и это им еще сильно повезло, что от Самары началась хорошая дорога. Они остановились в городе на короткий отдых и, чтобы продать старых коней. Трофеи взятые с золотой молодежи понравились Вадиму больше. Ефим молчаливо одобрил выбор, подсказал отправить письмо отцу.

В Сызрани пришли первые ответные письма от госпожи Реймах. Она просила поторопиться и уверяла, что все готово к приезду.

После Самары шла Москва, как по уровню развития так и на пути Вадима. Огромный город, но отставший в культурном плане от Петербурга.

Карета тонула в грязи на дорогах застеленных бревнами. В городе стоял смрад от выгребных ям, жителям приходилось уезжать на дачи. В этом обе столицы сильно походили друг на друга.

Столица же встретила пробками. Сотни карет и обозов въезжали и выезжали из каменного Петрограда. Чугунные, деревянные и каменные мосты как артерии соединяли острова города, сшивая берега Невы.

Мастерская находилась в трехэтажном доме на Надежденской улице. Хорошее местоположение, если не учитывать основных клиентов из ближайшего морского кадетского училища.

— Ефим, поезжай на квартиру, я поздороваюсь с хозяйкой. Потом приедешь и пойдем на обед.

— Вашблогородь, может, сразу на обед? Вы же с утра ни крошки.

Сначала дела. — Вадим с удовольствием походил перед ателье, разминая ноги на мощеной камнем дороге. Над входом висела вывеска: "Дом моды мадам Реймах". Вадим открыл дверь и зазвонил колокольчик. Первый зал представлял из себя комнату для чайных церемоний со столиками, мягкими диванами и парой ожидающих слуг.

— Ваше благородие, чем можем помочь? — оценил новомодный фрак Вадима служащий с тонкими закрученными усиками.

— Мне сказали, что это лучший дом моды во всем Петрограде, я правильно пришёл?

— Ваше благородие... — не нашелся что сказать служащий.

— Дорогой Вадим Борисович, не шутите так с Петром, — на чистом русском пропела зашедшая в зал улыбчивая женщина, с каштановыми волосами, в легком летнем платье, большими глазами и узкой талией. — Рада вас приветствовать в шумной столице.

Вадим чмокнул поданную ему руку.

— И конечно, вы попали в лучшее ателье города, — Гертруда указала на место за чайным столиком, — Петр, принеси нам чаю.

Она вопросительно подняла бровь.

— И печенок. Не хочу перебивать аппетит перед обедом, — Вадим положил цилиндр на свободное место, сев напротив Гертруды, — Чем порадуете или огорчите?

Она ответила не сразу, изучая молодого человека, его костюм, цепочку часов, торчащую из кармана жилетки, и такое странное фиолетовое пенсне, перетягивающие все внимание с симпатичного тонкого лица.

— Я не думала, что вы так молоды. Вашего отца я видела всего пару раз и вы сильно

отличается.

— О, вы еще не знаете, как мы похожи характерами, — Вадим выжидающе скрестил пальцы, пока Гертруда собиралась духом.

Принесли ароматный чай с лимоном и новомодные бисквитные печенья.

— Я в отчаянии, — начала она, когда слуги отошли, — основные клиенты — офицеры разъехались на Кавказскую войну, а их семьи по дачам на лето. Должники носу здесь не покажут. Раньше я держала тридцать девушек, чтобы они помогали с шитьем, теперь осталось только семнадцать. Да и это не все, сейчас дует французский ветер моды, мне стыдно признаться, но у меня получается только гнаться за ним.

— Я понимаю, — задумчиво покивал Вадим. В общем, основные проблемы Гертруда описала еще в письмах, — Это поправимо. Что на счет складов для тканей?

— Такие большие и в черте города получится только снять, я договорилась с владельцем, он ждет денег. Сколько же вы купили тканей?

— На пять тысяч. Половина шелковым полотном, остальное льняной и шерстяной пряжей.

— Мои девочки не прыгут, — задумалась Гертруда.

— Я и не собирался их заставлять. Людей найду, была бы крыша. Что на втором этаже? На третьем? — Вадим владел всем зданием, но не знал планировки.

— На втором квартируют одинокие девушки, я живу отдельно. На третьем раньше тоже квартировали, но там пустые комнаты. Я не стала предлагать вам селиться, мы бы стесняли вас, да и слуг на этажах почти нет. Девушки все из мещанских семей.

— Хорошо, покажите книги? — Вадим пил насыщенный индийский чай, пока Гертруда не принесла бухгалтерские книги, в которые записывали расходы, доходы и долги. Вадим пролистал все. Ателье держалось в слабом плюсе, но запасы тканей заканчивались, как и фонды на обновление здания. Такими темпами они и дальше будут терять портных, а с ними и клиентов.

От раздумий их отвлек звон колокольчика над дверью. Прямо к столику прошел взъерошенный человек в полосатом фраке. Его глаза бегали то по столу, то по Вадиму, то по Гертруде.

— Уважаемая, это преступление! Вы похитили мой костюм, а мне нужно на серьезную встречу! С серьезными людьми. Это безобразие, и я позову жандармов! — Он повернулся к двери и победоносно потряс кулаком, — О, а вот и они.

— Вадим, я ничего такого не делала.

— Знаю, положитесь на меня, — Вадим погладил руку побледневшей Гертруде и отрицательно кивнул Петру, который уже закатывал рукава.

В ателье вернулся мерзенький человек в компании двух жандармов в синих мундирах. Один подпоручик, а второй сержант судя по погонам.

— Здравия желаю, мадам, этот господин утверждает, что его ограбили в вашем ателье, — протараторил подпоручик.

— Представьтесь, — Вадим встал из-за стола.

— Что?

— Представьтесь, и вы сударь, — Вадим отдельно показал на мерзотненького.

— Граф, да Граф Мартынов, — надул ноздри мерзенький граф Мартынов.

— А, тот самый.

— О вы меня знаете, тогда не будете мешать...

— Тот самый, который должен моему ателье пятьсот семьдесят рублей и тридцать копеек за три костюма. Вы пришли отдать деньги?

— Да вы! — закончить графу не дал подпоручик.

— А как вас называть, сударь?

— Конечно, подпоручик? — Вадим выжидательно наклонил голову.

— Семенов, — неохотно пробурчал тот.

— Зовут меня Вадим Борисович по фамилии Беркутов.

— Не слышал, — честно признался подпоручик Семенов.

— Конечно, я же только приехал из Лондона, решил проверить свое ателье, а тут считай наши добросовестные жандармы сами привели к моим дверям должника. Показать расписку?

— Нет, мы вам верим, но господин Мартынов уважаемый человек и мы не смеем вмешиваться, — подпоручик расслабил воротник на кителе.

— На улице жара, а вы так вспотели. Может, свежего кипятку? Только с плиты, еще дымится, — услужливо сказал Вадим.

— Нет, спасибо мы пойдем, — кивнул подпоручик и потянул сержанта к выходу.

— Я, мы, да вы... Эх — махнул рукой и вышел мерзенький граф.

Вадим подошел к двери и посмотрел, в какую сторону уходят незваные господа.

— Вадим, я, я не знаю как вас отблагодарить, — Гертруда расплылась в улыбке, — Но вы же не приехали из Лондона.

— Так, для нашего жандарма весомее звучит, — Вадим ждал, когда они подальше отойдут, — И не переживайте, мы теперь в одной лодке. Я буду помогать.

— А как вы узнали долг графа? Вы книгу пролистали и все.

— Хорошая память, — Вадим подошел к столику и положил маленькую коробочку обтянутую бархатом, — Это презент, в честь нашего знакомства. Я пойду погуляю. А когда придет мой Ефим, передайте, что приеду на квартиру, пусть идет обедать, — уже на ходу проговорил Вадим и вышел на улицу, ловить карету.

Гертруда не сразу решилась взглянуть, что за подарок, но открыв коробочку сразу закрыла и покраснела.

— Петр, иди работать.

— Да госпожа, — поклонился слуга.

Вадим поймал двуколку и следовал по Московской дороге за каретой графа и жандармов. Они ехали не дольше получаса, углубляясь в город, пока не остановились в укромном дворике у двухэтажного дома с хорошеньким ресторанчиком на первом и открытой верандой на втором. Граф зашел в ресторан первым, за ним прошла пара мужчин в серых сюртуках.

— Держи и поезжай дальше. — Вадим решил не останавливаться прямо рядом с каретой графа и спустился ниже по кварталу. Двуколка под ним слегка царапала дорогу, просевшим днищем.

— Ваша милость, спасибо, — кучер потер об рубаху уплаченный рубль и поехал дальше.

Вадим осмотрел полупустую улицу и зашел в тихий закоулок к водосточной трубе. Он расстегнул фрак, жилет и с разбегу допрыгнул до второго этажа, зацепившись за подоконник, подтянулся и запрыгнул на крышу. Крепкое каменное здание, с шумной компанией на верхнем этаже. Вадим осторожно прошелся по черепице и перепрыгнул

второй этаж ресторана, зацепившись за перила веранды и повиснув над черным ходом в дворике.

Чтобы услышать разговор обедающих жандармов и графа, Вадим перелез по перилам ближе.

— Не знаю, граф, зря съездили. Франт этот, как прыщ вылез.

— Вы вообще уверены, что у этой портнихи есть что брать?

— Конечно есть, к ней такие дамы ходят, чаю попить и не только, — граф причмокивал и гремел ложкой, наверное, поедая суп, Вадим не видел.

— Ну все господа, мне еще в министерство. Сами заплатите, — положил ложку граф, скрипнул стул и ушел.

Дул приятный соленый ветер, из кухни под Вадимом пахло наваристой ухой.

— Я не понимаю, почему его Семен Семеныч терпит. Чикнуть пером по глотке и готово.

— Тебе лишь бы чикнуть. Чего тогда фраера того не чикнул?

— Ладно, ладно.

Звон ложек о посуду и молчаливое жевание.

— Господа, желаете еще почивать-с? — новый голос.

— Нет, пойдём. Семен Семеныч сегодня будет?

— Как обычно, под вечер.

— Тогда позже вернемся, еще нужно обсудить...

— Эй, ты че там висишь? — отвлек Вадима басистый голос снизу.

Какой-то мужик с фартуком на пузе вышел покурить и застал интересную картину. Вадим упер ноги в стену и прыгнул на мужика, пока тот не начал орать. Раздался хруст, мужика придавило к земле, а Вадим встал и отряхнулся. Оставлять свидетеля на улице — плохая примета. Поэтому он закинул мужика на плечо и пошагал к ближайшему подъезду во дворике. Дверь запиралась изнутри на шпингалет, но одного рывка хватило, чтобы ее открыть.

Вадим поднимался по лестнице, как ступенька под ногой провалилась, и он чуть не выронил мужика. Старый деревянный дом прогнил и сыпался.

— Молодой человек, вы из какой квартиры? — не успел Вадим подняться на следующей пролет, как сверху навстречу вышла бабка в платке. Она шурилась и медленно переступала через каждую ступеньку, — Ходят тут всякие алкаши!

— Уважаемая, пожалуйста осторожнее, там дырка на ступеньке, — предупредил Вадим, пройдя выше.

— Заткнись, сопляк-ляк-ляк, — покатила бабушка вниз по лестнице, — Ооох.

— Ну значит живая, — Вадим поднялся до чердака и закинул туда мужика.

Беседа предстояла веселая, только на мужике уже не осталось целого места. Несколько трещин на ребрах, перелом носа и лодыжки. Он потерял сознание от болевого шока и не спешил возвращаться в мрачное бытие.

— Просыпайся давай, — Вадим похлопал его по щекам, но не так сильно, как французского дуэлянта.

— Гос, господи, как все болит... — прохрипел мужик.

— Смотри на меня, — Вадим сжал его подбородок, — Ответишь на все вопросы и боль закончится.

После рассказа милый рестораник почти в центре города превратился в самое

настоящее логово, где заканчивали свой путь несчастные жертвы. Повар, а именно им и был мужик, не лез в дела хозяина, Семена Семеновича, но чуял неприятный запах и не раз становился случайным свидетелем шумных разговоров.

К ресторану подъехала дорогая карета, Вадим следил за двором из окна подъезда. Из нее вышел лысый мужчина в дорогом фраке, по-барски отмахнулся от подбежавшего слуги и скрылся в ресторане, не появившись на веранде.

Вадим вышел из старенького дома в мешковатой одежде, с завязанным фартуком в желтых пятнах и пошел к черному ходу. За тяжелой дверью стояли жара, маг и ароматы. На печках кипели супы и каши. Пара молодых поваров резала овощи и напевали песню. Вадим зацепил с деревянной доски мясницкий тесак, укрыв его полотенцем и пошел дальше, через узкий коридор еще с двумя дверями. Одна вела в общий полупустой зал на первом этаже, богатея из кареты не наблюдалось. Вторая дверь уходила в полутемный холодный подвал. Там слабо горели свечи, освещая полки с овощами и мясом.

Глаза Вадима слабо загорелись, и он провел рукой по царапинам на полу подвала, от потайной двери. За банкой с огурцами на полке спряталась ручка. Щелчок, дверь приоткрылась, хорошо смазанные петли не скрипели, когда Вадим заглянул внутрь.

Кабинет в подвале не блистал чистотой или порядком. У самой двери стояли мешки и ящики с алкоголем, потом деревянные опоры и рабочий стол, за которым сидел мужчина с обвисшими щеками и писал пером на бумаге. Его освещал слабый масляный фонарь, из-за чего мужчина щурился и прикладывал монокль к глазу. Рядом со столом стояла вешалка с пиджаком.

— Опять сквозняк, — мужчина оторвался от бумаг, поежился и уставился в темноту на дверь. Или на два блестящих как у кошки глаза.

Вадим переложил тесак поудобнее.

— Ты чего окаянный! — со злостью ударил по столу мужик, так сильно, что подпрыгнул светильник, — Напугал, сволочь. Ух я тебе сейчас! Ромка, ты?

— Семен Семенович, не надо, я... к вам гость. Граф вроде бы, — просипел Вадим, не двинув и мускулом.

— А постучать? Тебя никто не учил стучать, детина ты безродная? — Семен Семеныча отпустил страх, и бандит переключился на гнев, — Вот я тебя прикажу высечь, не забудешь, ирод!

Он встал, и в свете лампы показались разбитые костяшки на его крепких кулаках.

— Пожалуйста, не бейте, нас же услышат гости! — пропищал Вадим.

— Ничего, дверь закрою, и даже черти в аду тебя не услышат! — Семен Семенович оскалился и пошел в сторону глаз, прихватив с собой фонарь.

— Ну и отлично, — Вадим закрыл за собой дверь.

— Стой, ты кто? — переполошился Семен Семеныч, осветив лампой нежданного гостя.

— Сема, как ты можешь смотреть своей смерти в глаза и не узнать ее? — Вадим шагнул на встречу, — Я весь день за тобой по городу бегаю, а ты от меня в погребе спрятался.

Свет фонаря прошелся по лезвию тесака.

— Ам, — Семен Семенович оступился и упал, ударившись затылком об стол.

Резкая боль в голове не смогла потушить природный страх. Семен дрогнул и пополз спиной к вешалке рядом со столом. Там висел пиджак, из внутреннего кармана которого торчала рукоять маленького дерринджера. Крохотного двуствольного пистолета, придуманного англичанами.

— Постой, карман пустой, — Вадим пропел слова и схватил уползающего за ногу крепкой как стальные тиски хваткой.

— Мама...

***

Банда собралась у ресторана через час. Четверо шумно спустились в погреб и открыли потайную дверь. Кабинет стоял в полутьме, единственными источниками света были масляная лампа, которая висела на вешалке рядом с дверью и дымящаяся трубка. Тлеющий табак слабо светил, скорее обозначал наличие человека за столом.

Молчание прервал один из вошедших, мужчина с аккуратной бородой и прической под котелок.

— Семен Семеныч, а мы чего совсем в темноте? — его звали Жора.

— Антуражу нагоняете? — поддержал его товарищ с густыми бакенбардами и свиными глазками по имени Кондрат.

За ними стояли два уже знакомых жандарма: подпоручик Микола и сержант Алексей Вяткин. Оба в хороших гражданских костюмах, коротких стрижках и казенных сапогах. Совсем прижавшись спиной к двери, остался стоять худощавый Жорочка.

— А нет больше Семен Семеныча, — заговорил Вадим и наклонился ближе, чтобы свет лампы доставал до него. — Теперь его место займет призрак, прошу любить и жаловать.

Вадим похлопал себя по фартуку.

— Слышь, клоун, ты тут попутал. Завязывай шутить, где Семен Семеныч?! — требовательно крикнул Жора и выхватил с пояса нож. Бандиты последовали его примеру, доставая стилеты, а Кондрат вытянул из голенища сапога металлический прут.

— Господа, ну что вы? Кто же на перестрелку приходит с ножом? — засмеялся Вадим и положил на стол два пистолета, третий он громко взвел снизу не поднимая руки. Бандиты замялись, — А вот и ваш Семен, по отцу Семенович.

С этими словами Вадим поднял и поставил на край стола голову. Свет лампы плясал в масляных глазах мертвеца, на пожелтевших зубах, в застывшем от крика рту. Бледную кожу сеткой пронизывали взбухшие вены, как если бы главаря банды перед смертью душили.

— Беспредел, — прошептал подпоручик Микола.

— Вижу, до вас дошло. Тогда продолжим, — Вадим откинулся на спинку кресла, из-за чего оно жалобно заскрипело, — Вы теперь работаете на меня, в месяц плачу двести рублей хоть ассигнациями хоть монетой, хоть бартером. За каждое успешное дело будут бонусы. Все несогласные из бизнеса выпадают. Вопросы?

— А что такое бизнес и бонусы? — уточнил мясник Кондрат.

— Это по-английски: предприятие и дополнительная мощна. Так понятнее? — все кивнули, — Кто здесь грамотный?

— Я, ваше благородие, — замялся подпоручик Микола.

— Остальные? — на вопрос Вадима еще кивнул сержант Алексей Вяткин.

Жорочка из всей компании бандитов прижался к двери, прячась от света лампы. Оружие они опустили, но держались напряженно, с боков зайти не пытались да и подходить боялись.

— Тогда пиши, имена, кто должен был прийти, почему не пришел, — Вадим пододвинул листок с пером Миколе. Бандит опасно подошел, убрав финку в карман, и зачирикал пером, — Написал? А теперь пиши всех, с кем Семен Семеныч общался по своим делам, проверим твою память.

Вадим хотел сверить то, что ему сказал главарь банды с тем, что знали подчиненные.

— О как много имен, и даже пара новых. Отлично, за это тебе премия, — Вадим достал стопку ассигнаций, макнул большой палец об язык головы Семен Семеныча и отсчитал пятьдесят пять рублей, — Еще сто пятьдесят будет в конце месяца. Выплаты я даю два раза в месяц. Чтобы не так обидно было, если решите сбежать, а то ведь найду еще.

Он сказал и мечтательно так прикрыл глаза. Микола взял деньги поглядывая на голову и отошел.

— А вам, что приглашение нужно? Или денег не хотите? — Вадим кивнул Алексею, но прежде чем он подошел, вмешался мясник Кондрат:

— Не по-людски это, беспредел. Кто с тобой дела захочет вести? Нас ты запугал, я вижу, — он окинул товарищей по делу взглядом, — но другие авторитеты тебе рога накрутят.

— Это мы еще посмотрим, кто кому рога накрутит. Подходи, я не кусаюсь.

Алексей шагнул к столу и взял деньги. Подошел и Кондрат.

— Ты сказал, что можно и металлом.

— Верно, — Вадим снова обмакнул большой палец об язык Семен Семеныча и отсчитал металлические монеты. Кондрат скривился, но деньги взял.

— А ты чего шифруешься? — Вадим обращался к Жоре, который совсем скрылся в тени. Сейчас же бандит дернулся, как от разряда молнией и дернул ручку потайной двери в подвал. Гроыхнул выстрел, Вадим разрядил пистолет прямо между лопаток Жоры. Тело упало, закрыв собой дверь.

— Ну одной крысой меньше. Тогда так, слушайте первое задание: Микола, бери этого, — Вадим указал на Жору, — и суй в бочку, не в эту, эту занял Семен Семеныч, а в соседнюю, да. Кондрат, выйди, проверь спокойно ли на улице, если спокойно то пойдешь в подъезд соседнего дома, на чердак и принесешь мне костюм, там рядом тело повара охраняет. Сюда спустите.

— А я? — спросил Алексей.

— А ты, пойдешь на улицу и подгонишь карету, чтобы бочки за город вывезти, не с трупами же нам здесь сидеть, — Ну, чего встали?

Для убедительности Вадим бросил головой в Кондрата, и тот сразу дернулся исполнять поручения. Пока они возились с телами, Вадим поднялся на кухню и подошел к кастрюле ухи, где в наваристом бульоне плавали кусочки жирненькой форели с зеленью.

— А кто готовил? — уточнил он у парней-поваров.

— Так главный наш...

— Понял, вот так хреновина, — Вадим зачерпнул половником и поцокал языком от наслаждения. Курение такого мастера сгубило!

Бандиты сидели на берегу и бросали камушки в воду. Бочки с телами унесло в сторону финского залива и их никто не трогал. Вадим перед отъездом оставил сообщение:

— Готовим большое дело с одним иностранцем, жду завтра в восемь вечера в ресторане. Купите себе часы, чтобы не опаздывать.

Сказал и ушел. Микола грустно повздыхал:

— Много крови прольется.

— Зато какие деньги, — заметил Алексей и потер руки, чтобы согреть. Холодный ветер гулял по темному побережью.

Карета остановилась перед двухэтажном кирпичным домом недалеко от ателье. Вадиму сдали девять комнат за две с половиной тысячи в год. Слуги шли на уровне мебели, поэтому с собой он никого не брал, кроме старого денщика, который сидел на кухне и ждал барина.

— Ты чего не спишь? — Вадим зашел на свет в комнате с сумкой в руках.

— Вас ждал, обещали дожждаться на обед, но не пришли, — Ефим с отрешенным видом отхлебнул чаю с блюдца, — Гулять ушли.

— Возникли дела.

— По пыльным чердакам лазили? — он кивнул на пыльные туфли.

— Почему чердакам? — уточнил Вадим и сел за стол, наливая себе чай из самовара.

— Не знаю, где вы там гуляете.

— Если дела на чердаках будут приносить деньги, то почему бы не гулять и там, — Вадим пожал плечами.

— Вы изменились. Все о деньгах, делах, вам человека прихлопнуть — плюнуть и растереть. Вот столько возились с этой закорючкой, а подарить не забыли?

— Конечно, подарил. Что мне забывать?

— И как? Понравилась?

— Мне пришлось убежать, сегодня буду в ателье, спрошу.

Ефим покачал головой, встал, обошел стол и приложился ухом к груди Вадима.

— Ефим, ты чего?

— Проверяю есть ли у вас сердце! — он схватил сушку со стола и засунул за щеку.

— Тьфу на тебя. Я пойду помоюсь, а потом поеду в банк.

— А спать?

— После смерти выспимся.

— Тогда прикажу нагреть вам воду.

Вадим уже ушел переодеваться в домашнее и только махнул рукой. Ефим допил чай и пошел будить слуг, раз барин пришел.

Вадим зашел в комнату и расстегнул сумку. Внутри лежали не только деньги, но еще и книги должников Семен Семеныча, который в основном занимался ростовщичеством. Отставные офицеры, обанкротившиеся помещики и куча купцов задолжали сотни тысяч рублей. Главарь банды не мог вытрясти такие деньги без связей, которые исчезли вместе с его смертью. Главной жемчужиной, а также последним достижением стал пойманный в сети граф Мартынов. Известный скряга в верхних слоях общества растративший большее состояние, доставшееся еще от отца.

Колеса кареты стучали по каменной мостовой, напротив Вадима сидел Ефим, не желавший никуда отпускать барина в одиночку. Карета остановилась, и они вышли у крепкого здания с решетками на окнах. Вход охраняла пара серьезных людей с пришибленным видом и дубинками на поясах.

— Лучший банк в столице, — нахмурился Вадим и зашел внутрь с кожаным портфелем.

Внутри посетителей встречало строгое, но аккуратное убранство. Люстры на потолке освещали большой зал. К Вадиму подошел клерк в сюртуке из овечьей шерсти и поклонился.

— Чего изволите-с.

— Доброго дня, мне бы счет открыть.

— Пройдемте, — клерк проводил гостей в отдельный кабинет с хорошей мебелью из красной древесины.

— В какой валюте хотите открыть счет и на чье имя?

— А конвертация возможно? — Вадиму хотел понять степень доверия к государственному банку.

— Франки, фунты, все, что в ходу у уважаемых людей.

— Отлично, только у меня сомнения, — только Вадим сказал, как на лице клерка промелькнула грусть, — Поймите меня правильно, я не все свои деньги еще привез из Лондона, поэтому хочу быть уверен. Тем более что я слышал о вашем банке...

Вадим замолчал, как бы раздумывая продолжить или нет.

— Слухи! Наш Государственный коммерческий банк уже пятьдесят лет честно работает на благо клиентов.

— Но иностранцы в него не вкладывают деньги! — Вадим эмоционально прикрикнул, чтобы сбить пыл клерка.

— Вы правы и неправы одновременно. У нас не так много зарубежных клиентов, как хотелось бы, — он перешел на шепот, — по секрету скажу, что один французский чиновник собирается открыть у нас крупный счет.

— Хорошо, но давно ли в Петроград зачастили французские чиновники? Может это какой-то мелкий прыщ. Вот в Лондоне я пользовался услугами Империл банка, там и самой Виктории не зазорно держать деньги, — брезгливо отмахнулся Вадим.

— Вы что! Он не просто человек, а человечье! Месье Марель верный друг графа Горчакова, ох, — клерк прикрыл рукой рот, сболтнул лишнее.

— Ну хорошо, вы меня убедили, сначала открою маленький счет на пять тысяч, — Вадим полез в портфель.

Клер обрадовался, что клиент не заметил лишнего, но счет, откровенно говоря, совсем маленький по меркам Петроградского дворянства.

— Вам за старания, — Вадим пододвинул конверт клерку.

— О ваше благородие не стоило — клерк хотел глянуть, но Вадим задержал его руку.

— Сначала дело.

— Конечно-с.

Всю беготню Вадим закончил до обеда. Через банк удобнее было покупать крестьян, нанимать рабочих, брать кредиты.

В Ателье мадмуазель Гертруды пришла пара благородных дам, чтобы заказать платья на осень. Мать говорила с хозяйкой, пока дочь прятала от Вадима глаза за веером.

— Дамы, — Вадим снял цилиндр и скромно поклонился.

Брякнул звоночек и дверь закрылась.

— Плохая партия, — Гертруда записала имена в книгу клиентов и их заказ, — Вдова Дригина, хочет вывести дочь в свет.

— А кого вы можете назвать хорошей партией? — лукаво улыбнулся Вадим и поцеловал поданную Гертрудой руку.

— Чаю?

— Конечно.

— Петр, нам зеленого. Как вчера погуляли?

— Отлично, сделал пару хороших покупок, — Вадим выжидал, дама моды не любила

сразу переходить к делу и заговорила когда на столик поставили заварочный чайничек.

— Прежде всего вас нужно показать, вы в Петрограде новое лицо, еще не открытое, — она улыbnулась.

— Понимаю. А что вы можете рассказать про это самое общество? С какой стороны лучше открыться?

— Вы воевали, но местные гусары этого не любят, как соль на рану всем, кто не уехал на Кавказ. Но дамы будут рады услышать вашу историю, — Гертруда бросила в чай ломтик лимона и кубик сахара.

— Ну хорошо, подумаю. А не подскажите хороший литературный кружок? Что-нибудь из передовых.

— Есть несколько, вы к кому больше склоняетесь?

— Не совсем понимаю, — Вадим откинулся в кресле.

— Ну к какой чаше весов вас больше клонит: поклонникам просвещённой Франции, грубой Англии, а может, к милой Пруссии? — с толикой надежды пояснила Гертруда.

— А вот вы о чем. Боюсь, что я сторонник сильной России, но буду рад, если вы милая, познакомите меня с людьми, которые смогут объяснить неопытному человеку, что путь с Пруссией.

— Эх, почему вы не на десять лет старше? — прошептала Гертруда и отвернулась.

— Мне понадобится ваша помощь. Нужен хороший дизайнер, строители и повар.

— Повар? В квартире плохо готовит?

— Нет, я прикупил ресторанчик рядом с центром, милое место, но не хватает женской руки. Да и предыдущий повар хоть и отлично готовил, но упал со второго этажа и больше не сможет работать.

— Какой ужас. В нашем деле главное — найти правильного человека, я постараюсь помочь с вашей просьбой.

— И еще, напишите адреса клубов, буду рад заглянуть, проветрюсь.

— Конечно, но теперь я волнуюсь, как бы такого делового человека ни увели, — Гертруда посмеялась, переводя замечание в шутку, но Вадим не стал ее поддерживать, показав дистанцию.

— Вы не слышали, где остановится месье Морель? Известный французский деятель.

— Не продолжайте, конечно знаю. Он остановился в гостевом доме своего друга графа Горчакова. Скажу вам по секрету, безтактнейший господин, — уточнить Гертруде не позволило воспитание.

— Как вам подарок?

— Очень понравился, — Гертруда поправила воротник легкого, но закрытого платья, показав золотую цепочку от медальона.

— Хорошо, благодарю за чай, — Вадим положил два конверта на стол, — Мне понадобится костюм и вам платье, откроете меня большому свету. А я пока посмотрю на малые в их болотах.

— Ну что вы, не стоит! — Гертруда хотела отказаться.

— Любая работа должна оплачиваться, а хорошая оплачивается вдвойне.

— Тогда идемте мериться. Я заодно покажу вам наших мастериц.

Из ателье Вадим вышел в новом строгом костюме из хлопка. Ефим вышел из небольшой чайной лавки напротив, встречая барина.

— Не понимаю, как вы не потеете. Куда теперь?

— Пошли гулять.

До вечера и встречи в ресторане было еще время, поэтому Вадим поехал посмотреть адреса литературных клубов. К сожалению у России было несколько проблем, которые он не мог решить в одиночку или быстро. Требовалось чертовски много денег.

— Вашблогородь, какой красивый дом, — Ефим выглянул в окно на роскошное двухэтажное поместье с садом и елями. От кованых ворот ко входу вела аккуратная мощеная дорожка. По двору прогуливались дамы и играли в крикет, их сопровождали слуги с закусками и зонтиками от солнца.

— Интересно, — Вадим оценил стражников в иностранных костюмах на воротах.

— Ничего, у нас будет лучше, — Ефим понял замечание Вадима по-своему.

— Давай еще кружок, а потом в город, у меня скоро встреча.

Кучер кивнул и стегнул лошадей. Поместье французского гостя приходилось объезжать большим кругом.

Банда собралась вовремя, все с карманными часами и в новых костюмах. Вадим зажег побольше светильников и разложил карту города на столе.

— Прежде чем начать дело, нужно подготовиться. Я жду в скором времени товар, поэтому распределим задачи. Кондрат, ты поедешь по округе города, по селам и найдешь землю рядом с рекой. Нужен хороший участок, хорошо, если там есть сильное течение. Критерии я напишу. Если не продадут, то хоть в аренду возьмем.

— А зачем переться в такую даль? — уточнил Алексей.

— Чтобы не сидеть под носом у жандармов. Там будет одно скользкое дело, так что ищи такое место, чтобы комар носу не подточил, — Кондрат кивнул.

— Дальше, Микола, узнай, кто владеет этим кварталом, я бы хотел купить дома. Повара и слуги ресторана согласны продолжить работу, теперь уже на меня.

— Хорошо, узнаю.

— Алексей, купишь все по списку, деньги я дам.

Сержант жандармерии нахмурился.

— Читать не умеешь?

— Умею, не так хорошо как Микола, но умею. Просто такие котлы нигде не купить. Это заказывать нужно. Обязательно медные? А стеклянные?

— Обязательно, там все точно написано.

После открытия счета в банке на руках осталась пять тысяч рублей. Банда хоть нервничала, но была готова дать шанс дерзкому Призраку.

Вадим присмотрел литературный клуб, с которого он начнет вливаться в молодежное общество города. Клуб возглавляла дочь промышленника Мальцева — Дарья. Милая девушка семнадцати лет с веснушками и шумной подругой Варей. Девушки любили прогуливаться по набережной, где совершенно случайно с ними решил познакомиться Вадим. Оставалось найти повод, который приехал на инвалидной коляске с гувернанткой. Женщина в строгом платье выгуливала утомленного старика с седыми волосами, бородой и хорошим костюмом, пока рядом щебетали девушки под строгими взглядами нянечек. Вадим читал газету со срочной новостью о победе адмирала Проценко в тихом океане над коварным королем Гавайев, который принудил последнего подать прошение о вассалитете императору Всероссийскому. Вот гувернантка подошла с коляской к ступенькам набережной и тяжело вздохнула, взглядом разыскивая помощников. Вадим отложил газету и подошел помочь, легко подняв коляску.

— Ох мир не без добрых людей, — восторженно заметила женщина. Вадим незаметно погнул ось колеса коляски, чтобы оно сразу не разболталось.

Вадим поклонился и пошел в сторону девушек.

— Извините любейзнейшие, я недавно в городе и совсем потерялся.

— Какой у вас хороший французский! — воскликнула жизнерадостная Варя в воздушном платье и шляпке, — только лицо такое русское.

— Ну что же ты так! Вы простите ее, — заливаясь громким смехом, вмешалась Дарья, — Вы откуда? С Парижу?

— Нет мадмуазели, с Урала, — стоило это сказать Вадиму, как блеск в глазах девушек пропал. Перед ними стоял хоть и симпатичный, но простой франт из захолустья.

Прежде чем Дарья нарушила затянувшуюся неловкую паузу, раздался скрип металла и женский крик. Гувернантка смотрела на край набережной и держалась за лицо. Рядом с ней стояли рабочие, которые устанавливали новые бортики, чтобы никто не упал.

— Кто-нибудь помогите! Он не может плавать! — гувернантка повернулась к прохожим, ища поддержки.

Вадим сбросил пиджак и прыгнул в воду, под удивленные крики девушек. Старик ушел неглубоко, но из-за металлической коляски его утягивало на дно, он задышался. Вадим камнем приземлился в ил, по щиколотку погрузившись в него. Каждый шаг давался с трудом, податливое дно затягивало ноги. Вадим схватил коляску и пошел к подъему из воды. Чтобы не оставить следов, он окончательно доломал ось и оторвал колесо.

На набережной скопился народ. Люди сбегались на крики и хотели помочь, но не знали как.

— Смотрите, вышел! — рабочий показал на спину Вадима, выносящего старика из воды на каменные ступени. Гувернантка спустилась и закричала:

— Господи, не дышит!

Вадим наклонился ухом к груди старика, распахнул его жилет и запел английскую песенку, делая массаж сердца.

Старик выплюнул воду и глубоко задышал. Бледная гувернантка бросилась его обнимать.

— Подождите, вода в заливе холодная, еще легкие простудит, — застучал зубами Вадим и понес старика к дороге, — Поедем, быстрее, нужна горячая вода.

— Конечно! — гувернантка как курица бегала вокруг, пока не додумалась побежать искать кучера.

Вадим сел вместе со стариком в карету, к ним подбежала Варя и протянула пиджак.

— Вы забыли!

— Спасибо, — также стуча зубами, ответил Вадим, накрыв старика пиджаком.

Дело пошло, может не так хорошо, как он надеялся, но пошло. Стоило карете уехать от шумной набережной, как Вадим перестал трястись от холода, он достал карманные часы из жилетки и цокнул языком.

— Промокли.

Больше ничего ценного он с собой не возил.

Карета остановилась и из дома в старославянском стиле вышли слуги, они помогли поднять старика.

— Молодой человек, как вас зовут? — уточнила гувернантка.

— Вадим, Беркутов. Приходите в ателье госпожи Реймах, обязательно подберем новый

костюм взамен испорченного.

— Дорогой Вадим, пожалуйста, не уходите, мы не бедные люди и отблагодарим вас.

— Простите, — Вадим показал на мокрую одежду и сел в карету, которая довезла его до дома. Ефим, конечно, поругался на барина, но выслушав историю, порадовался, что все хорошо закончилось.

Так и шла неделя, которую Видим отвел на подготовку к делу: утром он выезжал на прогулки вокруг поместья француза, вечером контролировал выполнения заданий. Наконец, доехал караван с тканями, которые пока оставили на складе. Госпожа Рейхарт порадовалась качеству шелка.

Пришлось потратить еще пятьсот рублей, чтобы найти слуг из гостевого дома Горчакова. На третий день охоты Вадим нашел болтливую пажу, который за скромную плату и угощение в кабаке охотно рассказывал о внутреннем убранстве и подтвердил, что француз не спешит вкладывать деньги в банк, а подсматривает себе поместье. Но времени оставалось впритык, к нему уже несколько раз приходили по поводу земельных дел.

Миссия началась в ночь с пятницы на субботу. Вадим втайне от Ефима и слуг выбрался из дома. Как самого смышленного Кондрата поставили отвечать за транспорт. Они заранее угнали карету и открытую коляску.

— Сегодня граф Горчаков устраивает бал, наш объект непременно пойдет на него, такого шанса упускать нельзя, — через Гертруду Вадим следил за проходящими баллами, оправдываясь тем, что подсматривает подходящий повод для выхода в высший свет.

Над городом висела большая луна, желтыми лучами пробивающая пасмурное небо, и повисший в воздухе смрад от цветущей Невы. Под тенью домов тихо ехала карета. Она с час петляла по каменным улицам, пока не свернула на областную дорогу, выехав на шоссе до усадеб.

У гостевого дома графа Горчакова с кареты выпрыгнуло три тени. Перед вылазкой Вадим выдал всем обтягивающие темные костюмы с масками на лица. Алексей нес на плече моток веревок и рюкзак с мешками, Микола и Вадим несли тяжелые инструменты и лестницу. Они перелезли ограду со стороны сада. Там стоял одинокий сторож и раскуривал трубку, когда сзади подкрался Вадим и одним ударом в затылок опрокинул деда. Тело положили в большой горшок, который садовник приготовил для пересадки герани.

К окну второго этажа первым полез Алексей, он достал связку отмычек и поковырялся в оконной раме, поддев щеколду. Окно открылось со скрипом, подул звенящий ветер.

Вадим поднял голову и прислушался, в коридоре поместья раздались шаги. Кто-то услышал шум и шел, чтобы закрыть окно. Алексей с тревогой оглянулся, но увидел только белые сверкающие в темноте глаза. К окну подошла одна из служанок. Женщина с заспанными глазами закуталась в плед и несла свечку, которую затушил ветер.

— Вот демоны, опять открылось, я же закрывала, — она потянулась к ручке, но встретила с черным лицом без рта.

Алексей наклонился вперед и схватил ее за плед, он сильно дернул женщину через подоконник, сбрасывая ее на землю. Крикнуть она не успела, только с чавкающим звуком ударилась о мощеную каменную тропинку. Вадим, удерживающий лестницу, толкнул Миколу, который следовал за Алексеем. Они забрались на второй этаж, именно там находился кабинет и спальня француза. Комнаты слуг в основном находились снизу, рядом с кухней, столовой и гостиной. Алексей дернулся, чтобы зайти в дверь по правую руку, но его остановил Вадим, показавший в конец коридора. В кабинет вело два входа: через коридор и

через спальню. Дверь легко поддавалась, самое трудное начиналось внутри. Огромный сейф стоял за картиной с Императором Николаем Первым. Британский сейф с новой системой защиты из трех ключей и кода. Алексей посмотрел на это дело и пожал плечами, не его уровень.

— Алексей, мешки. Микола, ищи тайник, — Вадим шепотом раздал приказы и прислонился к толстой стальной стенке. Он покрутил ручку циферблата, подбирая последовательность на звук, когда открылась дверь из спальни. В кабинет зашла маленькая девочка лет десяти, потирая глаза, она шлепала по полу в ночнушке. Микола так и замер, стуча по стене.

— Папа, ты пришел? — по-французски спросила девочка и смогла что-то разглядеть в темноте.

Первым среагировал Алексей, заслонив собой ребенка от товарищей. Вадим поднялся и легко отодвинул его.

— Ребенок! — жалобно взмолился Алексей, вцепившись в его одежду.

— Свидетель, — пожал плечами Вадим и щелбаном ударил девочку в лоб.

Со стороны казавшийся слабым удар отправил ребенка спиной в стол, с которого пошатнулся и упал графин, громко разбившись.

Вадим прошел к столу и приложил два пальца к сонной артерии, пульс прощупывался.

— Ты убил ребенка.

— Не ссы, жива она, — Вадим достал из одежды пистолет и взвел его, — На, иди и никого не пускай.

Алексей шмыгнул носом и вышел из кабинета.

Из глубин коридора донесся глухой голос:

— Эй, кому не спиться ночью?

Микола повернулся к двери, но Вадим его одернул:

— Ты тайник нашел?

— Сейчас, — прохрипел Микола и пошел простукивать кабинет.

Открыть сейф тихим методом они уже не успевали, поэтому Вадим снял перчатки, схватил дверцы сейфа с двух сторон и надавил деформируя. Тяжелая дверь медленно затрещала, на ней появились трещины и вылез зазор, в котором торчали язычки замков. Звон и язычки сломались, выпав из гнезд. Вадим откидывает дверь к ногам ошалевшего Миколы.

— Ты в порядке? — Микола дрожащей рукой трогает замершего Вадима, но вскрикнув отпрыгивает. Руку обдал сильный жар как от чугунной печки.

— Кидай все в мешок, я поищу тайник, — Вадим встал, расправив плечи. Микола кивнул и бросился загребать бумаги и драгоценности.

В кабинете помимо крупного деревянного стола с толстыми расписными ножками, стула, книжного шкафа, картины императора и глобуса на тумбе ничего не было. Князь в строгости держал своих гостей. Стены, окно и пол Микола уже простучал, значит, оставалась мебель. Вадим проверял ножки стола, когда в коридоре прогремел выстрел.

В дверь заглянул Алексей с дымящимся пистолетом.

— Чего встал, помогай, — Микола протянул ему уже полный мешок.

На улице засвистели в свисток.

— Уходить нужно, — Алексей и Микола утаскивали мешки к окну, через которое пришли.

Тяжелые инструменты и веревку они оставили в кабинете. Вадим же на секунду задержался, еще раз осмотрев комнату, и подошел к глобусу. Он сломал верхнюю полусферу как скорлупу у яйца, там пряталось потайное отделение с документами, письмами и серебряным кулоном.

Вадим нагнал товарищей, когда они спускались по лестнице, чтобы не терять времени он спрыгнул, раздавив сапогом что-то влажное и хрустящее в плече, проверять было некогда, поэтому они побежали. У ограды сада их ждала карета с сильно нервничающим Кондратом, который громко выдохнул, увидев товарищей. На улице эхом отдавались тревожные свистки.

— Трогай, — Вадим зацепился за поручень и повис на одной руке. Документы и письма он засунул под одежду, чтобы не выпали.

— Чертов паж! Он не говорил о ребенке, — Алексей сдернул маску внутри экипажа и ударил рукой по деревянной стенке.

Они бросили карету в переулке. Пришлось пройти пешком по узким кварталам, прежде чем они вышли к запасной карете, а на ней уже выехали за город, к снятому Кондратом

домом на берегу реки.

— Значит так, деньги я забираю, Кондрат продаешь экипаж с другой стороны Невы сегодня же, — Вадим расхаживал по комнате, при свете лампы.

— Хорошо. Но что у вас там случилось? — Кондрат оценил кислые лица Миколы и Алексея.

— Ребенок случился, зашла когда мы очищали сейф.

— И что? Вы ее того?

— Вадим сказал, что жива. Лучше, чтобы была жива, — с вызовом сказал Алексей.

Вадим подошел к нему и поднял за грудки над полом.

— Ты щенок, там людей убивал, а меня душегубом выставляешь?

Кондрат потянулся к топору на поясе, а Микола подошел к Вадиму и дернул его за руку.

— Алексей, Ва... в смысле Призрак прав. Либо она, либо мы.

— Девочка жива и точка, — Вадим открыл мешок и под внимательными взглядами отсчитал каждому по пятнадцать тысяч франков. Кондрат взял металлом, попробовав золотой слиток на зуб, прежде чем улыбнуться. Огромные деньги для обычных бандитов, зарабатывающих рэкетом и шантажом, — А теперь в город, чтобы когда вас вызвали на работу, вы как колы стояли на службе. Потом придумаем, как вас безопасно уволить. Или повесить.

Город просыпался под тревожную атмосферу жандармских розысков. Синие мундиры обходили дома, патрулировали улицы, пока с неба лил холодный дождь.

А в снятом доме Ефим настойчиво постучал в дверь спальни из темного дерева, не выдержал и зашёл.

— Вашблогорь, вставайте, уже обед.

— Ефим, барин спит, приходи позже, — Вадим повыше натянул одеяло, укутавшись полностью, — Сейчас спущусь.

— Вам пришла почта из Оренбурга, — Ефим закрыл дверь, из коридора слышалось гулкие удаляющиеся шаги.

Вадим скинул одеяло. Он лежал в черной облегающей одежде, обнимая мешок с награбленным. С дела его долей стало сто двадцать тысяч франками, акции верфи под Марселем, дипломатическая переписка, которую еще нужно было проверить и драгоценности: камни, золотые серьги, кольца, и дешевый на общем фоне медальон. Вадим покрутил его в руках и нажала на металлический язычок. Открылась крышка, на которой замерло два маленьких портрета: женщина и девочка, та самая, которая пришла ночью в кабинет, зовя папу.

Слуги накрыли стол и подготовили вафли с медом. В зале пахло ароматным чаем из самовара. Ефим елозил надкусанной вафель по тарелке, собирая мед.

— Поешьте, очень вкусно.

— Сначала работа, — пока Вадим перебирал письма француза, Ефим пододвинул к себе тарелку и нарезал Вадиму вафель, полил сверху сгущенкой и поставил чашку чая.

Письма не вызвали особого интереса у Вадима, за исключением трех. В первом обсуждалось обязательное введение метрической системы в колониях Франции. Во втором собеседник, некий месье К, предлагал поставить правителя из Бурбонов в стране южной Америки. Какой точно не уточнялось, но учитывая доктрину Монро, вопрос встал интересный. Третье письмо посвящается найденным французским историком следов затонувшего испанского галеона с золотом, времен колонизации Америки. Историк просил

полмиллиона франков на организацию экспедиции.

— Интересно, — и еще письмо, пришедшее из Оренбурга от отца, и там же лежало послание от Ли Си Цина.

Война для Китая шла откровенно плохо. Поставленные ружья хоть и уступали британским нарезным штуцерам, но помогли в паре прибрежных сражений. Китаец просил больше, он готов привезти золото и серебро в обмен на ружья, но ему нужно намного больше.

Россия воевала на Кавказе, прощупывала Казахстан, ей некогда помогать спящему гиганту. Но Вадим не Николай Первый, он не собирался бросать соседей одних со страшной Британией. Особенно если на этом можно заработать.

— Ефим, как думаешь, почему наши войска так долго топчутся в Закавказье?

— Хех, вестимо, вы с пистолетами больше воюете, а я полжизни проходил в пехтуре с ружьем на плече. У нас штык был первым, вторым и третьим средством. А где в горах походишь со штыком?

— Нужно перенимать передовой опыт в борьбе со злыми аборигенами, — улыбнулся Вадим, — Поехали в купечество, нужно потратить денежку.

Только перед купечеством Вадим поменял франки на рубли в банке. Он шел нанимать рабочих и помещения в том тихом поселке у реки. Вдали от любопытных глаз он заказал у строителей три цеха. Большая часть оборудования продавалась на рынке, медные трубы, стеклянные колбы и сырье. Соляная кислота, бихромат калия и вода. Главное — позаботиться о рабочих, а то потравятся все, закапывать замучаешься. Чтобы скрыть свой продукт, Вадим покупал сырье в разных местах в сочетании с лишними ингредиентами, со временем умные люди догадаются о составе.

Цех на производство красок, окраску тканей и производство мебели. Вместе с красками, которые собирался получить. Это то, что будет на виду. Остальные задумки можно сначала делать кустарно, но без станков никуда. В России их если и делали, то мало, и если можно было найти на рынке, то за очень приличные деньги. Вадим задумался и открыл книгу должников покойного Семен Семеновича. Граф Мартынов, вот ответ. Со слов покойного, этот высокородный должник тратил деньги, чтобы производить впечатление на местную ложу масонов. Прямой выход на англичан. Другое дело, что эти англичане потребуют за станки.

В главном цеху поставили чаны, где взбалтывали, смешивали и нагревали смеси, каждый состав приходилось настаивать, и охлаждать в холодной речной воде, чтобы улучшить конечный продукт. Воду качали люди ручными насосами. Вадим планировал поставить хотя бы водяное колесо, но пока не хватало денег. Сэкономленные средства окупались во втором цеху, где купленный ранее шелк вымачивали в растворах и сушили. Чтобы не травить рабочих, цеха проветривали, все носили тканевые повязки на лица, которые часто меняли.

В ателье стояла прохлада, августовская жара спала. Гертруда беседовала с Петром, когда звякнул дверной звонок.

— Доброго дня, — Вадим придержал дверь, чтобы в ателье зашли грузчики с укрытыми рулонами, — Я готов выйти в свет.

— Наконец, а то уже пошли слушки, что один Питерский гость прячется от дворян.

— Но мне нужен новый костюм.

Гертруда на это только хмыкнула.

— Где-то я уже это слышала.

— Ну не хочешь делать как хочешь, я тогда возьму эту, — Вадим сверкнул глазами из-под пенсне и снял чехол с насыщенного фиолетового шелка. Гертруда подошла и нагло отодвинула его, глядя рукой ткань.

— Из него хочу подкладку под пиджак, рубашку и галстук, — Вадим открыл следующий чехол, там лежал черный шелк, — А из этого костюм. Черного пока немного, но со временем наладим. Я запустил пряжу шерсти и льна, как будет готово, принесу.

Вадим прошелся по залу.

— А здесь сделаем ремонт, хочу сменить обстановку и поставить новую мебель.

— Петр. Отнесите ткань девочкам, пусть порадуются, — Гертруда дождалась, пока слуги уйдут. В соседней комнате поднялся шум, девушки-мастера громко визжали.

— Ой, здравствуйте, Вадим Борисович, — в дверях показалось милое лицо, прежде чем закрылась дверь.

С той стороны шум утих, но не исчез.

— Нам нужны еще портные, с такими чудесными цветами народ в очередь выстроится, — Гертруда дрожащими руками налила себе чаю, — Костюм я сошью для вас сама.

— У меня есть несколько советов, — Вадим начал говорить, но поймал взгляд Гертруды "ну давай скажи мне, как делать мою работу", — Но я придержу их при себе.

— Вадим, не обижайся, но ты же не зря оплачиваешь наш труд? Мы любим свою работу, просто не мешай.

— Ох, ну хорошо, — Вадим развернул газету и сел пить чай.

— Не обижайся.

— И не думал.

— Тебя искали. Жанна Березова — гувернантка Есислава Павловича, вы ему жизни спасли. Ах, бедный человек. Его ранила французская пуля в спину, еще в Отечественную, — Гертруда прикрылась веером, — говорят, что он был очень охотлив до дам, но Жанна всех разгоняет.

— С парализованными ногами? — Вадим отложил газету, где на первой полосе красовалась новость о мобилизации Турции против Египта.

— Ну, кто знает, — Гертруда улыбнулась одними глазами.

— Ладно, я пойду, — он закрыл за собой дверь и сел в карету и поехал в ресторан. Там шла стройка, чтобы обновить интерьер и экстерьер здания. У входа стояла хорошая двуколка с важным человеком в пузатом пиджаке и цилиндре с двумя подбородками.

— О молодой господин, вы, наверное, в звании майора, а может, генерала? — с ходу спросил важный человек выходящего из кареты Вадима.

— Что вы, мы дворяне — люди простые: что подали на том и ездим.

— Ну с вашим древним родом можно позволить и четыре коня.

— А вы?

— Коллежский ассессор Жидиков, Александр Иванович.

— Очень приятно, ваше высокоблагородие, — Вадим снял котелок, — Чем обязаны?

— Можно просто Александр, — коллежский ассессор с намеком посмотрел на ресторан.

— Идите, только мы ещё не открылись, ремонт.

Вадим пропустил Жидикова вперёд в зал, Там стоял шум молотков и пил, а этим шумом, как дирижёр руководил нанятый дизайнер. Он оформлял ресторан в грузинском

стиле, устанавливая подпорки и перекрытия из хорошего дуба, покрытого темным лаком. Строителей и поставщиков рекомендовал дизайнер — слаженная команда.

— У меня новый повар, хотите попробовать?

— А что случилось со старым? — осторожно осведомился Жидиков.

— Задавал много вопросов, — Вадим подозвал официанта.

— Я воздержусь, на работе поел.

— А мне водочки.

Официант поклонился и ушёл.

Коллежский ассессор постукивал пальцами по старому столу, новую мебель ещё не привезли. В разговоре образовалась пауза.

— Раньше этим рестораном владел мой хороший друг... — Жидиков нарушил молчание первым и сделал паузу, чтобы Вадим продолжил мысль, но Вадим молчал, — Мы с другом вели некоторые дела, щекотливого характера.

— А имя есть у вашего щекотливого друга?

— Есть, его же не быть. Семен Семенович Бегунов.

— И чем я могу помочь? — Вадим налил себе принесенной водки.

— Вы его знали?

— Не знал, но он мне продал ресторан.

— Так, вы общались, а говорите, что не знали. Вы знаете, куда он исчез?

— Общался, но не знал. Не ведаю, чем Семен Семенович увлекался или как проводил свободное время. Куда он уплыл тоже не представляю, может сделал ноги Бегунов из-за ваших щекотливых дел, — Вадим закусил бочковым огурчиком, сладко хрустнув, — Точно не хотите? Холодненькая.

— Нет спасибо, — Жидиков ответил отрешенно, — А могу я увидеть купчую на ресторан?

— Конечно, ваше высокоблагородие, как придете с документами из земельной или налоговой службы. А так, коммерческая тайна, — пожал плечами Вадим и с сожалением покачал головой.

— Хех. Вадим Борисович, вы же понимаете, что если я приду с документами, то у нас будет совсем другой разговор?

— Это все, что вы хотели спросить? — Вадим ответил, немного подумав.

— Да, это все. Всего доброго.

— Всего доброго, господин Жидиков.

Дверь за коллежским ассессором закрылась. Вадим допил водку и позвал официанта. Начались телодвижения, которых он очень ждал.

Через пять часов, когда зашел солнце, Вадим и Кондрат сидели у окна на чердаке и смотрели за рестораном. Кондрат подобрал себе стул почище, чтобы не испачкать новый фрак. Он подстриг бороду и нацепил золотой перстень.

— Как проходит покупка этого дома?

— Почти все оформили, осталась одна неприятность.

— Какая? — Вадим спрашивал без злобы, но Кондрат поежился от повеявшего холода.

— Бабушка из этого подъезда отказывается переезжать. У нее сломаны ноги и доктор советовал соблюдать постельный режим, — спародировал Кондрат отговорку.

— Бабушка старая?

— Как библия.

— Тогда помогите ей обрести покой, но тихо. Не оставляя теней.

— Хорошо, — Кондрат сглотнул и нервно погладил шею.

— Пришли, — Вадим кивнул на пару теней, которые крались к черному ходу ресторана, — Жидиков, ты открытая книга.

Кондрат и Вадим замерли у дверей подъезда. Незваные гости возились с тяжелым амбарным замком. Вадим подобрал самый ржавый, чтобы дольше открывать пришлось, вот люди и мучились, матерясь громким шепотом.

— Помочь? — Кондрат с размаху огрел обухом топора того, что возился с замком.

Второго Вадим вдавил рукой в стену, наклонился поближе и прошептал:

— Шшш.

Первым в себя пришел щуплый мужик лет тридцати пяти с шрамом на глазу. Вадим потащил его привязанного к стулу в подвальный кабинет, пока товарищ сидел в компании Кондрата и банок с огурцами.

После подготовительных процедур клиент запел. Вадим положил окровавленные щипцы в металлическую тарелку, рядом с выдернутыми зубами.

— Кто послал?

— Федой, фестно!

— Не ори, что он хотел?

— Фолото. К нам приходил фбывать товар ваф феловек, — говорил бандит неважно, часто шмыгая носом и выдыхая через свежие щели в улыбке.

— Ясно. Где этот твой Федой, то есть Седой сидит?

— Рядом с бофаром, фентральным.

Бандит сглотнул накопившуюся слюну. Вадим вышел и зашел, тоща второго.

— Значит так, хлопцы, мне нужен только один из вас, — Вадим достал кухарский нож и поигрался им в руках. Кондрат молча стоял, подпирая дверь.

— Да вы чего? Мужики? — не понял целый гость.

— Все просто, вы расходный материал. Вас послали сюда на смерть, — Вадим достал из-за пояса пистолет, — Седой ваш, не сказал же про оружие? О, по глазам вижу, не сказал. А может, заплатил? Конечно нет, зачем платить мясу.

— Седой нас не предавал!

— Тогда откуда мы о вас знали? Я вот своим людям плачу за дело. Так?

— Так, Призрак, — подтвердил Кондрат.

— Видите. Но сейчас место у меня в команде только одно...

— Я готоф! Фто угодно! — Щербатый чуть ли не прыгал вместе с привязанным стулом.

— Хм, — Вадим обошел пленных, обрезал у обоих веревки и положил на середину комнаты нож, — Выйдет только один.

Бандиты дождались, пока Вадим и Кондрат закроют дверь, прежде чем бросится к ножу.

— Зачем вы так? — Кондрат чиркнул огнивом, чтобы раскурить трубку.

— Потуши. Кто в подвале курит?

— Прости Призрак, нервы. Мы же не возьмем одного из них? Предал один раз, предаст второй.

— Экий ты простой. Вот кто они сейчас? Сосунки на побегушках, а у нас серьезная организация, мы деньги делаем, — Вадим указал на золотой перстень Кондрата.

С той стороны двери осторожно постучали.

— Я все.

Перед роскошным помещением остановилась карета с четырьмя жеребцами. Гостей встречал паж в красном сюртуке и белых носочках.

— Прощу ваше благородия, проходите.

Мимо него в зал полный гостей зашли Гертруда с Вадимом. Играла приятная музыка живого оркестра, которая не смогла заглушить удивленного возгласа. Вадим вел гордую Гертруду под руку. Леди и их партнеры с восторгом любовались длинным лиловым воздушным платьем с насыщенной черной пелериной. Вадим же носил черный пиджак с фиолетовой подкладкой, фиолетовым галстуком и жилеткой поверх черной шелковой рубашки.

К Гертруде подошла знакомая с мужем под руку:

— Милая, ты выглядишь восхитительно!

— Здравствуй, Влада, Максим. Со мной сегодня замечательный человек, Беркутов Вадим Борисович. Если бы не он, то не знаю, как бы вышла в свет сегодня.

Вадим поклонился, представляющим людям. К ним со всего зала стягивались пары, выражая интерес красочным нарядом. Выждав немного времени, Вадим откланялся, чтобы перевести дух в стороне.

— Молодой человек? — его окликнули из зала. Навстречу выехал старичок с подстриженной бородкой на инвалидной коляске. Его сопровождала строгая гувернантка, оберегая Есислава Павловича как хорошая наседка, — Рад вас видеть.

— Взаимно. Мне говорили, что Жанна меня искала. К сожалению, я уезжал по делам.

— Пустяки, — махнул рукой Есислав, но судя по строгому взгляду Жанна не считала это пустяком, — Она хотела поблагодарить вас от моего имени. Но вот мы встретились, и я могу сделать это лично.

Жанна достала и передала Вадиму деревянную шкатулку с серебрянной гравировкой.

— Ваши часы сломались, и я решил позволить себе отблагодарить вас.

— Тысяча благодарностей, но правда не стоило, — Вадим скромно принял подарок, спрятав его во внутреннем кармане, — К сожалению, в меня с собой ничего нет, но надеюсь, что вы найдете время посетить наше ателье. Госпожа Рейнах заменит ваш испорченный на новый костюм.

— Если вы так зовете...

— Уверен, нам будет что обсудить, — улыбнулся Вадим, и попрощавшись пошел к замеченному в стороне графу Мартынову. Когда-то должнику Семен Семеновича, а теперь Призраку.

— Ваше высокоблагородие, рад, что смог вас поймать.

Граф дернулся, схватившись за сердце. Он пришел в новом фраке, сшитым Гертрудой, и выкупленным Вадимом.

— Что вы, я от вас не бегаю, — Мартынов заговорил шепотом, — человек, о котором вы спрашивали, тоже пришел. Он сейчас в одной из комнат для гостей.

— Тогда как договорились, — Вадим и повел графа под руку, улыбаясь встречающимся людям. Они подошли к двери и Мартынов осторожно постучал, он заглянул внутрь и прощепетал извинения, прежде чем пригласить Вадима.

— Это мой молодой друг, Беркутов Борис Владимирович, большой поклонник современных методов ведения бизнеса.

— Здравствуйте, молодой человек, — поздоровался на хорошем русском пожилой мужчина с вытянутой осанкой и строгим костюмом, — Лорд Генри Вескер — помощник английского посла в России.

— Ну что вы, это большая честь для меня, — ответил на чистом английском Вадим.

— Откуда вы? — лорд нацепил на глаз монокль, мазнул взглядом молодого человека и налил себе вина, не предложив гостям.

— С юга, только недавно вернулся с похода и решил обустроиться в столице.

У лорда Генри на груди висел орден Святого Георга за четвертую коалицию против Франции.

— Думаю, что мы могли бы быть друг другу полезны.

Лорд улыбнулся, хорошо, что не фыркнул. Вадим подошел ближе и протянул письмо, которое выкрал у месье Мореля. Англичанин изучил содержимое, прежде чем убрать во внутренний карман.

— Меня послал один уважаемый человек. Он просит уважаемого лорда помочь с покупкой новомодных машин, — Вадим протянул список станков.

— Ваш жест оценен, — лорд Генри ознакомился со списком. Ничего совершенного нового: обработка металла, дерева, тканей. Просто в дремучей России сороковых годов и это получить было трудно, — Посмотрю, что можно сделать. А теперь простите, я жду одного человека.

— Всего доброго, — Вадим откланялся, прихватив с собой графа. Мартынов сначала стоял как заколдованный, но отошел и заговорил:

— Какой человек — глыба!

— Я бы сказал из чего эта глыба, — проворчал Вадим, но граф его не слушал.

— Вы так легко нашли язык, мне полгода пришлось расшаркиваться у порогов стольких людей, прежде чем я познакомился с лордом Генри.

— Это вам, — Вадим вручил графу конверт с расписками, — Как и договаривались.

— Вы великодушный человек, Вадим, спасибо, что сами поговорили с этим типом Семеном Семенычем.

— Вам незачем пачкаться об такую падаль. Приходите в ателье, подберем вам новый костюм, — Вадим указал на себя.

— Ох, спасибо, но даже не знаю, как к новинкам отнесутся джентльмены. Они очень консервативны.

— Только время покажет.

В зале поднялся шум. На первый осенний бал приехал месье Морель. Его встречали гости и владелец поместья. Они строили трагичные лица и удивленно качали головами, слушая душещипательную историю, еще недавно гремевшую на первых полосах газет. Высший свет Петербурга и не думал, что французский чиновник оправится и выйдет из затворничества, но как только выздоровела дочь, он смог вернуться к делам.

Вадим слушал, как дом месье Мореля брало штурмом чуть ли не десять человек, как слуги мужественно защищали скромные богатства, и какая судьба ждала бы злодеев, если бы не злосчастное колесо, отвалившейся в ту ночь от кареты Мореля.

— Если бы не проклятое колесо, то я бы приехал раньше и защитил мою маленькую Мари! Ох, что эти мерзавцы сделали с моей дочкой. Эх, они украли медальон с портретом

моей покойной супруги...

— С серебряной розочкой?

— Да, да с серебряной розочкой, — согласился Пьер Морель и с раскрытыми, как у жабы глазами повернулся к сказавшему это Вадиму, — Вы его видели?

— Простите месье, я только предположил, что он ваш. В одном торговом доме с различными старостями мне попался не такое уж и древнее ожерелье, а в медальоне была пара портретов.

— Вы уверены? Я никому не говорил о том, как выглядит медальон, — Пьер с безумными глазами схватил Вадима за плечи.

— Да месье, если хотите, то могу показать это место.

Пока Морель задумался, раздался высокий женский голосок:

— Дарья, это же тот молодой человек, что прыгнул спасать господина Васнецова, — Варя обращалась к подруге Дарье, которая стояла среди слушателей трагичного рассказа, — Месье Морель, это очень смелый человек!

— Хорошо, тогда пойдемте быстрее, — Пьер позвал Вадима за собой, собираясь уйти с бала.

— Дамы, — Вадим поднял цилиндр на прощание.

— Вадим, приходите к нам в литературный клуб! — крикнула вдогонку Варя.

Гертруды Вадим не нашел, поэтому сразу прошел в карету за французом. Они ехали по дождливому осеннему Петрограду, пока не остановились рядом с одноэтажным домом. На здании висела крупная вывеска: "Ценности Ариды". Месье Морель вскочил и бросился в лавку, но его остановило два человека в синей жандармской форме.

— Простите ваше высокоблагородие, но это место преступления, — заговорил жандарм с погонами подпоручика.

— Вы не понимаете, мне нужно туда попасть! Там лежит мое ожерелье.

— Месье, из давки все вынесли, все до последней монеты! — покачал головой жандарм.

— Подпоручик, но там остался один медальон, — влез сержант.

— Какой медальон? — оживился Морель.

— Месье, это место преступление, погиб человек. Все вещи, которые мы там нашли, считаются уликами. Они помогут нам найти опасных разбойников, — охладил его пыл подпоручик.

На это Пьеру было нечего возразить. Он нервно зашагал по каменной брусчатке.

— А можно нам только посмотреть? Мой друг должен завтра уезжать, а потерянные медальон очень важен для его матушки, если он его не привезет, то дома его будут пилить как английское дерево, — вмешался Вадим, подошел к подпоручику и сунул ему пару ассигнаций.

— Внутри нельзя, покажи им медальон, — подпоручик дернул сержанта, и тот подошел с драгоценностью к Пьеру.

— Он! Это он! — у француза затряслись руки, как он потянулся к медальону.

— Руки! Я же сказал, что это улика. Забрать сможете после окончания следственных мероприятий, — от слов подпоручика Пьер схватился за волосы, но тут ему на плечо легла рука Вадима, он шепотом объяснил:

— Русские жандармы люди дикие, им ласка нужна, — и уже громче, — Вы не понимаете, как сильно нам оно нужно. Матушке нездоровится, она не сможет долго ждать Пьера. Может быть, вы сможете помочь?

Вадим отсчитал сотню рублей, но взгляд подпоручика остался недовольным, и пришлось отсчитывать каждому по сотне. По кивку сержант передал медальон французцу. Пьер щелкнул крышкой и прикрыл рукой маленький портрет, чтобы не намочить под мелким дождем.

— Едем, — Вадим повел Пьера под руку в карету, но прежде чем сесть подмигнул переодетым Миколе и Алексею в синей форме.

Ехали молча. За окном проносились серые дома, мелькали экипажи. Вадим постучал в окошко и крикнул кучеру.

— Друг, остановите на перекрестке.

— Как? Вы уходите? — Пьер оторвался от медальона, который не выпускал из рук, — Но я даже не отблагодарил вас.

— Что вы, сочтемся. Лучше приходите ко мне в ателье, а то этот костюм у вас совсем промок.

Карета остановилась, Вадим вышел и пошел по тротуару, обходя лужи. Француз ускакал дальше. Вскоре с Вадимом поравнялась двуколка.

— Господин, чего мерзните, садитесь, — Кондрат натянул поводья, тормозя жеребца.

Банда собралась на первом этаже ресторана, строителей отпустили пораньше, чтобы не мешали.

С Щербатым сидела пара новичков, Кондрат пошел по знакомым, чтобы набрать народу. Алексей и Микола развесили просушить мундиры, а сами пили глинтвейн с сахаром и долькой заморского лимона.

— Еще в Риме придумали этот восхитительный напиток, — поднял бокал Вадим, — За успешное дело!

— За дело!

— Кондрат, сколько вышло?

— Мы только начали считать, но тысяч семьдесят должно быть, и не франков, а наших золотых. Много, конечно в старом барахле и металле, но ничего, справим.

— Призрак, ты пока сидел на балу, мы спины морозили, не заболеть бы, — Алексей поежился.

— Говор поубавь, — поправил его Щербатый, — Призрак сказал надо, значит надо. Я таких деньжищ в руках никогда не держал. Кто же знал, что Седой такой богатый?

— Это не Седой, — Вадим пил медленно, большее изучая подручных, — Ты вот столько на него проработал, а не понял, почему его раньше не грабили?

— Неа, — честно признался Щербатый.

— Я думаю, что он держал общак, — предположил Вадим, — И это только часть. Сколько его людей вы положили?

— Немного, — подал голос один из новичков, — Человек шесть. Владельцев лавок не трогали, считай.

— Ну вот, значит, много охраны ему и не нужно было, только от залетных.

— И че, теперь остальные за нашими головами придут? — вдруг дернулся Микола, — Прятаться будем?

— Не будем. Пока мы не начали награбленное сбывать, подозрения есть только у Седого. Вот по нему и ударим. И спины вы не зря морозили, мне этот француз для дела нужен, ясно?

— Ясно, — хором протянули Алексей и Микола.

— А чтобы глупых вопросов больше не задавали, разберетесь с нашей бабушкиной проблемой, ясно?

— Да.

— И шустрее, там ремонт еще делать. Ладно, я пошел, а вы пока не суйтесь на улицу.

Кондрат хотел что-то спросить, но остановился, наткнувшись на отрицательный кивок Вадима.

Дождь под вечер только усилился, Вадим вернулся, стряхивая французский зонтик с костяной ручкой. Свет горел только на кухне, где его ждал за чаем Ефим. У старика ломило кости от столичной сырости, но он не жаловался.

— Пришел, встречай.

— Все готово, вашеблогородие: чай, кофес, сушки как вы любите.

Вадим сел рядом, а не напротив, расстегнул жилетку, распустил галстук.

— Замотался.

— Угу, — старый вояка только покивал.

— Ну хорошо, говори чем недоволен, — Вадим открыл краник самовара.

— Вашблогородь, я вам не отец и не мне вам говорить, чем заниматься можно, а чем нет.

— Но советовать ты можешь?

— Могу, и советую: заканчивай. Я что не вижу эти рожи, которые вокруг вас крутятся?

— Никогда бы не подумал, что ты так о мадам Рейнах отзовешься.

Ефим аж подавился.

— Юродствуете? — разгладил он промокшие усы, — Зря! Вот словите пулю и что делать? Это же я пойду к вашему батюшке в пол кланяться, просить прощение, что не уберег от столицы чертовой. Я то не могу уже за вами бегать, вы как опшаренный везде носитесь. Фью, фью — Ефим рукой показал, как Вадим мотается.

— Ну смотри, дела прекратить не могу, много людей от меня зависят, но и от помощи не отказываюсь. Мне, например, нужны крепкие ребята, которым можно доверять, а где достать не знаю.

— Велика беда! — расцвел Ефим, — есть один приятель, познакомился уже здесь. Настоящий мужик, только горе у него, друга потерял. А так, офицер!

— Это где же ты старший ефрейтор, с офицером побратался? — Вадим удивился.

— Так, сидит он в кабаке и горе свое запивает.

— И что ты мне пьяницу подсовываешь?

— Да не пьяница он, хороший боевой мужик, просто тоскует.

— Хорошо, разберусь, — Вадим глотнул ароматного черного чая, — Еще вопрос, а где купить оружия?

— Так по лавкам ходите, или вам много? — прищурился Ефим.

— На всюююю китайскую армию, — припустил интриги Вадим.

— Ну и шутки у вас.

На том и разошлись, еще немного попив чаю, а уже на следующий день Вадим поехал в рекомендованный кабак.

***

За барной стойкой сидел небритый гусар с расстегнутым мундиром и взглядом

гипнотизировал рюмку водки. В кабаке на утро оставались только пьяницы и те, кому было некуда идти. Капитану Захарченко идти было куда, но он не хотел.

— Здравствуйте уважаемый, я ищу гордого офицера Российской армии, не знаете, где я могу такого найти? — рядом с Захарченко встал господи в фиолетовом перстне и докучал хозяину кабака, который глянул на гусара, но в ответ пробурчал:

— Только еда, вашеблогородь.

— Тогда мне и моему другу по яичнице. Вы позволите? — Вадим обратился к капитану и сел рядом, не дождавшись от него ответа, — Да и мне бутылку водки, пожалуйста, не люблю много пить с утра.

— Хех, — Захарченко фыркнул в длинные густые усы и сел прямо, — А что по-вашему много?

— Много, это когда нужно заполнить пустоту здесь, — постучал себя по груди Вадим.

— Много вы знаете, — Захарченко выдохнул и опрокинул свою рюмку, он уже встал, чтобы уходить, но Вадим посадил его на место жесткой как железо рукой

— Не грубите, я только хотел вас угостить и рассказать историю.

— Какую историю? — капитан понял, что не может скинуть стальную руку подсевшего человека со своего плеча.

— Вы же пьете, потому что не знаете что случилось с вашим другом?

— А вы знаете?

Вадим не ответил. Принесли яичницу, и он, медленно царапая ножом по тарелке, принялся накалывать кусочки вилкой.

— Знаете?!

— Гулял однажды светлый парень Олег по набережной — спокойно ответил Вадим, не обращая внимание на бешеный взгляд капитана, — Захотел пообедать в любимой столовой после занятий и пошел переходить дорогу, но была зима, скользко, упал. Это полбеда, если бы не лихач на санях, что выскочил из-за угла.

— Кто? — глухо отозвался Захарченко, выяснив то, чего так боялся.

— Да мелкий человечиска, — отмахнулся Вадим, разливая водку.

— Кто?

— Вы его даже не знаете. Тать мелкий по кличке Седой.

— Убью, сволочь, — капитан Захарченко схватился за саблю в ножнах на поясе.

— Спокойней, капитан. Вы же дворянин, зачем вам марать руки о бандитов? Или что боевой офицер пойдет и бросит вызов уличной швали?

— Вам не понять, это личное, даже если я решусь мундира, если решусь жизни, — с холодной решимостью прошипел Захарченко.

— Личное. Ладно, — Вадим решил поменять подход, — А вы уверены, что этого бы хотел ваш друг?

Захарченко не ответил, только дернул плечом. Вадим налил в пустые рюмки водки.

— Я знаю, кто может вам помочь, но без вас не обойтись. Я думаю, что моей жизни угрожают, — Вадим сказал и выпил не чокаясь.

— А этот кто-то не может вам помочь?

— Он не знает хороших людей, которые воевали и не против заработать на своих умениях.

— А что же он знает?

— Как убирать грязь с улиц.

Звонок над дверью в ателье не замолкал. Гости шли за костюмами, встречались с Гертрудой и спрашивали откуда такая чудесная мебель. Вадим уже заменил все диваны, стулья и занавески на новые из окрашенных тканей. Очередь на заказы превысила два месяца и грозила разрастись.

В дверь кабинета постучались. Вадим прятался на третьем этаже, заняв одну из старых жилых комнат в рабочее место. Мастера не жаловались, хоть редкое общение с начальством нервировало.

— Вам почта, господин, — поклонился Петр, передав толстую стопку приглашений на званые вечера и балы. Люди возвращались с летних дач в столицу, где просыпалась культурная жизнь.

— Спасибо, сейчас спущусь.

На первом этаже Гертруда прощалась со старой знакомой, сердечно обещая поставить ее повыше в очереди.

— Вадим, это невыносимо. Как долго ты будешь прятаться от людей? Мне пять раз уже пришлось отгонять эту прохвостку Тюрову, лиса хочет узнать, где ты берешь ткани.

— Не повезло ей, — Вадим налил себе чаю, — мне пришло приглашение на вечер французской поэзии, после обеда я уйду.

— В этом весь ты, оставляешь на слабую девушку кучу заказов, в которых и виноват. Так еще бросаете меня ради кого? Французов! Нет бы прусских или австрийских философов.

— Современная молодежь еще не доросла до философов, — Вадим извиняющейся развел руки.

Брякнул звонок и в салон въехала инвалидная коляска с Есиславом Павловичем. Его сопровождала Жанна, которая как орел стерегла свою добычу.

— Доброго дня, рады вашему визиту! — подошла Гертруда.

— Есислав Павлович, — пожал руку Вадим, — Жанна. Вы бы хотели костюм?

— Все так молодой человек, не откажите же пожилому человеку?

— Проходите, я провожу вас в примерочную и подберу вам умелого мастера, пока госпожа Гертруда узнает у Жанны ваши предпочтения. Верно, госпожа Рейнах?

— Конечно Вадим, какие вопросы, — даже немного растерялась Гертруда.

Вадим оставил Есислава в примерочной комнате с большими зеркалами, а сам скользнул в зал к мастерам. Девушки работали у десятков манекенов, собирая одежду как отряды строителей возводили дома.

— Дамы, минутку внимания, — объявил Вадим, вызвав общие шепотки, — Есть очень срочная задача и без умелого, терпеливого и доброго сердца ее не решить.

— Вадим Борисович, вам сделать массаж ног в кабинете? — пошутил звонкий женский голос, вызвав волну смеха.

Девушки из городских семей, работницы такого приличного заведения, как ателье Мадам Рейнах, не позволяли себе вольностей с гостями, но между собой, здесь другое.

— Почти угадали. Это клиент, ветеран войны с ранением спины, он мне очень важен, и не хотелось бы конфузов. Я все понимаю, но прошу помощи.

Повисла вязкая тишина. Коллектив увеличился за последние несколько недель, не все

хорошо сработались, конфликты разгорались от малейшего повода.

— Вадим Борисович, — к нему подошла низенькая худая девушка по имени Ханна с светлыми волосами и веснушками.

Вадим отвел девушку в сторону прошептал:

— Вы уверены?

— У меня дома муж вернулся с Кавказа ноги не чувствует, сам не ходит почти, я все понимаю. Девочки и так мне не рады.

— Ну-ну, не волнуйтесь, — Вадим постарался успокоить Ханну, заметив ее переживания, — Сделайте все хорошо, и я не дам вас в обиду. Смелые люди мне нужны, и возможно ателье не лучшее для вас место, если вы готовы побороться за светлое будущее своей семьи.

— Готова.

— Тогда помогите моему другу подобрать костюм, — Вадим понизил голос, — и вспомнить женскую ласку.

Ханна кивнула и ушла в примерочную.

— Что встали? За работу! Клиенты ждать не любят, — Вадим хлопнул в ладоши и пошел главный зал, где Гертруда развлекала Жанну.

Дверь примерочной открылась через час. Ханна вела коляску с улыбающимся Есиславом Павловичем.

— Как только будет готов костюм, мы доставим вам его домой, — встал Вадим, — Все хорошо прошло?

— Конечно, дорогой, конечно, но я приеду забирать, вдруг по размерам что-то подшить придется, — Есислав Павлович разгладил усы, а Жанна подозрительно так прищурилась, — Вадим, не составите мне компанию на обеде?

— С превеликим удовольствием, только накину что-нибудь на плечи, — Вадим пошел за черной бекешой с высоким воротником. Пройдя мимо Ханны, он прошептал:

— Вы хоть сами замеры сделали?

— Вадим Борисович, — укоризненно топнула ногой Ханна.

— А я что? Я ничего. Все, молодец, как приду, поговорим о светлом будущем, а сейчас иди работай и никого не слушай.

Перед выходом Вадим пропустил Есислава с Жанной и придержал им дверь.

— Гертруда, вернись рано, еще спать будете, девушку в обиду не давай!

— Поучи еще, — Гертруда грустно вздохнула и погладила рукой маленький комод.

На карете Есислава с шестью конями они доехали до трехэтажного здания из белого кирпича на углу Невской и Большой Садовой. На входе стоял служащий с книгой клиентов и проверял гостей по записи, на манер французских заведений.

— Это мой хороший друг, Вадим Борисович, — Есислав жестом подозвал к себе служащих, и они помогли коляске заехать по высокому крыльцу, — Запишите бестолочи, чтобы не забыть.

— Конечно, ваше Светлость, — поклонился хостес, — Сейчас накроем вам стол.

Прислуга засуетилась, принося приборы к столу у большого окна на французский манер.

— Вадим, приходите сюда, будьте моим гостем.

— Это большая честь, — в этом ресторане обедали высокие гости столицы, чиновники и околопрестолные фигуры.

— Какие дела между друзьями?

— Только дружественные.

— Правильно, — облизнул высохшие губы Есислав Павлович и жестом прогнал Жанну.

Они остались наедине, до прихода официантов.

— Вам еще никто не предлагал продать секрет ваших тканей?

— Я старательно избегаю коммерческих предложений. В городе я не так давно и еще не знаю, кому смогу отказать, — Вадим грустно покачал головой и снял протереть пенсне.

— Правильно. Но вам больше не нужно бегать мой друг, ведь я готов вам помочь. У вас же три цеха рядом с Петербургом? Я помогу сделать шесть, девять, двенадцать.

— Не уговаривайте, я и так согласен, — Вадим помедлил, следя за хитрым блеском в глазах Есислава, — контроль за предприятиями остается за мной, производство никому не отдаем и не показываю. Тайна. Не моя, поэтому не покажу, не просите.

— Не хотите конкурентов?

— Я и мои друзья устали, что все в столице Русской Империи привезли из-за границы. Вот даже ваши диваны и столы, дуб наверняка наш, но обрабатывали мастера Франции или Англии.

Есислав скривился, его затрясло от внутреннего напряжения.

— Вы чертовски правы, дорогой друг! Я русский человек, не могу купить русские шторы в свой ресторан! На моей фабрике работают русские люди, но под надзором английского инженера! Ладно хоть лесопилки полностью наши.

— С мебелью я могу вам быстро помочь, а инженеры, к сожалению, на деревьях не растут, — Вадим пожал плечами и замолчал.

Официанты принесли блюда с вареным сомом, запеченным осетром и заливной сельдью. Отдельно поставили красную и черную икру.

— Люблю рыбу, не могу отказать себе в капризе, — пояснил Есислав Павлович и положил себе голову сома. — Угощайтесь, в молодом теле здоровых дух!

— А вы не думали разводить рыбу? — спросил Вадим, наливая себе водки.

Есислав Павлович перестал жевать и задумался.

— Я подумаю. Через две недели у меня дома будет встреча, приходите. Балы я не вожу, но интересную компанию обещаю.

— Договорились, — Вадим поднял рюмку, предлагая тост: — За русских мастеров!

— Будем!

После ресторана и сытного обеда пришла пора посетить литературный клуб. Вечер французской поэзии проводили в доме Мальцевых на Невском. Недалеко, да и Вадим с удовольствием прошел пешком с зонтом под дождем. У входа в трехэтажное кирпичное здание стояло несколько карет. Слуга у входа низко поклонился и пропустил Вадима по приглашению.

Стихи читали на втором этаже в комнате для фортепиано. Молодежь собиралась небольшими группами и обменивалась произведениями любимых поэтов.

Отдельно вокруг хозяйки дома Дарьи сидело пятеро ранимого вида юношей, которые девушке чуть ли не в рот заглядывали. Они по очереди читали свои стихи на французском, соревнуясь в красноречии. Вадим тихо присел с краю, но под ним предательски заскрипел стул, прервав одного из прилипал.

— Вы можете потише?

— Мешаю прилипнуть? — ответил ему Вадим.

Юноша с тонкой полоской усов, зализанными волосами и с книжечкой в руках застыл,

обдумывая ответ, а когда додумал — запищал:

— Да как вы смеете?!

— Хорошо, прошу прощения, — Вадим примирительно поднял руки, но от движения бедный стул заскрипел сильнее.

— Вы кто вообще такой?

— Слушатель, — в беседу не вмешивались.

Вадим улыбался все сильнее с каждым словом, вид нахохленного воробья у этого прилипалы поднимал настроение лучше водки.

Дарья, которая наблюдала за вспыльчивым ухажером, только хмыкнула, прикрыв лицо веером. Прилипалу вычеркнули из списка, хоть он этого еще и не понял.

Вадим встал, чтобы посмотреть на остальные группы собравшейся молодежи. Рядом с Дарьей крутилась ее подруга Варя, которая выступала громоотводом для совсем отчаянных гусаров. Слушатели же в основном состояли из уже состоятельных господ, которым не пристало крутиться рядом с молодыми особами. Они действовали тоньше, выбирая, выжидая и нанося удар по самому чувствительному месту юной особы: родительскому кошельку. Дальше проще — визит к родителям, помолвка, свадьба, дети. Вадим пристально оглядел состоятельных гостей, нет ли среди них пожилых генералов или чиновников. На любви к клубничке можно было бы хорошо сыграть. Но нет, в основном старшие офицеры, не старше полковников, пара толстопузых помещиков и один тонколицый дворянин. А дворянин во французском фраке и с модной по-французски прилизанной прической. Он вертел головой, когда говорили по-русски, но чаще кидал взгляды на Варю.

— Вот встреча, — Вадим поймал за руку проходящего рядом слугу с чайником, — Чаю.

— Сейчас, вашеблогородие.

***

В Петербурге лил дождь. Солнце спряталось за облаками, и на улицах ходили пожарные, которые зажигали уличные фонари. Но на кладбище никто не зажигал фонарей, поэтому Микола и Алексей копали в полумраке.

— Почему, мы должны торчать здесь, пока Призрак трет шкуру в читальном клубе? — Алексей выкинул из ямы больше воды чем земли.

— Кто виноват, что ты бабушку именно сегодня прикончил, выбрал бы день посветлее, — хохотнул Микола и чихнул.

Он держал зонтик над Алексеем.

— Я тебе в десятый раз говорю: она сама. Ну вот потащил черт старую погулять со сломанной ногой, я-то здесь, при чем?

— Хорошие люди помогают пожилым, — Микола снова чихнул, — Все хватит, вылезай.

— Помоги, — Алексей подтянулся за протянутую руку, утопая в грязи.

Гроб со старушкой они поставили рядом на санки, чтобы не гнать лошадей на кладбище. Не нравилось здесь животным.

— Я тащу гроб, а ты закапываешь! — Алексей погрозил лопатой Миколе, обходя санки.

— Тащим вместе, закапываем вместе.

— Да я спины не разгибаю! — Алексей приоткрыл крышку гроба, по которому барабанили капли дождя.

Еще не прошло и суток после смерти женщины. В ней угадывались аристократические черты и скверный характер.

— Что на мертвеньких потянуло? Мертвая женщина, еще сутки женщина? — Микола

шутил, развязывая веревки, которые держали гроб на санях.

— Типун тебе на язык, окаянный, — Алексей перекрестился, уже потянулся закрыть крышку, как поскользнулся и упал.

— Вставай, чего разлегся? — Микола согнулся в приступе смеха.

— Шутник хренов, помоги, скользко, — Алексей потянулся, схватившись за гроб, но гроб, не привязанный к санкам, соскользнул.

— Мать моя женщина, убегает! — крикнул вслед ускользящей старушке Микола и бросился следом.

Шуваловское кладбище стояло на склоне холма, с которого не скользил, а летел гроб. В полумраке за ним бежали перепачканный в грязи Алексей и промокший Микола.

Разбитая дождем дорога выходила на Выборгское шоссе, которое не освещалось в сороковые годы. Поэтому приближение разогнанного до состояния полета гроб, возница Лаврентий заметил, когда изменить хоть что-то было уже поздно. Как вражеский снаряд гроб пробил дверь кареты насквозь, застряв в салоне. Застрял он без крышки, которая отлетела, для лучшей баллистики снаряда, поэтому высокопоставленный гость столицы — Герр Зонен смотрел на лицо мертвой графини с открытым ртом.

По-русски помощник Прусского посла говорил плохо, но от удивления смог выдавить:

— Мама?

***

Вадим вернулся домой под вечер. Слуги накрыли стол, поставили чайник. В доме царила атмосфера подозрительного спокойствия и уюта.

— Так, не порядок, — Вадим пошел по комнатам в поисках денщика.

Ефим нашелся у большого зеркала. Он вычесывал седые волосы и поправлял маленькими ножничками бороду.

— Собрался куда? — Вадим облокотился на косяк двери в будуар.

— Не только вам красивому по городу ходить. Вы же разрешите вашблогородь? — с надеждой спросил Ефим.

— Конечно, какие проблемы, — пожал плечами Вадим, — Кому так повезло?

— Стыдно признаться.

— Ну ты не на допросе, а я не следователь, мне можешь сказать.

— К Гертруде вашей, — заявил Ефим и выпятил грудь.

— Почему к моей? — удивился Вадим.

— Не знаю. Тянется она к вам, но я лучше подойду, или скажите не по Сеньке шапка?

— Что ты из меня злодея делаешь? Хочешь проломить ворота этой германской крепости, так я не против. Она не ко мне, а к моим деньгам тянется. Сложно одной женщине в городе.

— Эх, совсем обескультурили в столице. В церковь вам нужно, вашблогородь, а я пошел, — он убрал ножницы и надел хороший, но не очень дорогой фрак. Вадим платил большую зарплату, которую Ефим отправлял домой.

— Точно не будете против? — встав в дверях, уточнил денщик.

— Могу для уверенности пинка дать, — беззлобно пошутил Вадим, закрывая дверь, — С богом!

Ефим спустился по лестнице, насвистывая маршевую песню. У подъезда его ждала карета.

— Охренеть, — Вадим проводил взглядом денщика и пошел к себе в кабинет.

Тяжелую дубовую дверь он запер на ключ, чтобы слуги не мешали. За большой картиной с изображением императора Всероссийского Николая Первого, стоял сейф. Вадиму понравилась модель, которая была у месье Мореля, поэтому он купил себе такой же.

Он работал всю ночь, по одному обрабатывая напильником маленькие металлические цилиндры. Каждый раз, когда Вадим брал заготовку в руки, его глаза светились слабым синим светом. Одинаковые до миллиграмма обтесанные гирьки он расставлял группами по весу в деревянные футляры.

Так прошла ночь, Вадима от работы отвлек осторожный стук в дверь. Это служанка звала на завтрак. Заперев дверь сейфа с эталонами, Вадим пошел на кухню, где его ждали румяные драники со сметаной и дольками колбасы.

— Свежая газета, — поклонился слуга, наливая свежий чай.

— А Ефим еще не пришел?

— Нет, вашеблогородие.

— Ну хорошо, — Вадим развернул свежую газету с кричащим заголовком: "Сенсация! Пропавшая мать протаранила карету уважаемого сына!"

— Господи, что за бред, — Вадим отложил газету, — Есть что-то зарубежное?

— Сейчас посмотрю, вашеблогородие.

Вадим выписывал все доступные в Петрограде газеты и журналы, чтобы быть в курсе событий.

— К вам гости. Прикажете впустить? — вернулся слуга с утренней корреспонденцией.

— Пускай, — Вадим вытер рот салфеткой, когда в гостиную зашли перепачканные в грязи Микола с Алексеем.

— Прости, те, — извинился Микола, мявший от нервов шапку, — Мы с плохими новостями.

— Рассказывайте.

Выходил Вадим из дома скверно матерясь. Дождь перестал лить и тучи расступились, уступив место густому как кисель туману. Только стук копыт раздавался по мостовой ранним утром.

— Вы еще сюда приперлись, олухи царя небесного. Я вас в бочки закатаю и по Балтике спущу, как вы должны были сделать! — Вадим шумел не из злобы, скорее от раздражения.

— Не ругайся, нащальника, — вжался в плечи Микола, — мы же по-человечески хотели, по христьянски, уважаемая же старушка.

— Была, — вставил Алексей и прикусил язык, поймав острый взгляд Вадима.

Из тумана выехал экипаж и остановился прямо перед ними.

— Призрак? — из салона показалось хмурое и незнакомое лицо, — Седой передает привет!

Щелчок кремневого замка и выстрел.

Глава 8

Сильный толчок в грудь и внезапность нападения сбили Вадима с ног. Он упал на руки ухнувшего Миколы.

— Сволочь! — Алексей выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в уже отъезжающий экипаж. Пуля разбила заднее окно, раздался булькающий хрип.

— Ух, тяжелый! — пожаловался покрасневший Микола, держащий подмышки Вадима.

— Убили! — закричал Алексей, рассматривая аккуратную дырку на сером сюртуке Вадима.

— Не ори, — Вадим громко вдохнул, — Больно, однако.

Он расстегнул пуговицы сюртука и достал карманные часы французского бретера, которого убил еще на дороге из Оренбурга. Крышка смялась, в циферблате застряла круглая свинцовая пуля.

— Я их только починил.

— Удача! Призрак, да ты же фартовый! — Алексей хлопнул в ладоши и заплясал. Накопленный с ночи стресс требовал выхода.

— Вашблогородь, — прохрипел Микола, — если вам не будет трудно...

Вадим встал на ноги, пожалев Миколу.

— Вы вроде худой, а по ощущениям, как два гроба с бабкой.

— Я рад, что ты меня в гробах начал измерять, — философски заметил Вадим пальцем проверяя во фраке дырку от пули, — Поехали на базу.

К удару от преступного мира Вадим готовился, но не так. Рядом с развернутыми цехами рабочие отстроили несколько домов, под барские нужды. Вот там Вадим и поселил свой отряд, не так далеко от Петербурга, но и не на глазах у людей.

На производстве люди работали по десять часов, с обеденным перерывом в час. Когда Есислав решится прикупить долю, то смены можно будет уменьшить до восьми часов, начав круглосуточное производство. Семь часов на работу, час на подготовку станков, потом ужин и рабочий свободен. Каждую субботу отдых от работы, но все должны выйти на общественные работы. Силами работников заводов Вадим потихоньку облагораживал село, прокладывая дороги, сажая деревья и возводя одинаковые дома. Инструменты, посуду и одежду делали местные умельцы из числа селян, они не работали в цехах, только в своих мастерских, поэтому товар выходил кустовым.

Карета подъехала к четырем домам на холме. Оттуда виднелось, как крестьяне из дерева и глины возводят дом молодоженам. Только топоры и слышно было.

При виде большого начальства капитан Захарченко выстроил в шеренгу десятков человек. Щербатый стоял первым. Он лыбался новыми золотыми зубами.

— Принесла нелегкая, отвлекаешь сброд от тренировки, — Захарченко проворчал и пожал руку Вадиму.

— Пора. Они совсем обнаглели, с утра уже стреляли, — Вадим просунул палец в пулевое отверстие на фраке, — Безбашенные.

Капитан согласился помогать, хоть для него это и стало ударом по чести. В сговорчивости помог случай, когда Вадим привел дворянина к скромной могиле его друга. Правда пришлось у капитана забрать шпагу и пистолет, а то наложил бы на себя руки.

— Хочу посмотреть на сообразительность твоих архаровцев, — Вадим сложил руки за

спиной как на инспекции.

— Господин пришел в цирк и хочет увидеть собаку! — Захарченко состроил серьезное лицо.

— Гав, гав, гав! — прокричал такой же серьезный Щербатый.

— А теперь господин подошел к пруду и хочет покормить уточку!

— Кря, кря, — проблеял второй в шеренге мужичок. Крепкий такой, широкоплечий и на голову выше всех. В отряде его звали Бревном.

— Отлично, теперь господин пошел погулять в лес и встретил оленя!

— Она мне изменила, но я ее простил! — не удержался последний в шеренге. Самый молодой по кличке Ромашка.

— Как натурально, — покачал головой Вадим, — Хорошо, собирайтесь, вечером выходим.

— А не рано?

— Поздно. Нужно сегодня, пока они еще чего-нибудь этакого не выкинули. У меня Кондрат в одиночку ресторан охраняет.

— Разберемся, — неуверенно заявил Захарченко и повел Вадима в отдельно стоящую длинную избу с навесным замком на двери.

— Чтобы не разбежались, — пояснил Захарченко, открывая дверь.

Внутри в хорошо освещенной комнате за большим столом сидело пятеро старичков и четверо юнцов. Все носили халаты и бороды. На столе у них стояли весы, на скатерти разложены части. Тихо стучали маленькие молоточки.

— Не отвлекай их, — прошептал Захарченко Вадиму, — Как ты и просил, готовят, эти твои, револьверы.

— Не мои, а наши. Надеюсь, что британец не подведет и сотню в неделю будем делать.

— Да, револьвер не беда, все эти твои крышечки, — капитан достал из ящика поднос со скатертью на котором лежали центральные капсуля гремучей смесью. Самым сложным оказалось найти достаточно цинка на российском рынке для производства колпачков с капсулями. Меди хватало, чтобы плавил у сельских кузнецов. Дальше подмастерья с помощью ручных машинок придавали форму колпачкам и вручную вкладывали взрывчатое вещество. Получалось не очень быстро, но несколько сотен в день выходило.

Гильзу для патрона делали папковой, из скатанной в трубочку многослойной бумаги. Капсюль крепился к цинковому колпачку запрессовкой пыжом, дальше дымный порох, замедлитель и круглая пуля. Пуля получалась утопленной в обжатую гильзу, а диаметр колпачка с капсулем больше чем диаметр ствола. Барабан для папковых гильз пришлось делать толще, а саму пулю меньше, из-за чего страдала дальность, но терпимо. Вадим тяжело вздыхал, когда думал, на какие изувержства ему приходится идти, чтобы ввести сначала на Российский, а потом и на остальные рынки револьверы.

— Мы сразу начали со сложного варианта, как ты просил. Но что так, что эдак — капсули будут брать у нас, — пожал плечами Захарченко.

Для начала рассматривали два варианта продажи револьверов: с закрытой скобой над барабаном и без. Если со скобой, то заряжался унитарными папковыми патронами, если без скобы, то стрелок вручную трамбовал каждый заряд механическим пыжом.

— Продавать патроны самим всегда лучше, — Вадим обошел занятых мастеров и взял со стола деревянную лакированную упаковку с выжженным черным двуглавым орлом. Внутри лежал револьвер на мягкой фиолетовой подушке. В самой подушке хранились

инструменты для чистки и ремонта. А на дне упаковки стояли уже снаряженные патроны в гнездах.

— Запасной барабан будем продавать отдельно, — Вадим взвесил в руке револьвер, — Тяжеловат.

В стволе мастера сделали семь левосторонних нарезов, для повышения точности стрельбы. Всего пистолет весил килограмм и двести грамм в варианте со скобой.

— Так нет хорошего металла. Вместе с рукоятью из ореха револьвер получается на вес золота в сто пятьдесят рублей за штуку. Каждые сто патронов по десять рублей, — Захарченко грустно почесал бритую щеку.

— Уже опробовал? — улыбнулся Вадим.

— Замечательная вещь, жаль что не по карману. Нужно осторожничать с пулями при зарядке, а так отлично, — Захарченко взял Вадима под локоть и отвел в угол мастерской, — Ты за сколько думаешь продавать?

— Рублей за двести.

— Говори триста, не прогадаешь. Я бы за такой на Кавказе, эх. А мы всего четыре сделали, — Захарченко замолчал, а Вадим не стал спрашивать.

— Ладно, парням раздай старые пистолеты, нам с тобой по револьверу.

***

Этого средней руки бандита в криминальном мире Петрограда называли Седым. Занимался Седой сбытом краденного, хранением и отмывом денег для некоторых уважаемых людей. Втайне от всех Седой вел тонкую игру, подделывая драгоценности с помощью ювелиров. Седой держал их семьи рядом со своим старым портовым складом.

Внутри деревянного помещения между бочек с алкоголем и опиумом, популярным в высоком обществе, громко спорили стриженный под котелок мужчина в перевязанном веревкой кафтаном и тонкий как кость франт.

— Ты, ты, ты знаешь что просишь? — задыхался от злости Седой, нервно уцепив каштановую бороду, — Я и так потерял девяносто тысяч! Девяносто! Но это только наличными, а еще же драгоценности. Мне недавно принесли зеркало в полный рост в серебряной, нет в золотой оправе. Ох, горемыка я, горемычная!

— Господин Седой, мой знакомый назвал точную сумму, от себя замечу, что он не собирался торговаться. То, что мы дадим вам людей, это и без того жест доброй воли, в честь бывшего сотрудничества, — франт скупно улыбнулся и шмыгнул раздраженным носом. Он говорил на ломаном русском с сильным ударением на "р".

В свете масляных ламп его тонкое лицо с торчащими носом и скулами напоминало рыбу-меч.

— Чертовски дорого! Вы пользуетесь тем, что человек в отчаянии, — Седой ударил ребром руки по открытой ладони, — Хорошо, будут вам деньги, сэр Жорж.

Когда британец ушел, Седой вышел из старенького склада на пристани и выругался:

— Черт не русский.

По Седому ударили сильно, но он выстоял. Его бойцы утром приезжали к фраеру, который занял контору старого Семен Семеныча, того еще жука, но уважаемого в их тесном сообществе. К новеньким везде относились осторожно, особенно к залетным. Седой и не послал бы своих людей, если бы не решение Старших. Они люди серьезные и дела вели серьезно: вот закрывали глаза на его махинации с подделками.

Навстречу Седому вышел рослый детина с торчащим из шинели пистолетом.

— Корабль готов к отплытию.

— Пойдем утром. Еще не все выгрузили, — Седой достал трубку и набил ее кисловатым турецким табаком.

— Мы это, семьи в трюм посадили.

— К китовому жиру? — замер Седой, высекая искру.

— Ну не подожгут же они его, — детина пожал плечами, — Может, их это, на дно.

— Но, но! Дам я тебе "на дно". Как мне потом жидов заставлять работать? Ничего, помогут англичане, отберем мастеров назад. Ты уверен, что они сидят за городом?

— Мертвяка и бывших дружков Семен Семеныча несколько раз видели на дороге к селам.

— Мда, — Седой поднялся на быстроходный трехмачтовый клипер, чтобы с палубы следить за погрузкой. Опиум и другие вещи он оставлял в столице, вывозя только то, что мог продать в британской метрополии.

Под нужды бандита отвели отдельную каюту, чуть меньше капитанской. Седой зажег свечу и сел у зеркала. Под глазами висели мешки, кожа шелушилась. Он устало похлопал себя щекам, снял парик и отклеил бороду. Весь образ русского мужика Седой разработал для знакомства с Новгородскими торговцами староверами. Собственно на их корабле он сейчас и находился.

***

На пыльном чердаке скрипнуло окно. Капитан Захарченко мучался с подзорной трубой, рассматривая в нее склад и пришвартованный корабль. Он смотрел то одним, то другим глазом через мутное стекло, считая людей.

— Так, их пятнадцать.

— Уверен? — зевнув спросил Вадим.

— Нет, но лучше не скажу. Можешь сам попробовать.

— Уволь, кто из нас опытный вояка?

— Так ты же поручик.

— Уволен по ранению.

— И ранение мешает тебе смотреть?

Вадим только похлопал рыбьими глазами, которые слегка светились в темноте чердака. Пенсне и дорогой костюм он оставил на базе.

— А, ну да.

Они спустились с наблюдательной позиции во дворик. Дул вечерний ветер, приносящий из порта запах рыбы и соли. У крытой телеги стояли бойцы в черных шерстяных водолазках и рабочих джинсах.

— Значит так, как потемнеет выступаем, — Захарченко натянул на лицо шерстяную маску с вырезанными в ней отверстиями для рта и глаз. Знаменитые балаклавы еще так не назывались, оставаясь просто странным требованием Вадима.

— Миша, кто у нас в отряде знает мореходство? — спросил Вадим у Захарченко.

— Ну, есть пара портовых, а что?

— Да ты видел, что корабль сильно просел? Он груженный. Я считаю расточительством оставлять такую жирную рыбку.

— Призрак, а не слишком? — Захарченко скрестил руки на груди, — Мы туда идем за Седым и семьями. И точка. Калечить моряков я не хочу.

— Хозяин барин, — Вадим примирительно поднял руки, — Шанс расквитаться я тебе

дам, остальное по обстоятельствам.

Капитан не ответил. Он пошел загружать бойцов по телегам.

Солнце село, город окутала ночь. К крайнему портовому складу шли тени. У деревянного редкого забора дежурило двое, дымя трубками.

Из-за угла двухэтажного каменного дома вытолкнули самого молодого по прозвищу Ромашка. Он погрозил кулаком, прежде чем неровным шагом побрел к караульным.

— Уважаемые, подскажите, как пройти в библиотеку?

Два портовых мужика переглянулись, не найдя что ответить. Ромашка же отошёл в другую сторону от того угла, откуда пришёл.

— А что за библиотека? — на всякий случай уточнил караульный.

— Вы не знаете? Это такое чудесное место, где исполняются все-все желания.

— И у баб ноги до ушей, — закончил подкравшийся со спины Вадим.

Он нежно, до хруста стукнул головы караульных и положил их на землю.

— За углом спрячьте, — Захарченко прошёл к воротам, чтобы рассмотреть склад, но резко убрал голову и шикнул на отряд. Все затихли, а со стороны склада выехала двуколка с тремя людьми, если считать извозчика.

— Куда их черт понёс? — Вадим проследил взглядом за уезжающими.

— Так, вроде Седой не ушёл, — прошипел Захарченко и достал револьвер из деревянной кобуры на груди. В тени забора защелкали взводимые кремневые замки пистолетов. Вадим пошёл первым, держа в одной руке рапиру, а в другой револьвер.

От ворот по разбитой дороге до стены склада отряд шел быстрым гуськом, прикрываясь зданием, от людей Седого. Человек двенадцать носили на корабль закрытые ящики и мешки, пока еще трое курили под парусами. На виду ходили только люди Седого, команда корабля возможно отдыхала в трюме.

— Миша, а люди Седого случаем не моряки? — Вадим шепотом высказал пришедшую мысль.

— Да не. Не должны, — капитан мотнул головой.

— Ну тогда начинаем.

Захарченко и еще трое пошли вокруг склада, с той стороны стояли хорошие ящики, из-за которых бойцы могли отстреливаться. Микола, Алексей и Щербатый остались с Вадимом, чтобы следить за новичками в бою.

— Так повторяйте за мной, — Вадим убрал рапиру в ножны и закрепил их на спине, подошел к углу склада и закинул мешок с мукой к себе на плечо. Револьвер он спрятал за мешком. Бойцы в балаклавах закинули мешки на спины и потащили к кораблю.

— Эй, там кто? — осведомился зоркий парень с борта корабля. Он приложил руку к глазам, чтобы рассмотреть новую цепочку грузчиков, но свет масляных ламп слабо пробивал ночную темень.

— Свои, — хрипло отозвался Вадим, пробираясь к мостику с причала на корабль.

На пути мешали загружаемые припасы и пустые телеги. Несколько грузчиков Седого неуверенно затормозили и расступились, пропуская отряд.

— Как это свои? Ты кто?

— Да что ты глупые вопросы задаешь? И так тяжело, — Вадим ускорил шаг, но у самого мостика услышал щелчок взводимого кремневого замка, — Помогите лучше.

С этими словами Вадим метнул мешок с мукой наблюдателю, только перестарался и моряк упал за борт с мешком. Поднялся всплеск, который стал для всех командой.

Щербатый метко плюнул в лицо ловкому юнге, который успел достать пехотный палаш.

— Наших бьют! — крикнул Микола и потянул из-за пояса пистолет. Он бежал на корабль следом за Вадимом, отгоняя тянувшихся к кораблю грузчиков.

Два парня свалили Алексея с ног, но не успели его зашибить веслом, как грянул револьверный выстрел. Вадим наотмашь врезал ореховой рукояткой револьвера по голове живого моряка, который замахнулся на Алексея кошкой, да так сильно, что раздался хруст, не то рукоятки, не то головы. Алексей столкнул с себя тело.

Зачастили выстрелы на мостиках, отряд отбивался от напирających грузчиков. Вот один из новичков вскрикнул от удара крюком и упал в холодную воду.

— Огонь! — зазвучал командный голос Захарченко.

Он сидел за ящиками у склада и прищурившись одним глазом, стрелял из револьвера. Над Вадимом просвистела пуля.

— Свины, бейте точнее! — Вадим орудовал рапирой, загоня вылезшего из трюма матроса обратно в темный проход. Но вот моряк отвлекся, и Вадим уколол его в глаз. Он осел и покатился вниз по лестнице, откуда показался следующий, но поймав пулю в грудь из револьвера, свалился. Больше никто не лез на палубу из трюма.

— Да вы охренели! — открылись двери капитанской каюты и на палубу вышел лысый Седой с мушкетом в руках. Он прицелился и выстрелил. Ромашка на мостике громко вскрикнул и упал за борт, цепляясь руками за швартовочный канат, да так на нем и повис не в силах подняться.

Вадим навел револьвер, но не выстрелил. Ему Седой как таковой не сдался, только имущество и связи, но оставалось одно но...

— Стой сволочь! — Закричал Захарченко и побежал через причал к кораблю, выстрелив раз наотмашь. Новобранцы бросились за ним, прибегая на помощь товарищам, зажатым на мостиках.

— Замерли! — Вадим насадил ближайшего моряка на рапиру и пинком сбросил в воду, — Кто не бросит оружие, тот получит пулю!

— Сладко поешь, сволочь! — вскрикнул бородатый мужик в темном кителе и с шашкой в руках. Он вышел из-за мачты, размахиваясь ударить в спину. Прятался, гад. Вадим взвел боек и выстрелил ему в лицо.

— Еще желающие?

Моряки переглянулись.

— Чего замерли? Они побитые как собаки! Навались! — Седой засыпал в мушкет порою дрожащими руками. Он почему-то не спешил бежать в рукопашный бой, а стоял у каюты.

— Аааа, сволочь, — Захарченко забежал на корабль и бросился к Седому. Бандит бросил в капитана ружье и уперся спиной в борт.

— Сволочь! — Захарченко выстрелил в грудь Седому, и тот свалился в темную воду, только тапочек всплыл.

Михаил встал на мостик, чтобы прыгнуть следом, но Вадим схватил его за шиворот и затащил назад.

— Миша, потом, сначала дело.

— Пусти, вдруг живой!

— Вода октябрьская, холодно и темно, — Вадим рывком подвел капитана к отряду. Бойцы окружили с десятков сдавшихся моряков и бандитов Седого.

— Ну что, будем разгружать обратно, — улыбнулся в балаклаве Микола.

Со стороны порта пошел громкий свист.

— Околоточные, проснулись сволочи! — Алексей от досады ударил по мачте кулаком.

— Они ждали, когда перестрелка закончится, — Вадим убрал рапиру в ножны, — Бери Миколу, Алексея, проверьте что в трюме. Будем уходить.

— Ты умеешь управлять кораблем? — удивился Захарченко.

— Нет, но я знаю как их строить, — Вадим пожал плечами и принялся раздавать команды: — А ну, черти ленивые, отдать концы, сбросить мостики!

Один из моряков решил воспользоваться шансом и спрыгнул на причал, но сразу упал, сраженный выстрелом в затылок.

— Еще желающие? — Вадим повел дулом дымящегося револьвера, но никто не дернулся, — Тогда шевелитесь, собаки сухопутные!

***

Капитану фрегата Отважный не спалось. Всю ночь его беспокоила страшная головная боль, и только свежий соленый ветер помогал унять недуг.

— Человек за бортом! — прокричал с палубы перепуганный матрос.

Капитан не успел дать команду, как у Петербургской пристани послышался свист. На причале стояли околоточные и сигнальными флажками передавали сообщение: “Враг!”

— Команда, боевая тревога! — раздался над палубой звонкий голос, и матросы как муравьи полезли по боевым постам, — Достать человека!

Капитан еще сомневался, ведь враг в центре столице важнее, но правила хорошего тона и честь офицера не позволяли оставить собрата в беде.

На палубу положили тучного мужчину с лысой головой. Его ночной халат промок, на одной ноге висел тапочек, а на другой запутались водоросли.

— Черт, да он сдох! — заметил любопытный юнга, отодвинувший подол халата, за которым пряталась дырка от пули.

— К бою! — капитан только мазнул взглядом по вытащенному на борт человеку, поэтому не заметил, как Седой открыл светящиеся в ночи глаза и выплюнул соленую воду.

***

Подул утренний ветер, к складу подъезжали повозки с солдатами и околоточными, но клипер уже отошел от берега и двигался в сторону Кронштадта. Вадим с видом знатока держал штурвал, пока моряки лазили по реям и управлялись со шпангоутами, ставя паруса по ветру. На палубу вернулся Захарченко со смешанными чувствами.

— Внизу семьи, женщины и дети, очень голодные. Выродок морил их голодом.

— Откормим, — кивнул Вадим.

Его больше беспокоил патрульный фрегат, который, распустив паруса, медленно шел от порта в сторону уходящего клипера.

— Что? — Захарченко не понял его задумчивости.

— Я вот думаю, у тебя когда день рождения.

— В мае, а тебе зачем?

— Да думаю очки тебе подарить или считать научить.

— Да иди ты знаешь, куда?

— Сейчас все пойдём, — мрачно пробормотал Вадим, когда на Кронштадте замаячил сигнальный огонь.

— Не люблю океаны, — плохое предчувствие Вадима подтвердилось с первым дымным облачком и всплеском воды в десяти метрах от борта.

Батареи открыли по ним огонь.

На береговой крепости ждали чего угодно, но не быстроходных клипер под российским флагом, сбегаящий из порта. Разбуженные ранним утром моряки стреляли больше во тьму, чем видели корабль.

Вадим вел ровно, он отлично видел кипучую деятельность на батареях. И ему не могла помешать ни тьма, ни расстояние, чтобы понять, что они проскочат. Но самый опасный момент был при выходе из Невской губы в Финский залив. Балтика славилась не только скверной погодой, множеством опасных островков, но еще и плотностью трафика. Рыбацкие суда, торговые корабли уходили в сторону, чувствую неуверенный ход клипера и свистящие рядом ядра.

— А как в крепости узнали, что мы враги? — Захарченко стоял рядом, пытаюсь разглядеть в подзорную трубу хоть что-то кроме вспышек выстрелов.

— Спроси что полегче. Так иди и не мешайся мне здесь. Вон прикажи всем потушить лампы.

— Есть капитан, — Захарченко стукнул каблуками и побежал гонять команду.

— Понаберут по объявлению.

— Что Призрак? — к Вадиму подошел хромающий Ромашка.

На ногу с пулевой раной ему наложили повязку. Ему повезло зацепиться за борт, а то упал бы в воду или остался на берегу, встречать жандармов.

— Это я так. Михаил сказал, что ты служил на корабле?

— Все так. Три года плавал юнгой до англии и обратно. Маршрут такой себе, — пожал Ромашка плечами.

— Ясно. За нами погоня, да не смотри во тьме не увидишь. Нужно поднять скорость, знаешь как?

— Чем смогу.

— Хорошо, но управлять буду я, а то еще в берег врежемся.

Клипер подпрыгнул на волне. Они вышли в залив, обстрел со стороны форта остановился, но фрегат с андреевским крестом на флаге продолжал погоню. На клипере держали пару легких пушек и все. Он ходил по спокойным от пиратов водам, где самой большой опасностью были чиновники.

Корабль прорезал волны, пока ветер усиливался с каждой пройденной милей.

— Призрак, ветер к буре идет. Нельзя нам на простор! — Ромашка держался за перила.

Палубу сильно качало, не привыкшие к тряске бандиты привязывали себя к мачте.

— Ладно, — Вадим не хотел разворачиваться ближе к берегу, фрегат обязательно их нагонит, пойдя на перехват.

Клипер считался быстроходным судном с потрясающим парусным вооружением, но именно этому не повезло: его обслуживала еле живая команда и неопытный капитан. Вадим знал о лиселях, но не решался открыть их в сильный ветер. По небу прошла молния, как предвестник разгорающейся бури. Над палубой заскрипели мачты, с реи сорвался и упал на палубу моряк.

— Тише ход! Идем к берегу, — Вадим кричал надрывая горло.

— Капитааан! — Ромашка дернул его за плечо.

По левому борту скользил темный силуэт фрегата.

— Догнали, — перекрестился поднявшийся к ним Захарченко, — Держись!

Борт фрегата окутал белый дым. Тяжелое ядро прошло над волнами и прочертив вмятину на палубе ушло рикошетом в небо. Заиграли новые выстрелы, моряки соревновались с бурей за честь потопить угнанное судно.

— Может поднимем белый флаг? — неуверенно спросил Ромашка, чем вызвал два разъяренных взгляда.

— Не дождуться, — кровожадно улыбнулся Вадим и показал на пятиметровую волну, которая шла прямо на них. Корабль сначала подняло, а потом резко бросило вниз. Морская вода пеной залила палубу, сшибая не привязанные ящики в море.

— Долой паруса! — крикнул Вадим, крутя штурвал.

Он уводил клипер на левый борт, подальше от фрегата и открытого моря.

В воздухе засвистел металл, и пара цепных ядер попала по средней мачте, разбив ее в дребезги. Паруса упали в море, моряки только и успевали рубить ванты и шкоты, на которых держалась оснастка.

Через ветер пробился звук выстрела и круглое ядро пробило борт выше ватерлинии. Корабль несло по бурному течению. Вадим только что и старался, вывести его из бури и из-под огня фрегата, борясь с тяжелым штурвалом.

— Мама! — от управления Вадима отвлек нервный крик Ромашки. Он указывал на огромную волну, тараном надвигающуюся на борт клипера.

— Держись, — Вадим взял Захарченко и Ромашку за пояса, и обнял штурвал, прежде чем их накрыло.

***

По ночному Петрограду неслась двуколка. Лужи разлетались под коваными копытами, звук скрипящей оси разносился на кварталы вперед, опережая экипаж.

Они остановились в маленьком дворе, где стояло двухэтажное здание ресторана. В окнах на первом этаже горел огонь от настольной лампы.

— Там жто, свет, — кашлянул в кулак головорез с приплюснутым телом и растянутым вширь лицом, как если бы нормального человека прижали прессом.

— И че? Значит не спит, — заметил коллега в острой шляпе с колпаком. Его плащ порвался снизу и теперь волочился по земле.

— Да захлопнетесь, — перебил их возница и привязал двуколку к кольшку. Из серой шинели он достал чугунный кастет. — Все пошли.

Головорезы обошли гостиницу, чтобы зайти с черного хода. На тяжелой дубовой двери весел не закрытый амбарный замок.

— О, фортит, — заметил широкий и толкнул дверь.

Из кухни пахло жареным мясом, и повеяло теплом.

— Пошли, — толкнул широкого возница.

На печках кастрюли, на полках банки, самая обычная кухня. Они шли осторожно, ожидая засады, но внутри никого не оказалось. В огромном общем зале светила одинокая лампа, там же стояло несколько блюд с едой. Головорез снял шляпу и принюхался длинным и кривым носом. Со стола пахло запеченой ветчиной. Насыщенное темно-розовое мясо с хрустящей корочкой лежало нарезанным с дольками лимона. В глиняной глубокой тарелке дымился свежий отварной картофель, и специально для гурманов стояла чаша с гранатовым соусом.

— Ба, да чтоб так каждое дело проходило, — заявил облизываясь широкий.

— Варешку прикрой. Сначала работа. Я осмотрю зал, ты второй этаж, ты подвал, — возница раздавал приказы, угрожающе тряс кулаком с кастетом.

— Ладно, ладно.

Они встретились через пару минут в общем зале. Возница рукавом вытер с края рта гранатовый соус.

— Ничего.

— И у меня, что дальше? — широкий толкнул возницу.

— Будем ждать.

— Ждать на пустой желудок мало удовольствия, — пожал плечами головорез и положил промокшую шляпу на стол.

— Вы пока ходили, я вот что нашел, — возница наклонился и поставил на свет лампы пузатую бутылку самогона.

— Это засада, — широкий сел за стол с едой, — но такая хорошая.

— Так может отраву подсыпали? — задумался головорез со шляпой.

— Ну ты подумай, нам больше достанется, — широкий наколот вилкой картофелину, и уже с набитым ртом выговорил: — Наливай давай, чего ждать с пустым желудком?

Возница вытащил из бутылки пробку и пододвинул деревянную кружку.

Кондрат сидел у окна чердака с видом на дворик ипил горячий чай из фляги. Он качался на стуле, закутанный в шерстяной плед. Дождь мерно барабанил по черепице, пока незваные гости поздно ужинали или рано завтракали. Но важнее всего, что это была их последняя трапеза.

Через полчаса послышались первые крики, они слабо пробивались через стену дождя. Но даже так, крики боли никто не мог услышать, в квартале сейчас сидел один Кондрат. Дома выкупили и строители активно реставрировали комнаты в дневное время.

Еще через пять минут крики утихли достаточно, чтобы снаружи их уже никто не мог услышать. Кондрат посмотрел на карманные часы, допил чай и пошел в ресторан.

У входа нервно переступали лошади, которых привязали бандиты Седого.

— Ну-ну, тихо, — Кондрат погладил коня по носу и надел толстые кожаные перчатки.

Он медлил. После всех криков и той таинственности, которую на него нагнал Призрак, Кондрат откровенно боялся заходить. Но пересилив себя, он перешагнул порог, чтобы потом резко выбежать на улицу. Смрад, и то месиво, что осталось от головорезов.

— Кондрат, попробуй одно средство, там ничего такого, — Кондрат закрыл нос прищепкой и передразнивал гнусатым голосом Вадима, пока грузил мешки с телами в двуколку, — Ну может пованяет немного, потом отмоем. Ага, немного.

Он закрыл ресторан и повез останки на городскую свалку.

***

Утро началось с противного холодного грибного дождика. Росса облепила пол и перила клипера так, что стало опасно ходить.

— Больше я тебя за штурвал не пущу! — Захарченко наклонился к морю через перила с позеленевшим лицом.

Вадим с офигевшим видом держал штурвал. Не реагировал на подначки от экипажа. Буря закончилась и они шли в порт Риги. Фрегат Российской империи остался где-то в заливе и больше их не преследовал. Все бы ничего, но клиперу сильно досталось: сломалась третья мачта, удар об воду заклинил руль так, что его всей командой потом чинили.

От самой команды осталось чуть больше десяти человек, это если считать вместе с

Алексеем, Миколой, Захарченко, Ромашкой, Щербатым и Бревном. Остальные погибли или в бурю или при захвате корабля.

В порт Риги, спасаясь от непогоды, забились сотни кораблей. К причалам шли рыбаки, торговцы и военные со всей балтики. В паре мест даже показался британский Джек.

Клиппер дополз до стоянки только через час. Не хватало места в порту, и скорости кораблю.

— Так, так. Вы откуда? — на борт поднялся бородатый мужчина в зеленоватом пиджаке и с папочкой в руках.

— Так из англлии вестимо, — отозвался Вадим, оторвавшись от изучения капитанского журнала, который он нашел в каюте.

— Из англлии. Что везете?

— Пассажиров и китовый жир.

— Хорошо, сейчас установим вашу мзду.

— Вы хотели сказать налог? — состроив грустное лицо спросил Вадим.

— А я как сказал? — уточнил чиновник, открывая регистрационную книгу, — Как называется корабль?

— Так там же табличка есть, — Вадим показал на борт.

Он думал, что делать с кораблем. Груз и пассажиры поедут, ну или пойдут в Петроград.

— Наверное оторвалась. Кстате, откуда у вас такие повреждения? — чиновник показал на отверстие в борту от ядра.

— Ваше благородие, — Вадим взял его под локоть и повел в сторону от пары солдат, которые пришли к кораблю, — Поймите, у меня горе. До России оставалось всего ничего, а тут буря. Я и так десять человек команды потерял, даже не представляю во сколько еще ремонт обойдется. Ну что, мы два православных человека не найдем общий язык?

С этими словами Вадим вложил пять сторублевых купюр в папку чиновника.

— Да упокоит бог их души, — перекрестился чинуша и захлопнул папку, — Я не собираюсь наживать на горе братьев крестьян. Но название корабля записать должен.

Вадим перекрестился и выдал:

— Вестник. Мы обычно чай до Сити возили, но вот черт попутал в этот раз, — заметие хмурость на лице чиновника, Вадим сменил тему, — Любезнейший, мне еще понадобится ваша помощь. Кораблю нужен ремонт, а без вас я не доживу до очеркди на верфи.

— Любезный, поймите, вы же не один в бурю попали, — чиновник приоткрыл папку.

— Со всем пониманием, — улыбнулся Вадим и положил купюру.

Торчать в Риге и ждать ремонта он не собирался. За кораблем остался следить Микола и нанятый управляющий, который проследит за расходами, которые обещали быть огромными.

В Петроград они отправились через поселок Важима, оставив добираться добытый китовый жир с одним из караванов. Но даже так путешествие заняло больше недели и Вадим вернулся в город только к середине октября.

В поселке ждали хорошие новости: во всех цехах поставили водяные колеса, чтобы питать производство от речки.

На встречу семьям вышли мастера-ювелиры, хотя теперь их называли оружейниками. Исхудавшие жены и дети после освобождения из плена Седого пошли на поправку. Теплая устреча, слезы и громкие дети. Вадим отвел старейшину этого маленького дела. Седоволосый мужчина с широкими плечами, мозолистыми руками, и очень живым взглядом

пошел не сопротивляясь.

— Все ли вам нравится у меня на службе?

— Конечно барин. Сыты, одеты, теперь еще семьи. Или вы их как Седой? — с еле заметной дрожью спросил старейшина.

— Как тебя зовут?

— Лев Обрамлвич.

— А фамилия?

— Так нету, мы из местечка Умань, может слышали это за Днепром?

— Слышал, — Вадим обошел Льва Абрамовича, — Значит так. Хватит жить как попало, будем жить как придется. Ты теперь свободный человек Лев Уманский. Оружейный мастер. Вместе со мной открыл оружейную мастерскую Уманских. Мастера получают по двести рублей в месяц, разнорабочие по пятьдесят. Ты как главный получаешь по двести пятьдесят и премии. Премии только если хорошо работаете. Если работать будете плохо, то выгоню. Мне нахлебники не нужны. Вопросы?

— Семьи останутся с нами? — Лев Абрамович оценил обещанную зарплату. Обычный рабочий получал дай бог если пятнадцать рублей в месяц.

— С вами, дома здесь поставим, — Вадим поправил пенсне, — На мою мастерскую я оформлю документы. Смотри, чтобы никто не прознал, как мы оружие делаем. Иначе мне придется вас не выгонять, а утопить в финском заливе. Где наверно сейчас и плавает Седой. Ясно шлемагл?

— Все ясно, — Лев кивнул.

— Поспрашиваешь у семьи из чего и как мы их выгнали. Селянам ни слова. Не хочу чтобы слухи ходили.

— Все сделаем Вадим Борисович.

— Ну и молодцы, — Вадим отошел закурить.

— Вадим Борисович, я хотел сказать, что мы сделали десять ружей, с ними получилось быстрее, не так много сложных деталей.

— А патроны?

— Мальчики уже делают.

— Мальчики... — Вадим думал об увеличении производства, револьверы для армии, двуствольные ружья для охоты. Ружья двенадцатого калибра с папковыми снарядами значительно облегчали зарядку и обращение с оружием. Стволы располагались вертикально, нижний шел с полным чоком для стрельбы на большие расстояния. Вадим посмотрел несколько образцов, прежде чем заказать кожаные чехлы с гравировкой.

Еще он искал мастера по гравировке на металле, который бы украшал барабаны револьверов, но не мог найти. Отвлекать же мастеров еще и на гравировку — расточительство.

Петербург встретил их приятной воскресной прохладой. Вадим заглянул домой, перед тем как пойти на службу, он заметил одну церквушку, где собирались интересные для него люди.

Слуги хозяйничали по дому, пока Ефим храпел за кухонным столом. Он заснул с бутылкой горилки в руках и толстым куском сала под ухом.

— И как только не соскальзывает? — спросил у себя Вадим и отодвинул стул на котором сидел Ефим.

Бутылка выпала из рук и разбилась вдребезги, заливая все перцовой горилкой. Ефим же

клянул носом и поцеловал пол.

— Ууух.

— Пьянствуем? — любезно спросил Вадим у пострадавшего.

— Вадим... Вадим Борисович, — Ефим встал.

У него кровоточила ладонь, в которой застрял осколок от бутылки.

— Вы уже приехали?

— Приехал, и что я вижу? Пьяницу!

— Да я только немного выпил.

— Поэтому от тебя несет на всю квартиру, а слуги шарахаются за версту?

— Ммм, — не членораздельно выдал денщик.

— Света, принеси ведро холодной воды, — Вадим поймал за ухо подслушивающую за углом кухарку.

— Сейчас вашеблогородь. Ой, — она пискнула и убежала.

Вадим же поставил стул и накрыл почту металлическим подносом. Ефим стоял полусонный пошатываясь и икая.

— Вот ваше боогородие.

— Чего вот? Лей.

Девушка перевернуло ведро на голову Ефима.

— Старший сержант Ефимов, равняйся! — Вадим гаркнул на денщика.

Ефиму хватило. Он вытянулся как струна. Весь вид портил мокрый фрак и застрявшая в нагрудном кармане петрушка.

— За пьянство мне тебя, старого, что прикажешь пороть?

Ефим покрутил глазами, приходя в себя.

— Устроил мне здесь свинарник, — Вадим ударил кулаком по столу, тот аж подпрыгнул, оставив на полу следы, — А ну пошел и привел себя в порядок.

— Есть привести себя в порядок! — Ефим отдал честь и ушел из кухни.

— А ты чего стоишь? — Вадим спокойно повернулся к кухарке, — Чтоб когда я приехал в доме пахло цветами, а не пьянкой.

Девушка похлопала глазами, растерялась. Обычно Вадим Борисович их не гонял.

— Бегом!

— Да, ваше благородие.

Вадим спустился и сел в карету, забрав с собой газеты и почту. Ему пришлось несколько писем в том числе и из Оренбурга. От Анни, Максима, от отца и от китайского торгового партнера Ли Си Цина.

Вадим начал с местных газет, но там только и писали о странном поведении животных: “Вот уже вторую неделю по Петербургу бегают и срутсья уличные собаки. С улиц пропали все бездомные”

— Нажрались наверное чего.

Английская газета "Время" писала о победах Вест Индской Компании против ужасного и несправедливого желтого народа на чайных берегах.

— Конечно, британцы же не будут писать о своих зверствах, — улыбнулся Вадим берясь за письма.

Друзья писали, что соскучились и слышали о фиолетовой лихорадке, которая захватила столицу. Это Ання спрашивала не пришет ли ей Вадим новомодной наряд. Обязательно пришет, но потом.

Ли Си Цин написал, что благодарен за оружие, но дела идут печально, Великая Империя Цин проигрывает с треском. Он готов заплатить золотом и серебром за новые поставки. К сожалению до лета он ждать не может и приедет в Оренбург в начале весны. Приедет с шелковыми гостинцами.

— Плохо, — Вадим постучал пальцами по подлокотнику. Несколько сотен револьверов не победят британцев, а если попадут им в руки, то возможно даже помогут. Сейчас британские полки топтали пыль по всему миру вооруженные нарезными дульно зарядными винтовками, но если вмешается Вадим, то все могло измениться.

— Ладно, подумаем.

Борис Владимирович спрашивал как сын устроился в городе, нужно ли выслать денег. Собственно в конверте лежал именной вексель на пять тысяч. Спрашивал, откуда Вадим знает китайский и на сколько серьезен его деловой партнер. Жаловался что Сергей уехал в Самару на заработки, и он остался совсем один. Только слуги, да старые друзья в городе разбавляют тоскливый кисель.

Карета остановилась у каменных стен Сампсониевского собора, построенного еще при Петре Первом после победы под Полтавой. Здание реставрировали, но внутри остался запах старины, а иконостас на всю стену внушал чувство сакрального посвящения.

Вадим снял с головы цилиндр и прошел на службу. Среди прихожан на коляске сидел Есисла Павлович, Жанна стояла рядом в платке. Его окружал кружок славянофилов в лице еще неизвестного Вадиму адмирала и знакомого по литературным вечерам Сергея Ивановича Мальцева.

За алтарем священник читал молебен о здравии и спасении наших душ.

Заканчивали молитвой о Государе Императоре и Супруге Его, о всем Императорском доме, о том, чтобы господь покарал всех врагов наших, брони хотящих.

Всенощное служение длилось больше шести часов в душном от свечей храме. Все закончилось поклоном иконам с изображением Спасителя и Святых.

Вадим выжидал. Он поставил свечку и дождался когда разойдутся обычные прихожани, чтобы подойти к Есиславу.

— А молодой человек, позвольте вам представить адмирал Российского Флота Горынина Владлена Иоанского, — адмирал протянул крепкую руку, — А это перспективный Вадим Борисович Беркутов. Если бы не юноша, то не сидел бы я сейчас с вами, да еще и в таком модном костюме.

Есислав растегнул фрак, показывая фиолетовую шелковую жилетку.

— Чудно, может продолжим знакомство в более мирском месте? — уточнил Горынин закручивая длинный ус.

Офицер-промышленник Сергей Иванович Мальцев молча сверкал глазами, изучая Вадима с которым до этого виделся издаലെка.

— Тогда я вас приглашаю к себе, — Вадим повел коляску Есислава, — Жанна, верну вашего подопечного в целостности. Мы придем рано, вы еще спать будете.

Под смех они поехали в ресторан Вадима, над входом двухэтажного здания висела новая вывеска "Эльбрус". Заведение еще официально не открылось, но уже обслуживало людей Вадима. Ремонт полностью закончился и со следующей недели все ждало гостей.

Главный зал по задумке Вадима, и под рьяным вмешательством дизайнера напоминал светлый винный погреб, где расставили крытые столы и мягкую мебель. Обеденные места разделили сетчатые перекрытия с виноградными листьями. Гости могли сами выбрать вино

на большом стеллаже в центре зала.

— А чудно здесь у вас, — Есислав поцокал языком.

— Стараемся. Но до вашего ресторана еще далеко. На втором этаже открытый мангал, в подвале бильярдная, — похвастался Вадим, рассаживая гостей.

— Чего изволите любезные? — к столику с гостями подошел молодой официант в белой рубашке и черных брюках. Он держал блокнот, чтобы принять заказ.

— Нам бы согреться для начала. Холодный понедельник, — заметил Сергей Иванович Мальцев.

— Жаль, что в наше время понедельник не гарантирует начало рабочей недели, — посмеялся адмирал.

— Могу предложить начать с глинтвейна с цитрусами. Дальше у нас есть коллекция хороших вин, а повар уже разжег мангал и готовит отличный бараний шашлык.

— А в чем маринуете? — Есислав улыбнулся.

— Есть несколько вариантов, но я советую классический: мясо маринуется с луком, перцем, солью и долькой лимона.

— А давайте, — адмирал проникся атмосферой и достал трубку, чтобы закурить.

— Нам еще закусок к мясу и холодненькой, — Вадим дал последние указания прежде чем отпустить официанта.

— Вадим, а будет ли музыка? — Есислав кивнул на пустой подиум в углу зала.

— Если вы попросите, то будут и танцы, — Вадим позвал управляющего. Кондрат пришел и поклонился.

— Нам бы музыку.

— Все будет. Что-то еще?

— Пока нет, — Вадим отпустил его и завел разговор, — Дорогой Есисла Павлович, мне очень жаль, что я не смог к вам прийти, надеюсь вы получили мое письмо.

— Конечно, я понимаю, не каждый день удается купить целый корабль.

От этих слов адмирал Горынин оживился.

— А что за корабль?

— Да от друга в Риге пришло сообщение, что после шторма старый владелец разорился не в силах починить отличный клиппер с двумя мачтами. Я бросился посмотреть, еле успел, вырвал из цепких лап какого-то проходимца. Правда корабль сильно потрепало бурей. Думаю как появятся деньги установлю дополнительное парусное вооружение, — Вадим отпил горячего глинтвейна, отслеживая настроение гостей.

— Вам повезло. А вот Российскому флоту нет. Чуть больше недели назад из Петрограда ушел контрабандист. Мы послали фрегат, но не догнали. Как звали владельца вашего корабля не вспомните? — Горынин закусил нарезанной сырокопченой.

— Британец, толи Джон, то ли Смит, они все для меня на одно лицо, — Вадим развел руками.

— А вы разбираетесь в кораблях? — спросил Мальцев.

— Да если бы. Это по наставлению очень хорошего знакомого. Я больше по лошадям. Кавалерия наше все.

— Эх, вот если бы ваш корабль оказался трехмачтовым то я бы сразу помчался в Ригу, — адмирал сокрушительно покачал головой.

— Назначили награду? — Вадим спрашивал спокойно, прощупывая почву.

— Да, больше десяти тысяч рублей! Хорошие деньги для честного морехода.

— Тогда тост! — официанты принесли и расставляли дымящейся сочное мясо на шампурах, — Семь метров под килем кораблям Российской Империи!

Через полчаса пришли музыканты. Они играли веселые восточные мелодии, окутывающие гостей теплым ветром кавказских гор.

— Эх, сейчас позову друзей, — встал из-за стола Горынин и покачиваясь пошел за своим кучером. Вадим выгодал момент и ушел в кабинет управляющего. Кондрат сидел за столом и вел журнал ресторана.

— Как прошло? — Вадим расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

— Я же все в письме написал.

— Словами давай. А то на бумаге было больше желчи чем чернил.

— Вадим Борисович, давайте вы будете испытывать свою гадость без меня?

— Значит сработало, — Вадим улыбнулся.

— Еще как. Я три дня зал проветривал, ладно хоть мебель была старая и запах не въелся.

— Куда тела дел?

— На городскую свалку, — Кондрат убрал бумаги в стол и закрыл ящик на ключ.

— А я то думаю, что за собаки по городу бегают и гадят до смерти, — Вадим задумчиво почесал подбородок.

— Это все вы.

— Ладно хватит. Скоро придут еще гости, готовь кухню. Потом пошлешь человека за Захарченко. Нужно подготовить поляну, он знает какую.

— Хорошо сделаю, — Кондрат ушел за посыльным, а Вадим вернулся за стол.

Через час пришли знакомы адмирала по морской стезе, потом чиновники знакомые с Есиславом и Мальцевым.

Народу набилось много, пришлось сдвигать столы, заняв почти весь зал.

— Вот и открылся твой Эльбрус! — крикнул Горынин отпивая вина из рога.

К Вадиму несколько раз подходил Кондрат, чтобы подготовить все для встречи на вторник.

— Господа, а почему бы не продолжить праздник на свежем воздухе? — вопрос Вадима вызвал громкие одобрительные крики.

За город ехали длинной колонной из шикарных европейских карет. Месяц назад Вадим искал землю под новые предприятия и наткнулся к северу от столицы на большое поле и лес на берегу бухты Петрокрепости. Прямо здесь строить не дали, но разрешили использовать как охотничьи угодья. Капитан Захарченко ждал гостей за длинным столом у расставленной палатки.

— Господа, доброго утра. Кто болеет в палатке есть рассол и запасы опохмелиться. Всех остальных прошу за мной.

Высокопоставленные чиновники, пара человек из жандармов, адмиралтейства, счетной палаты. Все со слугами и своим оружием для охоты. Щербатый держал гончих на привязи, он сегодня отвечал за загон дичи. Вадим сиял как начищенная монета. Многие из гостей носили костюмы из одной популярной в Петербурге этой осенью.

— Это новинки отечественного оружейного, — Захарченко подвел заинтересовавшихся к столу, на котором лежали двуствольные ружья в чехлах и несколько деревянных коробок с патронами. Он достал ружье с гравировкой и переломил, показывая как обращаться.

— Вадим, а что там за штука стоит? — Есислав сидел на коляске рядом с Вадимом

и показывал на деревянные устройства с плечами и упругим каналиным канатом, — Захотелось вспомнить старину?

— Это небольшая переделка. Скорпионы вышли из моды, — Вадим сверкнул пенсне и улыбнулся, — Все будет.

Пока Захарченко рассказывал о новых папковых патронах, слуги в отдалении от стола расставляли деревянные мишени с изображением кабанов, зайцев и уток.

— Господа и дамы, — Вадим поклонился гостям и их сопровождающим, — прежде чем начнем охоту, хочу похвастаться достижениями нашего с вами земляка. Эти прекрасные творения мастера Уманского заинтересуют своей изящностью, надежностью и точностью в охоте.

— Вадим, так дай пострелять, мы только за, — хохотнул Горынин, громко хрустя яблоком.

— Не просто пострелять, а со спортивным интересом. Я каждому дам по двадцать выстрелов, но потом начнем состязание для всех желающих! Первые трое получают приятные подарки, которые смогут опробовать на охоте, — Вадим погладил ружье, — Начнем же.

В темной комнате с решеткой на окнах сидел лысый мужчина в вечернем халате. Его руки наручниками приковали к железному столу, а ноги в одном тапочке слабо елозили по холодному каменному полу.

Щелкнул замок. Тяжелая дверь в серую комнату открылась с противным скрипом несмазанных петель.

— Так, так, так, — в комнату для допросов вошел темноволосый жандарм с майорскими эполетами. Он держал подмышкой кожаную папку и в раздражении шевелил длинными усами, — Дела ваши плохи.

Седой удивленно открыл рот и раскрыл ладони, но не ответил.

— Да, да, — жандарм подождал прежде чем за ним закроют дверь, чтобы перейти на шепот, — Ты что здесь забыл?

— Решил покупаться, а меня как собаку потащили в казематы. А я между прочем гражданин Российской империи! — Седой захртпел.

— Ну-ну. Слово то какое выбрал "гражданин". Что это? Тебе Седой жить надоело? На плаху захотел? — жандарм облокотился на спинку стула, достал перо, чернила и бумаги, в которых кривым почерком начал писать, — Ладно что ко мне попал, будешь должен. Напишу, что пил, упал с причала и поранился. Отсюда эта нелепая рана на груди. Верно?

— Верно.

— Ну вот и ладушки. Чтоб я тебя здесь больше не видел.

— А как? — Седой улыбнулся распухшими губами, — Имя, не забуду.

— Эх, пьянь. Даже друга не помнишь, — майор убрал перо, чернила и закрыл папку на завязочки, — Конвоир!

Дверь открылась, в комнату зашел молодой солдат с ружьем на плече.

— Отпустите, хе, "гражданина". Законы не запрещают плавать пьяным, а с опасным преступником, это свидетель ошибся— майор поднялся и вышел.

Через четверть часа Седой стоял на улице и потирал запястья рук. Дул холодный ветер и шел снег. Ночной халат не закрывал все тело и часть бледно-синего пуза оставалась открытой. Прохожие тихо смеялись, проходя рядом, один мальчик даже стал показывать пальцем на странного дядю, который любопытно крутил головой.

Седой шмыгнул носом и пошел вниз по улице. В его понимании хорошие люди обязательно должны помочь, если правильно попросить. Просить пришлось где-то через час, когда Седого затащили в подворотню два здоровых лба в грязной одежде рабочих.

— Слышь, блаженный, а снимай халат, — лоб достал из-за пояса кусок отпиленного лома для разбивания льда.

— Может договоримся? — Седой похлопал глазами.

— Сейчас я с твоей головой договарюсь. Снимай! — бандит замахнулся и ударил концом обрубка в торчащее пузо Седого, — Ну нет, так нет.

Лом наткнулся на что-то твердое как камень, у Седого загорелись глаза, и оружие застряло.

— Чтоб меня...

Договорить бандит не успел. Пухленькие руки Седого расширились и как желе поймали

головы бандитов в холодце.

— Ха, холодец, — Седой облизнулся.

Бандиты кричали, но звук не проникал за полупрозрачный гель-щупальца, только пузырьки воздуха застревали рядом с открытыми ртами, не выходя наружу. Добрые люди попали в ловушку, из которой не было спасения.

— Ладно, — на шее Седого проступила нездоровая фиолетовая вена, и головы бандитов лопнули, оставив кровавые пузыри и осколки костей в руках-геле, — Что-то холодца захотелось.

Седой порыскал по карманам неудавшихся грабителей. Приличный улов в два рубля означал сытный обед в рабочей столовой.

— Только, — Седой посмотрел на свой единственный тапочек и истоптанные сапоги бандита.

***

Пока гости развлекались, расстреливая мишени, Вадим задумался о продвижении своего оружия. Его нужно было продавать много и желательно армии. Собирать каждое ружье после длительной ручной обработки считалось тупиковым путем в продвинутых странах. Во Франции на оружейных заводах производство стволов поставили на конвейер питающийся от водяного колеса. В Англии во всю господствовали паровые машины. Единственным исключением служили оружейники в америке, но там все быстро менялось с наплывом инженеров из европы.

На стрельбище плыли облака пороха. Вадим стоял за палаткой молча наблюдая за состязанием.

— Вадим? — со спины его окликнул Захарченко.

— Это я.

— Тебе пришло письмо, — он протянул черный конверт.

В письме оставили только одну фразу: "Мы знаем, чем ты занимаешься"

— Что-то срочное? Курь аж запыхался, — Захарченко пристегнул вторую кобуру с револьвером к бедру.

— Обычные наблюдатели. Тебе зачем два пистолета?

— Хочу попрактиковаться, — он пошел к стрельбищу, чтобы встать напротив ростовой мишени в ста шагах.

Захарченко потянул за шнурок в кобуре, выскочил револьвер. Капитан поймал оружие и выстрелил от бедра, одной рукой взводя боек. Шесть последовательных выстрелов заглушили пыл остальных стрелков. Тогда Захарченко выхватил второй пистолет и отстрелялся левой рукой.

Расторопный слуга побежал снимать мишень. На белом листе с черным человеческим силуэтом осталось восемь попаданий в грудь.

— Могешь, — через плечо Захарченко заглянул Горынин с двуствольным ружьем, — Ну-ка повесь еще одну.

Он достал из кармана перечницу. Новомодный кремневый пистолет с шестью стволами.

— Владлен, это зачем тебе такая дубинка? — спросил Есислав.

— Вот пойдешь на абордаж, там и не такое берут, — адмирал с прищуренным глазом целился в мишень, но на пистолете не ставили прицельных устройств и сто шагов для такого оружия казались нереальными.

— Ага побегу, — Есислав приставил к глазам маленький бинокль.

Адмирал расстрелял все шесть выстрелов и нервно ждал, когда слуга прибежит с мишенью. Остальные гости тихо обсуждали новинки вооружения.

— Мда, стареешь, — Есислав ткнул в единственное попадание в углу листа.

— Все там будем, — адмирал положил на стол свою перечницу, — Михаил, а дай попробовать. Как перезаряжать?

— Все легко, — Захарченко откинул барабан в сторону и просто сменил его на заряженный.

— Ловко.

— А еще так, — Михаил снял кобуру. На дне кобуры мастера прикрепили металлический паз, который насаживался на рукоять револьвера, служа прикладом, — Теперь так, можно стрелять.

Адмирал прижался щекой к деревянному ложу и выстрелил. Он не успокоился пока все не расстрелял и цокая языком вернул оружие.

— И сколько такая прелесть?

— Пятьсот, — Вадим вмешался, подойдя к столу, — Мастера по одному их делают.

Лицо адмирала скривилось как от проглоченного лимона. Он потянулся погладить револьвер, но отдернул себя.

— И ничего не придумать? — Есислав взял оружие в руки, чтобы лучше рассмотреть.

— Придумать можно и нужно. Но нужны станки. А пока буду делать вариант попроще: с капсулями. Их рублей за сто, но может пятьдесят если пуцу в дело.

— Мда. Я бы такими моряков снарядил, — Владлен почесал шею, томно вздыхая и бросая тоскливые взгляды.

— Не грустите, если выиграте в состязании, то будет вам подарок.

— Только Владлену? — в разговор вмешался мужчина с широкими плечами, плоским лбом и зачесанными волосами в обе стороны. Под охотничьим костюмом он носил белую рубашку с фиолетовым галстуком.

— Нет конечно, уважаемый Захар Александрович, все на общих условиях.

— Тогда, Владя, еще посмотрим, кто кого.

— Да чтоб я, морской волк, уступил кабинетному сидельцу?! Ха!

После пристрелки ружей и стрельбы по мишеням осталось двое финалистов: Владлен Иоанский и Захар Александрович. Кабинетный сиделец трижды выбил бумажного кабана на расстоянии в четыреста шагов с капсульного ружья с частичной нарезкой стволов. Третье место занял друг Естислава — Мальцев Сергей Петрович. Он служил офицером и успел повоевать.

— Для последнего круга хочу показать новинку, — Вадим жестом подозвал слуг, которые выкатили измененные для метания скорпионов. Машины на деревянной станине заряжались поворотом рычага, натягивающего упругий канат, который запускал выкрашенные в меле глиняные тарелки.

— Ээ Вадим, с этого нужно было начинать! — заявил адмирал настрелявшись по летающим тарелочкам. Он настрелял пять, против трех у Захара.

— Поздравляю с победой, — Вадим передал Владлену ружье и кожаный патронташ с папковыми патронами. Гости пошли собирать призы.

— Письмо. Ты не убираешь его из рук, — Захарченко подошел к Вадиму.

— Мелочь, — он улыбнулся и убрал конверт во внутренний карман бушлата.

Охотились до вечера. У Вадима купили десяток ружей под папковый патрон и обещали

еще заглянуть в Эльбрус. Перед возвращением домой Вадим распорядился поехать в ресторан Есислава, отужинать. Захарченко поехал дальше один.

Зал ресторана сверкал от отражений новой хрустальной люстры со свечами.

— Вадим Борисович, рады вас видеть, — на входе поклонился хостес и подозвал официанта.

Вадим выбрал стол в углу, рядом с окном. Вид вечернего Петербурга умиротворял и позволял подумать в тишине. Соседние столы пустовали, за исключением одного, где сидел тоскливый юноша. Он разглядывал капли растаявшего снега на стекле, пока за окном неслись экипажи.

— Что закажите? — официант услужливо улыбнулся.

— Солянку по уральски.

Если официант удивился, то не подал виду, а достал блокнот, чтобы записывать.

— Мы такое блюдо к сожалению не готовим.

— Что даже для очень любимого постоянного гостя?

— Боюсь что так, если вы только не ждете компанию, то думаю шеф повар сделает исключение, — официант извиняющейся развел руками.

Вадим забарабанил пальцами по белой скатерти, и тут на глаза попался томный юноша за соседним столом. Вадим встал и подошел к нему.

— Брат, выручай. Смерть как хочу Уральской солянки, составь компанию?

— Месье? — юноша спросил на французском и Вадим повторил.

— Месье, но я даже не знаю, что это за Солянка.

— Ничего, я сейчас вас обоих научу, — Вадим кивнул на блокнот официанта, — сначала отвариваем говядину, отдельно сосиски, капченую грудинку...

— Но я уже заказал хлеба и воды...

— Друг мой, не волнуйтесь, я заплачу, — Вадим посадил вскочившего юношу, который собирался протестовать, — Ну не капли же с окна вы пришли здесь облизывать. А пока мы ждем, принесите нам водку и закуску.

— Конечно, — официант убежал, закрывая улыбку подносом.

— Меня Вадим зовут, — он протянул руку через стол и юноша ее слабо пожал.

— Анатолий Николаевич, Демидов.

Вадим откинулся на диване с фиолетовой обивкой.

— А я вас знаю!

— Конечно, я же...

— Вы любитель французской поэзии! Мы с вами виделись в доме Мальцевых.

— Да вы правы, рад познакомиться.

— А я-то как рад! Давайте первую за знакомство, — Вадим разлил холодненькой по рюмкам, не принимая отказа, — Я по вашим глазам все вижу.

— Это что же вы видите?

— Женщину, очи черные, губы алые, — Вадим напустил таинственности и поводил руками по столу, — Она живет далеко, на землях гордых франков!

— Пфф, — Толя аж подавился, — Как?

— Да легко, — Вадим закинул соленый огурчик и прохрустел, наслаждаясь сочетанием огня в груди и соленостью на языке, — Вы по французски говорите лучше чем любой француз, а нос у вас русский, как и имя. Так чего гадать? Вы надолго в Россию? Соскучились?

— Я приехал на рождение брата, но никак не могу уехать. Дела как болты затягивают, — Анатолий ухнул и опрокинул рюмку, — У меня в Париже свадьба, а я здесь, служба.

— Что за служба такая, от которой не спешить бежать к невесте?

— Дипломат, я посол в Париже.

— Ооо, так это вас, дипломатов нужно винить! — безапелляционно заявил Вадим и укусил тартолетку с кусочком сливочного масла и черной икрой.

— Это в чем же?

— А кто Наполеона к Москве пустил?

— Ну вы загнули, — на лице Анатолия отобразился спектр эмоций от удивления до печали, — Франция с того времени образумилась.

— Образумилась и тихо бурлят, чтобы выбрать нового Бонапарта?

— Это вы с чего взяли? — У Анатолия проснулся профессиональный интерес, — Вадим, вы на какой службе?

— Ооо, моя служба и опасна и трудна. Порой придет ко мне злой муж и как захочет... Захочет пожаловаться на нелегкую судьбу единственного в городе человека, у которого жена еще ходит в старом платье, — Вадим хохотнул, — Ну вы наверное будете вторым. Я владелец ателье и так, мелочью балуюсь.

— Серьезный человек, — весело кивнул Анатолий и чокнулся рюмками.

— Солянка по уральски! — основное блюдо принесли уже после двух пустых графинов водки. Кусочки говядины, грудинки, нарезанных сосисок плавали вместе с дольками картошки, лимона и бочковых огурцов в горячем бульоне и сметане.

— Эх, жаль оливок нет, — Вадим рукой подогнал аромат наваристого бульона, — Друг мой, обязательно добавьте чеснока. Только мельче, мельче, это не ваши холодные супы.

Раскрасневшийся Толя расстегнул воротник и с удовольствием мокал черных хлеб, помогая ложкой. Слой высокого дипломата треснул, показали первые признаки жизни.

Они сидели до поздна, когда уже последние посетители ушли.

— Нам пора, — Вадим взял под локоть Анатолия и повел на улицу, на ходу натягивая на него тулуп.

— А куда мы?

— Лечить душевную рану, конечно, — Вадим шел ровно, его не шатало, лицо не покраснело. Алкоголь не мог затуманить его разум или отравить тело, — Нас к лучшему "культурному" дому столицы!

Кучер понятиливо кивнул. Пока публичные дома оставались в нелегальном положении без государственного контроля, но с полным пакетом осуждения от Русской Православной. Что не мешало людям ходить к жрицам любви и отдыхать душой, рискуя телом.

Дороги города опустели. Они ехали спокойно, карету покачивало, а за окном мелькали зажженные фонари.

— Вади м, я не хочу, — выдал Толя прислонившись лбом к холодному окну.

— Мне больно на тебя смотреть! — Вадим хотел продолжить, как дальше по дороге из подворотни раздался женский крик.

— Тормози! — Анатолий вскочил и постучал кучеру. Карета нехотя остановилась.

— Стой! Куда? — Вадим бросился на улицу, вслед за притким дипломатом, который успел открыть дверь.

Анатолий не знал что творит, но прилив смелости и возмущения довел его до темного

угла, где двое нелюбезных мужиков зажимали фройляйн с послушницей в вечерних платьях. Женщина со светлыми волосами и широкими скулами закрыла собой испугавшуюся девушку.

— А ну, стойте, — голос Анатолия дрогнул, когда в темноте блеснул нож грабителя.

— Че пернатый, сам пришел, чтобы пощипали? — он перекинул нож из одной руки в другую.

— Не угадал, — Вадим отдернул Анатолия за шиворот и осветил переулок парой выстрелов, — Вы целы?

Из-за спины защитницы вышла дрожащая Варя в коричневом полушубке, она кивнула головой и икнула.

— Спасибо вам господа, — на французском ответила гувернантка. Она носила светлое пальто с меховым воротом и узкую шерстяную юбку до сапог, — Мы возвращались с уроков фортепьяно, для юной миледи.

— Варвара Федоровна, — Анатолий поклонился.

— А, вы знакомы, чудно. Чудно, что у Вари такие смелые знакомые. Меня зовут Алина Петровна, если на русский лад, — гувернантка поправила прическу себе и послушнице, — Давайте уйдем отсюда, эти ужасные монстры.

Она брызгливо подняла подола платья.

— Дамы, что бояться мертвецов? — Вадим картино сдул дымок с револьвера, — Они не кусаются.

— Ах, Вадим, Анатолий, душа еще в пятках, дайте отдышаться, — Варя похлопала себя по красным щекам.

Алина Петровна подошла ближе к лежащему лицом в грязь головорезу и легонько его пнула.

— Чтобы неповадно было!

— Эх, — а он схватился за ее пальто и вонзил нож в правый бок.

— Блять! — Вадим дернулся и разрядил револьвер, пробив пулей нос и расплескал остатки мозгов.

— Ох, что-то мне не хорошо, — Алина Петровна сползла по стене, ее лицо быстро бледнело, а пальто пропитывалось кровью.

— Нужно позвать врача! — Анатолий выглянул на дорогу, но там не было ни души. Люди либо прятались либо спали, только вдалеке пошли свистки, приближающихся околоточников.

— Не успеем, где ближайший врач? — Вадим зажал рану, отчего не молодое лицо Алины Петровны вытянулось от боли.

— Ко мне, домой, батюшка военный хирург! — Варя впила ногтями себе в руку, чтобы не потерять сознание, — Два квартала выше по улице, мы же почти до дома дошли.

— Я донесу, — Вадим поднял гувернантку на руки и побежал.

Холодный снег скрипел под ногами, пока мимо проносились уличные фонари.

Варя и Анатолий подъехали к дому доктора Гааза на карете полицейских. На крыльце сидел Вадим с распахнутой бешкеркой и курил трубку. На его руках и ступеньках осталась засохшая кровь.

Околоточники заставили подписать соглашение о невыезде из города. Утром в квартиру придет следователь и опросит.

Анатолий остался в гостях у Гаазовых, а Вадим отправился домой. Ефим спал, как и

большинство слуг, только сторож радостно встретил вернувшегося барина и испугался засохшей крови, но Вадим его успокоил.

Он сидел в кабинете при свете свечей и писал письмо на дальний восток. Сегодня вышла промашка, ценою в чью-то жизнь. Для Вадима не существовало проблемы только препятствия на пути к пока еще далекой цели, но с каждым заработанным рублем, с каждой построенной фабрикой он приближался на маленький шаг.

В дверь кабинета осторожно постучали. Вадим убрал купленный набор сверл в стол и прокашлявшись сказал:

— Войдите.

Через порог переступил невысокий мужчина с пышными майорскими эполетами и золотыми пуговицами на синем мундире. Подмышкой он держал кожаную папку, а при ходьбе шевелил длинными усами, как будто принюхивался.

— Душновато у вас.

— Чувствуйте себя как дома, можете открыть окно, — Вадим поудобнее устроился за столом, наблюдая удивленное лицо следователя.

— Ну ладно-с, у меня будет к вам пара вопросов, — он сел напротив Вадима и открыл кожаную папку.

— Извините, но вы не представились.

— Месечкин Алексей Игнатьевич.

— Очень приятно, а давно в жандармерии проблемы с кадрами?

— Не понимаю вас, — Алексей Игнатьевич замер, расставляя пишущие принадлежности.

— Я просто гадаю, с каких пор делами об уличном разбое занимаются аж целые майоры, — Вадим наклонился ближе, чтобы смотреть в глаза гостю.

— Это, это жест уважения. А теперь ответьте на пару вопросов, — он прошелся по подготовленному списку.

Беседа закончилась через час.

— Ну вот и все, Вадим Борисович.

— Прежде чем вы уйдете, я могу выезжать из города?

— Да, у следствия к вам больше нет вопросов, — Алексей Игнатьевич замялся, — Если только один: откуда вы взяли такой пистолет?

— Так, мой хороший знакомый постарался. Лев Уманцев держит оружейную мастерскую. Хотите себе такой? Двести рублей, сто капсулей идут в комплекте.

Майор скривился и тяжело вздохнул.

— Не потяну. Всего доброго.

Он развернулся и стал уходить, но Вадим окликнул жандарма.

— Вы забыли письмо! Алексей Игнатьевич.

— Нет, нет, боюсь, оно там уже было.

— Ну да, было, — улыбнулся Вадим, вскрывая белый конверт, под которым лежал черный с посланием: "Мы следим", — Конспираторы хреновы.

Вадим пошел одеваться на улицу. Его встречал бодрый и аккуратный Ефим, который успел побриться и зализать волосы.

— О, да ты принарядился. Как самочувствие?

— Лучше вашблогородь. Я совсем отбился от рук и бросил вас. Прошу прощения. Вы же в ателье поедите? Позвольте сопроводить?

— А так вот в чем дело, старый лис, — Вадим повязал шарф и спустился к карете.

Утренний Петербург кипел жизнью. Снег на улицах убирали рабочие, пока люди

спешили по делам. Мерно цокали копыта лошадей, в городе пошли первые сани.

Звякнул звонок и из открытой двери намело снега. Вадим отряхнул воротник, заходя в теплый зал салона.

— Рад вас видеть.

— Дорогой, — Гертруда прервалась.

За Вадимом зашел Ефим и скромно встал у двери.

— Заходите и вы, Ефим, — Гертруда послала Петра приготовить чай, а сама пригласила гостей садиться за стол, — Давно вас не видела, обоих.

— Дела, — Вадим развел руками, наблюдая, как двое избегают смотреть друг на друга, — Как ателье?

— Отлично. Даже лучше. Клиенты идут без перебоя, сейчас только рано. Как вы и просили, я купила еще две мастерских, но ума не приложу, зачем нам столько костюмов, почти месячную выручку на все потратила.

— На зарплаты хватает? На ткани? Аренда?

— Хватает, — Гертруда закрыла улыбку веером, — Деньги сдаем в банк, не хочется хранить такие суммы в наше беспокойное время. И говоря о беспокойном времени, на вас вчера напали?

— Не на меня, но откуда вы знаете?

Гертруда бросила укоризненный взгляд. Петр поставил посуду на стол и разлил чай.

— Людей знать нужно. Мы между прочем с госпожой Жуковой ходим в один литературный клуб, — Гертруда расправила перья, предвкушая восхищение.

— И давно вы общаетесь с женой прокурора?

— И не только прокурора. Посмотрите нашу клиентскую книгу и найдете там много известных фамилий.

— Так и сделаю. Больше никаких проблем?

— Нет, ну почти. Мы сейчас шьем костюмы по размерам. Все забито заготовками, но куда их потом девать? В ателье столько людей не заходит, уже не тот уровень.

— На Рождество продадим. Я готовлюсь к открытию большой лавки, вернее, торгового дома, — Вадим посмотрел на молчаливого Ефима и понял, что ему пора, — Я пойду, дела.

— Да, да, — Гертруда попрощалась взмахом пера.

После ателье он заскочил в Дворянский банк. Знакомый клер отвел Вадима в отдельный кабинет и предложил чаю.

— Давайте сразу к делам. Я бы хотел взять кредит.

— Как вам будет угодно-с. На какую сумму думаете брать? — клер погладил маленькие усики.

— Думаю начать с миллиона, — Вадим закинул ногу на ногу, пока клерк как рыба без воды ловил воздух, — А там, как дела пойдут.

— Извините, но мы такие суммы не выдаем! — чиновник вытер вспотевший лоб платком.

— Завите главного.

— Да, сейчас, — он убежал, поскользнувшись у двери кабинета, и в спешке прищемил подол пиджака.

— Здравствуйте, Вадим.

— А, Федор Семенович! Как вы, не болеете? — Вадим встал пожать руку главе банка, с которым день назад охотился.

— Слава богу, хорошо, — тучноватый мужчина в черном фраке с фиолетовой подкладкой развалился в кресле с фиолетовой обивкой, — Чем могу быть любезен? Мой помощник прибежал как пчелкой ужаленный, чем вы его так напугали.

— Не понимаю, что могло его так напугать. Я всего лишь пришел просить кредит.

— Ну, это мы можем. Для каких целей? Какая сумма? — Федор Семенович макнул перс в чернильницу, чтобы записывать.

— На развитие промышленности. Думал для начала взять миллион, — Видя шок управляющего, Вадим поднял руки, — Рублей, конечно, не пугайтесь так.

— Ах, — Федор Семенович схватился за сердце.

— Врача?

— Вина.

— Давайте сначала дело.

— Тогда водки, — Федор Семенович открыл тумбочку рядом со столом и разочарованно ее захлопнул, — Сейчас.

Он встал и выглянул из двери кабинета позвать помощника.

— Ну теперь и о деле, — Вадим хрустнул малосольным огурчиком, пока Федор Семенович занюхивал табаком.

— Вадим, ты пойми. У нас нет таких денег. Наш министр, Канкрин, перевел капитал в банк на нужды помещиков, ты же кредит на промышленность. Не модно это сейчас во дворе. Не принято.

— Да как же немодно? Недавно только объявили о строительстве железной дороги, — Вадим, чтобы придать словам весом взмахнул огурцом, насаженным на вилку, — Я вот хочу построить инструментальный завод в Петербурге, делать инструменты, станки. Или нам что, у британцев покупать?

— Я, да все мы тебя понимаем и поддерживаем. Дело хорошее, особенно если за него берется наш человек. Но миллион! Эх ты кусанул.

— Проси больше, не дали по голове, уже хорошо. На что я могу рассчитывать?

— Ты закладывать будешь свои производства? — Федор Семенович дождался кивка Вадима и продолжил: — Тогда сто пятьдесят. Сколько тебе времени нужно на выплаты?

— Два года, верну с процентами.

— Куда ты денешься. Хорошо, будет тебе сто пятьдесят.

— Благодарю! Даже не знаю, что делал бы без вас.

— Только целоваться не лезь.

— И не думал, — Вадим собрался уходить, но прежде чем закрыл дверь, спросил: — Как вашей жене платье?

— В восторге. Заходи к нам на выходных, будем рады, — Федор Сергеевич добродушно улыбнулся.

— Увидимся, — Вадим попрощался и ушел.

Вадим решил ненадолго заглянуть в ресторан Есислава, где его и нашел странного вида человек.

— Позвольте составить вам компанию? — тонкий как уж мужчина в черном фраке и высоком цилиндре снял теплое пальто.

Вадим бросил взгляд на хосписа, но он только пожал плечами.

— Садитесь, но хотелось бы знать, с кем делю стол, — Вадим широким взмахом пригласил его присесть.

— Вадим Борисович, я не отниму много времени, — гость сел и достал трубку, чтобы закурить, — Меня зовут Джордж, без фамилии.

— Сэр?

— Сэр.

— И чем же я могу помочь, сэр Джордж.

— Меня к вам послал уважаемый Генри Вескер.

— А у лорда не нашлось времени?

Джордж разве руками, вежливо улыбаюсь.

— И чем такая крошечная персона может вам помочь? — Вадим держал в руках кружку кофе, медленно смакуя богатый аромат.

— Не крошечная...

— Крохотульная, — перебил Вадим.

— Э, мой русский не настолько хорош. Я вас не понял.

— Бывает.

— В общем, лорд Генри очень высоко оценил модные цветные ткани и заинтересован в покупке рецепта приготовления красителей.

— Вы зря потратили свое время.

Сэр Джордж реалистично изобразил удивление.

— Почему вы так говорите, даже не выслушав наше предложение. Недавно Лорду Генри написали по поводу заинтересовавших вас станков. Мы будем рады открыть это окно взаимоотношений.

— Вы зря потратили свое время, потому что я не заинтересован продавать рецепт.

— Но своими силами вы долго будете развивать производство. Сколько ткани вы можете сейчас покрасить? А у нас есть паровые машины, но что куда более важно, в моих глазах, у нас есть люди. Даже не просто люди, а эксперты!

— Пока ваши “эксперты” не откроют подобного рецепта, они и гроша ломаного не стоят. Всего доброго, — Вадим зашелестел свежей газетой, показывая, что разговор окончен.

— Может, вам нужно время, чтобы подумать, чтобы оценить все преимущества и “риски”?

— Единственный риск, который я вижу, это если третье отделение узнает, что помощник лорда Генри завозит опиум в Россию.

Сэр Джордж дернулся и покрутил головой, проверяя, не слышит ли кто их беседы.

— Не вертите, только сильнее себя запяtaiente. От вас за милю воняет этой дрянью. А теперь проваливайте, мне дышать нечем.

Англичанин скривил лицо, поклонился и выдавил из себя вежливую улыбку. Он выбежал на улицу, как подпаленный петух.

— Вадим Борисович, этот человек досаждал вам? Вызвать-с полицию? — спросил хостес, прежде чем Вадим вышел на улицу.

— Увидите, лучше гоните в шею, это какой-то мошенник.

— Конечно-с.

На улице шел крупный снег. Белыми хлопьями он налипал на одежду, оседал на ворсинках пушистого воротника. Вадим прикрыл глаза, наслаждаясь холодным ветром, гонимым на город с залива. Британец обнаглел и рассчитывать на него не приходилось. Партнер из Китая торопил с оружием, обещая горы необходимого золота и серебра, но все упиралось в время и производственные мощности. Кузнецы не могли изготавливать быстро

достаточное количество ружей для массового заказа. Все упиралось в стволы, изготовление которых занимало дни. Более того, Вадима не устраивало качество и низкая технологичность такого оружия.

Он забрался в свою карету и поехал в Эльбрус, на рабочее собрание. Карета скрипнула, но не поддалась. Пара умельцев из поселка по чертежам Вадима изготовили рессоры, чтобы уменьшить тряску на дорогах и повысить грузоподъемность.

В ресторане собралась верхушка выстраиваемой организации. Захарченко, Кондрат, Микола, Алексей и Щербатый сидели за большим столом и играли в карты, когда парадная дверь открылась и внутрь намело снега.

— Закройте дверь, дует же!

— Да, холодно.

Вадим зашел в зал, загородив собой проход.

— Потерпите. Здесь дышать нечем от ваших потных рож.

Захарченко поднялся из-за стола, оставив карты. Под нажимом обстоятельств с гусара сошла спесь, но стержень остался.

— Мы тебя ждем, шей не жалеем. Вон люди из Риги вернулись.

— Отлично, что вернулись, как там мой корабль? — Вадим наклонил голову, чтобы Захарченко не закрывал собой банду.

— Вадим, я с тобой, потому что ты бьешь бандитов, но терпеть этих, я не могу, — Захарченко говорил тихо, чтобы за столом его не слышали.

— А еще я плачу тебе, — улыбнулся Вадим, положив руку на плечо Михаила, — И помогаю людям.

— Ты себе помогаешь.

— Не без этого. Своя рубашка ближе к телу. Если не нравится компания, то начинай набирать приличных людей, а не бандитов. Мне нужны будут охранники на предприятия, осилишь?

— А эти? — Захарченко кивнул в сторону играющих.

— Кондрат справится с теневым делом. Не волнуйся. Овцы отдельно, волки отдельно.

Вадим отошел от входной двери, снял бекешу и сел за стол. Захарченко подвис на несколько секунд, прежде чем спохватиться.

— А я волк или овца?

— Ну у тебя и вопросы, — Кондрат потянулся за столом. Они-то разговор не слышали, — Ты во сне воешь или блеешь?

— Капитан скачет, — Микола заржал и изобразил храпящего ковбоя с лассо.

— Храплю, — буркнул Захарченко и вернулся на нагретый стул.

— Мааетесь вы от бееезделия, — авторитетно заявил Алексей, — А я, между прочим, привез весь груз с Вестника. Призрак, что с жиром делать?

Вадим задумчиво почесал подбородок, — Если бог дает жир, то будем делать мыло. Кондрат, подготовь в поселке новый цех.

— Призрак, да куда? У нас народу уже не хватает, одни старики да дети остались, все остальные уже на фабриках твоих горбатятся.

— Зарабатывают, а не горбатятся, — Вадим добавил нотку железа в голосе.

На фабриках трудились по восемь часов в две смены, это не как в Британии по двенадцать или по всей России по одиннадцать. Детям он сразу запретил работать на тяжелом производстве, отправив на мелкие поручения и в общую кухню.

— Решено. К Рождеству проведем ярмарку, порадуем людей, — на стеклах пенсне Вадима плясал огонек от свечи, — Кондрат, пусти слух, что будем устраивать соревнования с дорогими призами. Соревнования для ткачих и кузнецов.

— Призрак, это ж сколько строить нужно. Там новые цеха недостроенные стоят. А ты еще мыловарню, лавки к ярмарке, гостиницу хорошо бы.

— Ищи артель, а лучше две. Если артели успевать не будут, то направим людей на субботнике.

Кондрат скривил лицо. Обычно все работали шесть дней в неделю с выходным на воскресенье. Но в поселке половину субботы уделяли уборке территории заводов, очистке улиц, туалетов, бань. В пятницу вечером веселье с музыкой, танцы на площади поселка, с переносом рабочей смены на вечер субботы.

— Кирпичей или камня, бы где достать, а то все из дерева, полыхнет как, — мечтательно заметил Алексей и приложился к кружке с пивом.

— Где их взять-то? Все на полгода вперед раскуплены. Я торговцев со всей губернии спрашивал, — Кондрат достал из нагрудного кармана жилетки записную книжку и английский карандаш, — Со стеклом беда, только по отдельным мастерам, если бегать. Древесину ладно, нам привозят. Железа хватает, но больше руды везут.

— Разберемся. Меня пригласили на выходные, так что будете в свободном плавании.

— Призрак, еще одно, — Алексей покачался на стуле, — Мастер с верфи запросил десять тысяч на ремонт и установку орудий. Команду я присмотрел, но никаких гарантий.

— Что по времени?

— Полгода. Но если будут деньги, то быстрее.

Вадим кивнул. Корабль мог принести отличную прибыль, не только увозя цветные ткани, но и доставляя редкие в России инструменты. Или пассажиров. Специалистов не хватало везде, приходилось нанимать самоучек со всей губернии. Людей переселяли сразу с семьями, чтобы привязать к предприятию.

Планерка закончилась за полночь. Остаток недели Вадим посвятил разбору накопившихся бумаг и писем, а уже вечером субботы пришел на бал. Пришел в компании Захарченко, Гертруда сослалась на головные боли и не пошла.

— Ого, — заявил Захарченко, войдя в зал с гостями Городикова. Дамы, девушки в пышных, воздушных платьях из лилового шелка с черными вставками. Прекрасные дамы требовали от красок не скромности, а яркости и блеска. Под потолком мерцали хрустальные абажуры в такт размеренной музыки вальса.

— Рад видеть вас, Вадим. Сегодня с другом? — ко входу подошел статный мужчина в приталенном черном фраке с супругой в новом платье из шелка изумрудного цвета.

— Федор Семенович, Евдокия Романовна, позвольте вам представить моего друга Михаила Захарченко. Гусар!

— Рады встрече, — Федор Семенович поглаживал руку жены.

— Вам очень идет, надеюсь, что Гертруда смогла исполнить все желания, — Вадим кивнул на дочку Федора Семеновича в центре зала в фиолетовом платье, ради которой и проводили бал. Она праздновала именины, и родители надеялись найти жениха, — Вижу, вы позвали разных гостей.

В зале помимо друзей хозяев присутствовали и иностранные гости.

— Конечно, дочь настояла, — Федор Семенович с трудом скрывал раздражение, — Но я рад, что вы пришли, пожалуйста, наслаждайтесь.

— Спасибо, и вот подарок, — Вадим передал коробочку Федору.

Вадим и Михаил пошли вглубь зала, а Евдокия прошептала Федору:

— Жаль, что он так молод.

— Чем это я тебе не угодил?

— Не мне, Людмиле.

Музыка сменилась на популярный нынче Мандесон. Капитана Захарченко сразу увела милая дама, закружив в танце. Вадим только и успел спрятаться за колонной в греческом стиле.

— Прячетесь? — за спиной прозвучал звонкий голос.

Вадим изобразил испуг, встав на носочки начищенных туфель и схватившись за сердце.

— Варвара Федоровна, не пугайте так.

— Я не хотела, — в глазах у Вари плясали чертики, — но честно не думала, что человека, который прыгает в темные переулки так легко напугать.

— Ну против бандитов в темных углах у меня есть лекарство, — Вадим похлопал себя по карману, — а что делать с юными особами я не представляю. Начинаю за-и-каться. Видите, уже началось.

— И не вы один, — Варя бросила долгий как поход на работу — взгляд на Анатолия Николаевича Демидова, болтающего в углу с Пьером Морелем.

— Как вы себя чувствуете, после всего, — Вадим провел пальцем по кругу в воздухе.

— Еще больно. Позавчера провели похороны. Жаль, что вас не было.

— Я очень плохо переношу общение с мертвецами. Во мне живет мысль, что они могут воскреснуть, — Вадим поежился от мурашек.

— Вы же человек науки, — Варя понизила голос, — а верите во всякое.

— Наука пока не все может объяснить, — Вадим пожал плечами и забрал, у проходящего мимо слуги, бокал с вином, — Например, почему молодые леди прячутся за колоннами, вместо того, чтобы общаться.

— Пф, у Анатолия случился скандал с невестой, он только об этом и говорит.

— Это он о ней говорит, пока не увидит вас.

Вадим предложил локоть, и Варя зацепилась. Они вместе, как корабль через танцующие льдины прошли по залу к Анатолию и Пьеру.

— Друзья, рад вас видеть, — Вадим прервал беседу, кашлянув в кулак.

— А дорогой друг! Варвара Федоровна, — Анатолий поклонился, а Пьер поцеловал протянутую Варей руку, — Вадим, вы вовремя. Мы как раз обсуждали, что жизнь без прекрасного пола была бы намного скучнее.

— Пьер, как ваша дочь? — Варя заговорила на французском.

— Спасибо, лучше. Врачи уверены, что она поправится. Жаль, что современные эскулапы не могут вылечить душу.

— Да, для души нужны другие инструменты, — задумчиво проговорил Вадим, внимательно осматривая гостей в зале.

— Анатолий, я слышала, что вы собираетесь на Рождество оставить нас без своей компании.

— Все так, дорогая Варвара Федоровна. К сожалению, я уеду в Париж по рабочим делам.

— По поводу ваших "дел", давайте напишем письмо, уверен, что вас поймут и простят, — Пьер говорил так, чтобы не сказать ничего лишнего, но Варя надула щеки и

отошла в сторону.

— Варвара Федоровна, мы быстро, сразу вернемся к вам, — они отошли к кофейному столику с парой удобных кресел, подальше от музыки и танцующих гостей, чтобы послать слугу за письменными принадлежностями.

— Как же Анатолию неймется без Парижа, — Варя взяла в руку грецкий орех и с хрустом сломала его в кулаке.

— Давайте напишем свое письмо, шуточное, — Вадим достал из нагрудного кармана стальную перьевую ручку с позолоченным пером и конверт.

— Всегда носите с собой?

— Нет, но часто. Никуда без писем, — Вадим отвел Варю в сторону, — Пришлось отвлечь мастеров от работы, чтобы сделали перо.

— А чернила? Или у вас в кармане чернильница?

— Все здесь, — Вадим потряс ручкой, — С чего начнем?

— Даже не знаю, никогда не писала... Парижу.

— Хм, тогда так: Дорогая и монументальная, я скучаю по твоим огромным версалем...

За такую строчку Вадим получил удар кулачком по руке и смущенный взгляд Варвары.

— Хм, не могу дождаться того дня, когда снова попаду в твой сырой винный погреб, — Вадим бросил полный коварства взгляд, но Варя только пожала плечами.

— Я не поняла шутки.

— Ничего, еще вся жизнь впереди, — Он продолжил писать, — С любовью, твой русский турист. Ну как?

— Для шутки хорошо, но мы же не будем его отправлять?

— Мы? Конечно, нет, — Вадим посмеялся и убрал конверт в карман фрака, — Не составите компанию?

Вадим протянул руку, приглашая Варю на танец.

— Конечно!

В зале заиграли спокойные Ноктюрны Шопена. Варвара улыбалась, прижавшись к Вадиму, он молчал как и полагалось не самому сообразительному джентльмену в семье.

— Спасибо вам за танец, — Вадим поцеловал руку и сдержанно поклонился, — Ис сейчас я вас оставлю.

— Увидимся, — Варя не разглядела ничего предосудительного и отпустила Вадима со спокойным сердцем.

А он как лист на ветру проскочил через танцующих и скрылся в коридоре, из которого вышел повеселевший Анатолий. Двери кабинетов чередовались с вазами на столиках, а заканчивался он большой лестницей. Темноту прерывала одинокая свеча из бокового прохода. Там за столом сидел Пьер с бокалом вина и закрытым в конверт письмом.

— О Пьер, а я то думал, куда вы убежали, — Вадим подошел ближе, чтобы отрезать Пьера от стола, — Нам очень не хватает вашей компании, пойдете скорее в зал.

— А мой друг. Я даже не знаю... — Пьер наморщил брови. Вокруг его глаз проступала сетка морщин. Мужчина устал душой, и Вадим все это видел.

— Я знаю, что может вас развеселить. Недавно я купил один корабль, чудный клипер, пусть и поврежденный. Так, его захотел у меня выкупить некий мистер Джонс. Рассказывал, как он на нем отправится за какими-то сокровищами, даже звал спонсировать какого-то археолога. Представляете?

Сначала Пьер не среагировал, но когда до него дошел смысл сказанного, то схватил

Вадима за плечи.

— Кто это был? Вы его знаете?

— Честное слово, нет. Застал меня за обедом в ресторане, я его не прогнал только из вежливости. Честное слово, неприятный тип. От него так воняло, как его, ну популярная курительная смесь, — Вадим пощелкал пальцами, как бы вспоминая название, — Ах, да. Опиумом.

Пьера как молнией поразило. Он сжал рукава фрака Вадима.

— Ай, больно, друг мой, — Вадим притворно поморщился.

— Простите, просто показалось. Я должен проверить... — Пьер тяжело сглотнул и побежал из кабинета.

— Подождите! Вы забыли письмо! — Вадим окликнул Пьера и протянул конверт.

— Спасибо, это... неважно. Я уйду с бала.

— Прощайте, надеюсь, что у вас все хорошо, — Вадим тяжело кивнул, как будто убеждает себя.

— Спасибо, правда, — Пьер вылетел из кабинета и поспешил попрощаться с хозяевами дома и на выход.

В кабинет заглянул слуга, чтобы проверить, все ли хорошо.

— Ваше благородие, могу чем-то помочь?

— Да, друг, можешь. Где у вас камин, я что-то замерз, — Вадим потер плечи, пряча письмо Анатолия в карман.

— Пройдемте-с.

Вадим ехал в карете по новой шоссейной дороге до своего поселка. При Николае Павловиче медленно тянулись железные дороги и быстро строились шоссейные. По европейской части страны как грибы вылезли новые почтовые станции с семафорами, облегчающие передачу сообщений. Страна менялась.

Он качал ногой, пока читал выписки из расходных книг. Банк выдал кредит, на который сейчас закупалось сырье и строительные материалы. Есислав прислал пять бригад и древесину, чтобы помочь со строительством.

— Какое название выбрали? — Вадим обращался к мрачному Кондрату, который сидел и листал строительную смету.

— Заводское, — поделился Кондрат покривившись.

— Мда. С фантазией у вас...

— Это еще не самый плохой вариант. Люди предлагали Вадимово...

Вот здесь уже скривился Вадим. В поселке Заводское под Петербургом жило больше трехсот семей. В них входили не только рабочие фабрик и заводов, но еще и крестьяне, торговцы и чиновники. Без последних вообще ничего не происходило в современной России. Николай растил две армии: пехотную и бюрократическую. И пока одна завоевывала Кавказ и сторожила границы, другая тратила драгоценную бумагу и чернила.

Карета остановилась в центре поселка, рядом с вытянутым одноэтажным домом, построенным специально для Вадима. Дом окружал небольшой яблоневый сад и забор из чугунных прутьев. Любой с улицы мог увидеть большие окна кабинета и утепленную веранду.

— А теперь поработаем, — Вадим потянулся, выходя из кареты. Утреннее ноябрьское солнце переливалось в свежих сугробах. Старичок в тулупе скреб по дорожке лопатой от ворот для крыльца, очищая дорогу от подтаявшего льда.

— Доброго утра вашблагородь, — он снял шапку и поклонился проходящим Вадиму и Кондрату.

Они зашли в прихожую и обстучали налипший снег с обуви. Внутри пахло заваренной ромашкой и свежими пирожками.

— Угощайтесь, — встречать барина вышла бабушка-гувернантка Люда с подносом вкусностей. Она выросла в этих краях, а не приехала из-за границы. Вадим решил взять местную, а не, как обычно брали слуг дворяне.

— Балуют вас, — посетовал Кондрат, проходя в большой кабинет.

— И пусть, — Вадим зашел следом, жуя румяный пирожок с картошкой, — Тоже угощайся, работы еще много.

В центре кабинета стоял длинный стол, с чертежами под накрытой стеклом столешнице. На полу лежал красный ковер с изображением персидского тигра и воинов с саблями. В дальнем углу кабинета стоял рабочий стол из красного индийского дерева с вставками из слоновой кости, коллекцией перьевых ручек, чернил и пресс-папье.

— Люда, чаю нам, пожалуйста, скоро мастера придут, — Вадим вытер руки об полотенце и достал документы из портфеля.

— Конечно, Вадим Борисович.

В течение часа пришли мастера поселка Заводское. Специалисты по плотским, строительным, тканым и оружейным работам.

— Мне вот что интересно, — начал Вадим, — как вы дальше жить собираетесь? Все ли нравится? Не планируете уезжать?

— Да ты что батюшка, — за мастеров ответил Лев Уманский, — куда же мы? Здесь хорошо: работа, сытно, добро.

Мастера кивали вслед словам.

— Я вас почему спрашиваю, — Вадим встал во главе длинного стола и разложил бумаги поверх чертежей, — Я думаю, расширить поселок. Скоро Рождество и к нему я хочу успеть, а вы мне будете помогать. Не только делом, но еще и учебой. Будете учиться сами и детей своих приводить. Бог даст, в следующем году открою здесь техническое училище.

— А так ли оно нужно, Вадим Борисович? — Лев Уманский мял в руках шапку. Мастера не любили делиться секретами производства, предпочитая лично выбирать учеников. Артели не все жаловали.

— Надо. Двадцать, тридцать, сорок пистолетов в неделю это мало. То же самое касается и остальных, — Вадим каждому заглянул в глаза, — Мне уже жаловались, что очередь на год расписана. Я главное цеха расширю, а толку нет!

— Не сердись барин, колеса водяные мы как есть ставим, но все равно не удобно. Речушку льдом застиляет, колем каждое утро. Ну это полбеды, еще же людей не хватает, — Уманский повернулся к коллегам, за поддержкой.

— Верно. Верно! Не женщин же нам в кузни пускать, — раздался ропот мастеров.

— Знаю, что мало, не хватает. Поэтому будем решать вопросы. Но сначала рождественская ярмарка. Кондрат?

— Материалы везут, — Кондрат с карандашом шел по списку, — в Петербурге две артели наняли, но все равно, медленно. Чуть больше месяца осталось.

— Ну там не навека же строить. Месяц простоит — хорошо, — Вадим обошел стол по кругу, остановившись перед бородатым Уманским, — Сначала кирпич.

— Какой кирпич, Вадим Борисович? — не понял мастер.

— Строительный. Вы глину нашли? Нашли. У меня производство пороха в деревянных домах идет, это же бред!

— И кирпичи огнеупорные для печей привезли, — напомнил Кондрат, сверяясь со сметой, — Местные чуть по домам не растащили.

— Мы всех наказали, — заверил покрасневший Уманский.

— Тогда за работу.

***

Для будущей кирпичной печи вырыли котлован, уложили фундамент и облицовку стен. Для круговой камеры печи, которая походила на коридор в бублике, использовали специальный жаропрочный кирпич. На потолке коридора оставили отверстия под угольные горелки, а в стенах проходы для загрузки заготовок. На втором этаже выстроили небольшой сарай, где кочегары переставляли цилиндрические горелки, что позволяло никогда не тушить печь, обеспечивая ей постоянную работу. Отдельный человек следил, чтобы в горелках оставался уголь.

Для кирпичей использовали обычную глину, без примесей, что удешевляло производство по сравнению с другими заводами. Их готовность отслеживали через потолок коридора длинным штырем, проверяя уровень просадки кирпича.

— Вадим, я не понимаю твоей привередливости к углю, — Кондрат кривился от цен поставщиков.

— Чем чище уголь, тем лучше, равномернее идет огонь и прогреваются заготовки. Попробуй написать в Луганскую губернию, я слышал, там сейчас активно осваивают добычу каменного угля, — Вадим вышел из коридора круговой печи, куда рабочие вносили новую партию заготовок.

Полный цикл занимал неделю: каждый день грузчики вынимали готовую партию и закладывали на ее место новую, а кочегары с верхнего этажа по кругу переставляли горелки, сначала прогревая, а потом и обжигая заготовки.

Через неделю кирпичи доставали и везли на стройку новых цехов в поселке. На время обжига грузовые двери в камеры коридора закрывали, отводя воздух на улицу. В итоге получались тугоплавкие кирпичи равномерного бледного цвета, подходяще, например, как на отделку домов, так и для металлургии.

— Двадцать семь тысяч кирпичей в день, — Кондрат зажмурился, чтобы посчитать в уме, — Сто восемьдесят девять тысяч в неделю.

— О чем задумался?

— Сколько денег мы тратим на заводы.

— Да брось ты, — Вадим улыбнулся и достал трубку, чтобы закурить, — Ко мне уже подходил Естислав, чтобы прикупить кирпича. Все окупиться. Ладно, это все интересно, но у меня работа.

Вадим пошел сначала в дом, чтобы переодеться, а потом направился в новый цех механического завода, где из тугоплавкого кирпича складывалась новая доменная печь, размером больше всех зданий в поселке. Вытянутое в высоту рабочее пространство горна строилось на крепком фундаменте — лещи. Лещ и стенки горна выкладывали из специальных углеродистых блоков, которые добавляли долговечности печи. Для сохранения целостности рабочего пространства, кирпичные стенки охлаждали водой, через чугунные трубы, проложенные внутри стен в виде змейки. Отдельно через шесть фурн в доменную печь подавали нагретый воздух, для сжигания коксированного угля.

Накапливающийся чугун и шлак, периодически выпускали через отверстие летки. Она располагалась выше уровня леща и состояла из нескольких механических частей, не позволяющих вылиться расплавленному металлу. Для разделения шлака от металла в конце желоба, устанавливали чугунную плиту не доходящую до дна желоба. Когда металл сливали, то шлак оставался на поверхности и отводится в боковой желоб, а чугун разливался в несколько параллельных ковшей. Дальше его разливали в пустотелые заготовки и давали остыть до готовности.

Сегодняшний день стал особым. Вадим с нетерпением стоял у первой стальной заготовки под токарный станок с ножной тягой. Отдельно Вадим следил за качеством стали для сверл по металлу. На токарных станках он планировал методом выдавливания изготавливать нарезные стволы ружей и пистолетов. Такой метод выдерживало только крупнокалиберное оружие, что подходило под современные реалии дульнозарядного вооружения с диаметром стволов в восемнадцать миллиметров.

Вадим подошел к заготовкам сверл и постучал пальцем, прислушиваясь к тонкому звону. Его глаза слабо горели синим, пока он по звуку определял чистоту и качество получившегося сверла.

— Сойдет, — он закатил рукава грубой рабочей рубашки и взялся за инструменты.

До наступления Рождества он планировал изготовить формы для литья и сделать начальный набор инструментов. Кузнецы и оружейники следили за качеством отлитых заготовок и пробовали новые станки в деле. Два удлиненных токарных станка ставили вертикально, чтобы обрабатывать в них крупные детали будущей паровой машины.

***

Пока Вадим модернизировал свое производство в Заводском, как самый ответственный Захарченко следил за отрядом. Они сидели по вечерам в Эльбрусе и играли в карты. Ресторан открылся без помпы, служба скорее отдушиной для своих.

Захарченко качался на стуле и разглядывал пару выпавших в покере тузов, когда в дверь ресторана постучались. Рабочих уже отпустили и к двери пошел Щербатый, как самый дерганый в компании.

— Да подожди ты. Кого там еще на ночь глядя принесло, — открывать он не спешил, сначала взглянул в дверной глазок.

С той стороны стоял суховатый мужичок в простой телогрейке и мял шапку в руках. Подробностей в глазок Щербатый не разглядел, поэтому открыл маленькое оконце для переговоров.

— Тебе чего... отец? — Щербатый неуверенно почесал щетину на щеке.

У мужичка перед дверью сильно впали щеки и глаза, из-за чего точно определить возраст стало невозможно.

— А, а уважаемый Призрак, здесь? — у мужичка хрипел и прыгал от волнения голос.

— А кто спрашивает? — Щербатый через окошко посмотрел, нет ли кого еще у двери.

— Гаврила Фамин, вестимо. Старший в артели. Если я мешаю, то могу позже зайти, — Гаврила отвел глаза, обреченно уставившись на порог.

— Щербатый, кто там? — Захарченко накрыл рукой пару карт и отвлекся от игры.

— Гаврила, ты же по делу? — просипел Щербатый.

— А? Ну да, по делу.

— По делу пришли!

— Так не морозь человека! — Захарченко прикрикнул, чтобы перебить шумную компанию за столом.

Щербатый открыл дверь и пустил строителя, осторожно проверив, чтобы за ним никто не прошмыгнул.

Гаврила потопал ногами, чтобы сбить снег и прищурено осмотрелся. В зале стоял дым от табака, плавающий в приглушенном свете. Терпкий запах смешался с цитрусом. В центре стола стояли перезревшие лимоны.

— А это, что вашблагородие? — строитель показал на вазу с лимонами.

— Для антуражу, — Захарченко развернулся к гостю, игра стихла, — Чем обязан?

Уточнять Призрак ли перед ним, Гаврила не стал, а просто затараторил:

— Барин, мы слышали, что ты человек добрый, не бросишь честного рабочего в беде. Больше мне идти некуда.

— Не брошу, а что у вас за проблема? — Захарченко принял важный вид.

— Да как сказать, — Гаврила пнул валенком угол ковра, — Обижают головорезы проклятые, дышать не дают, голодом мучают.

Он продолжал говорить, перебарывая накопившуюся обиду и стыд.

— Ироды, демоны, антихристы, — Гаврила зажмурился, чтобы не зарыдать.

Захарченко оглянулся на собравшихся. К такому душевному излиянию он оказался не готов.

— Подожди отец, а кто тебе о Призраке рассказал? — Щербатый оказался практичнее и решил вмешаться.

— Да подожди ты, видишь, человеку плохо, — Захарченко зло сверкнул глазами на Щербатого и посадил Гаврилу за стол, — расскажи, кто над вами издевается?

— Главного называют Музыкантом, он то ли филармонию закончил то ли еще что-то. Мы строили театр, когда пришли эти с нашим контрактом. Заявили, что теперь мы работаем на них. Я взбрыкнул, но куда там. Музыкант тогда достал расписки о карточных долгах. После работы многие у нас ходят поиграть, — Гаврила кивнул на стол с картами, — бывает проигрываются, но чтоб настолько. Я-то ладно, но там и сынок мой. Вот нас и держат в черном теле, пока не достроим. К околоточным идти я боюсь, карточное заведение не совсем...

— Легальное? — помог Захарченко.

— Пристойное. Я не уверен, но говорят, что там мужеложцы собираются, — потупившись закончил Гаврила.

— Это чиновники, что ли? — заржал Щербатый, но его заткнули грубые выкрики.

Захарченко сделал вид, что сплевывает через плечо, и спросил:

— А где это место, отец? Может и нам туда сходить, чтобы разогнать нечестивых, так сказать, — Захарченко обратился к товарищам за одобрением но увидел только брезгливость.

— Легче натравить на них церковь, — пожал плечами Алексей.

— Ладно, потом решим, но адресок все равно оставь, — Захарченко встал, — Мы сейчас советоваться будем, подожди на кухне, перекуси, не пообедем.

Гаврила кивнул и скрылся за тяжелой дверью.

— Миша, нужно Вадиму рассказать, — зашептал Щербатый на ухо Захарченко.

— Он занят, а тут маленькая оказия. Вошел и вышел.

— Михаил, ты как хочешь, но если будем собирать народ, то Призраку скажем, — Микола, нахмурился, сев под свет лампы так, чтобы часть его лица закрывала тень.

— Зачем созывать всех? Нас троих хватит, — Захарченко кивнул на Алексея, — Щербатый пока за рестораном проследит, а мы сходим припугнем, и всё.

— Припугнем и всё, — передразнил его Щербатый, — Здесь по порядку нужно. Забьем стрелку, где-нибудь на нейтральной земле. Там и будем говорить.

— Там и буду говорить. Ты свою рожу добрую видел? Ей только бабушек соблазнять, — Захарченко поставил точку в разговоре и крикнул:

— Гаврила.

Из кухни показался начальник артели, жующий сосиску в натуральной оболочке.

— Я жто...

— Да понятно, иди сюда, — Захарченко подманил его поближе, — Решили, точнее решил я, что сначала поговорим с Музыкантом. Передай ему сообщение, что Призрак хочет встретиться на нейтральной земле. Понял?

Гаврила кивнул, усиленно работая челюстями.

— Вот и молодец. Как он выбирает место и время, пусть присылает сюда посыльного.

29 ноября. Свалка за Петроградом.

— Я думаю, они смеются над нами, — Микола натянул на лицо теплый шарф.

— А что? Вполне нейтральненько, если не обращать внимания на запах, — Алексей спрятал замерзшие руки в карманы шубы.

— Еще пять минут и я без всяких переговоров поеду к ним домой, — Захарченко выдохнул облачко белого пара.

Они ждали посреди заснеженных гор мусора. Место выбрали после череды жестких переговоров через посыльных.

Не прошло и пяти минут, как послышался стук копыт, из-за мусорного пригорка выехала карета с тройкой лошадей. Она остановилась в двадцати метрах от Захарченко с компанией. Вышло трое: первым шел высокий худой блондин с шелковым фиолетовым шарфом, он заговорил тонким переливающимся как родниковый ручей голосом:

— С кем имею честь?

— Я от Призрака, — говорил Захарченко, выставив грудь колесом.

— А он сам?

— Занят, чтобы тратить время.

— Ну, ну. А имя у тебя есть, друг от Призрака?

— Михал.

— Я музыкант, и прежде чем ты спросишь: нет, я не пою, — Музыкант поежился от холодного ветра. За его спиной ждали сопровождающие и кучер.

— Музыкант, к нам обратился мирный человек и сказал, что вы их обижаете, — Захарченко не стал уточнять по поводу пения.

— Бывает, но артель Гаврилы наша. Мы приложили силы, чтобы все устроить.

— Ты, наверное, не понял, это наша корова и мы ее доим, — вмешался в разговор Алексей, стучащий зубами.

Микола хотел удержать напарника, но не успел. Алексей дернул замерзшими руками в карманах, отчего сопровождающие музыканта потянулись за оружием.

— Я слышал, что Призрак резок, но так не положено, так дела не делаются! — Музыкант потянул шарф, который неожиданно стал тесноват.

— Мы, значит, ждем, мерзнем, а вы приезжаете и еще грубите! — Алексей шмыгнул покрасневшим носом, он не собирался затыкаться, — это теперь наша корова и мы ее доим, ясно?

Микола схватил Алексея за плечи и зашептал ему на ухо:

— Ты че, дурак? Нас же здесь похоронят!

— Сам дурак, я уже яиц не чувствую, — прошипел в ответ Алексей.

— Но так не принято... — Музыкант быстро вращал глазами, оценивая обстановку.

Михаил, предчувствуя скверное развитие событий, расстегнул пальто, показав рукоять револьвера.

— Миша, я тебя понял. Спокойно, — Музыкант попятился и поднял руки, показывая ладони, — пара чернорабочих не стоит нашей ссоры. Больше у Призрака нет претензий?

— Больше нет, — процедил Михаил и застегнул пальто.

— Тогда прощаемся, — Музыкант поспешил назад в карету, — Я вижу, вы люди занятые, не буду больше отвлекать.

Прежде чем дверь закрылась, Михаил увидел, как музыкант крутит пальцем у виска, делясь впечатлениями со своими подельниками.

Карета быстро удалялась под лай облезлых собак, которые бежали ей вслед и на ходу гадили.

***

— Вадим Борисович, миленький, ну нет у нас больше бумаги, ну не подтираюсь я ей, — жаловался мастер Вадиму, выходя из нового мыльного цеха, — Ну не во что паковать, что я сделать могу?

— Хоть бумажную фабрику открывай, — Вадим остановился закурить, но замер.

По новой шоссейной дороге на главную площадь поселка выезжали груженные повозки с людьми. Они останавливались рядом с возводимой горкой и лавками. С боков от дороги стояли украшенные к Новому году деревянные дома. Весь кирпич пока уходил на здания новых цехов. Первым делом укрепили здание по производству капсулей для оружия и "маленькой" лаборатории рядом с цехом мыловарения. Часть мощностей кирпичного завода пустили на обжиг извести для металлургии и стабилизации различных взрывоопасных веществ.

— Что вы сказали? — спросил мастер. Он фартуком протирал очки от тонкого налета.

— Щелочи хватает?

— Да, Вадим Борисович.

— Ладно, подумаю, что делать с бумагой.

Из остановившихся повозок вылезли крепкие на вид люди. В телогрейках, теплых шапках и с инструментами. Возглавлял аттракцион невиданной щедрости Захарченко, улыбающийся во все зубы. Он подошел, широко раскрыв руки.

— А я с подарками! Ты же говорил, что людей не хватает?

— В чём подвох? — Вадим не купился на раскрасневшееся от мороза лицо капитана.

— Никакого подвоха, — Захарченко перекрестился, — вот те крест. А это глава артели, Гаврила.

Вадиму низко поклонился мужчина с впалыми щеками и большими синяками под глазами. Не успел он открыть рот, как в за цехом мыловарения прогремел взрыв.

На снег падали крупные обломки кирпича и горячей бумаги. Вадим первым пришел к себе и схватил мастера за грудки.

— Где партия?

— Так отгрузили уже, — мастер вертел головой и хлопал глазами, стараясь проморгаться.

— Я не про мыло, — в голосе Вадима появился рык.

— Так, в реке, как вы и приказали.

— Тогда, что мать твою взорвалось? Дурак. — Вадим поднял над землей мастера и швырнул в сугроб. Вадим закричал, привлекая внимание:

— Внимание, берем ведра и тушить! — он побежал за цех мыловарения, там отдельно стояло маленькое здание на берегу реки, вернее, раньше стояло. Вадим подбежал к дымящемуся остову из четырех стен и обвалившейся крыши. Из-под завала шел черный едкий дым с сладковатым запахом химикатов. Навстречу Вадиму вышел рабочий, у него обгорела правая часть тела, волосы тлеющими комьями свисали с покрытой волдырями головы. Лопнувшими губами он прокричал:

— Вашеблогорь, там еще был... — он упал.

Захарченко подбежал к раненому и поднял его со снега.

— Не подходите. Этому врача, — Вадим зашел в дым, под треск горящих перекрытий. Люди засуетились, пока Вадим не вышел испачканный в копоти. На его рабочей одежде тлели дыры и проступала потемневшая кожа. На руках Вадим держал тщедушное тело мальчишки. Его кожа обгорела, покрылась паутиной трещин, а на месте глаза торчала металлическая ложка.

— Господи, Петенька! — мастер по мыловарению упал на колени перед Вадимом, схватившись за мальчика.

— Неси в дом, — Вадим отдал тело и пошел руководить пожарными.

К месту трагедии подтянулся пожарный расчет и дежурные с ведрами. Люди выстраивали цепочку,нося воду от реки вверх на берег.

К Вадиму подбежал Кондрат с револьвером в руке.

— Что случилось?

— Потом. Собери в моем доме всех мастеров, — Вадим отряхнул с волос сажу и пошел к себе в усадьбу, хрустя снегом.

В кабинете слабо светили зажженные свечи. Мастера столпились вокруг длинного стола. Вадим молча отдирает с себя куски рубашки, пока бледный как смерть Уманский отчитывался:

— Пострадало двое: сын Васильича — Петя и старший Максим, — Уманский как рыба на суше хватал ртом воздух, — Васильич учил сына своему мастерству, вот парень и оказался в цеху.

— Это был не цех мыловарения, — Вадим изобразил, что морщится от боли, пока бинтовал потемневшие участки кожи.

— Верно, но точно не знаю, наверное, Васильич расскажет, — неуверенно закончил мастер.

— А должен знать! — Вадим кулаком ударил по столу, разбив графин.

— Каюсь! Должен! Но не смог, не уследил. Работы много, рук мало! — Уманский упал на колени. Мастера скинули шапки и повторли за ним, умоляя:

— Не сердчай, барин! Ну не хотели! Не знали.

— Не знали они. А я теперь детоубийца? Как мне потом мальчику на небесах в глаза смотреть? — Вадим показал пальцем в потолок.

Пока мастера крестились, Уманский поднял голову:

— Нет твоей вины, вот придет в себя Максим, так узнаем, что недоросль там сделал такого.

— Если, выживет Максим, — Вадим закончил перевязывать себя и натянул новую рубашку, — Первое! Донесите в поселке до каждой несчастной души, что у нас случился пожар. Это ясно? — не дождавшись ответа Вадим продолжил, — Второе. Весь сор и мусор с улиц собрать, скоро праздник.

— Так, горе же такое, траур! — неуверенно возразил один из мастеров.

— По вашему мы тут спины надрываем, чтобы нас останавливала каждая ошибка? — Вадим обошел стол и остановился перед говорившим, — мальчик умер на рабочем месте, рядом с товарищем по делу. Так что теперь? Все пустим по ветру? Он для этого работал?

— Но так не принято, — мастер нашел в себе силы возразить.

— Конечно, не принято, поэтому я закажу поминки в Петербурге, устроим выходной в селе.

— А если это знак? Знак, что мы не по-божески, здесь живем? — вопрос высказал вошедший Федор Васильев с заплаканными глазами. На руках у него остались следы сажи.

— Ты говори, да не заговаривайся! Ты бы еще остальных детей притащил, чтобы вас юродивых разом там похоронило, — Вадим яростно подскочил и добавил в голос гнева, — Что урод? Думаешь особенный? Сказано: никаких детей!

— Да Ванечка уже совсем взрослый... был, — Федор Васильевич сник. Из него как воздух выпустили.

— Разсусюкался я с вами. Распустил. Думаете, раз плетей не даю, то дурить можно? — Вадим расплылся, плюясь слюной.

В дверь кабинета постучали.

— Кто?

— Там это, — в комнату заглянула пожилая гувернантка, — люди говорят, что еще одного нашли. Вроде живой.

— Кто? — Вадим нехорошо так оскалился.

— Да Манька нашла, пока воду на пожарище таскала, а там лежит пришибленный, — гувернантка замолкла под испепеляющим взглядом, — Но живой.

— Кого нашли?!

— Юрку, сына Васильича, — она кивнула на мастера мыловарения.

— Удушю.

Мастера бросились к Вадиму.

— Вадим Борисович, миленький, тебе к врачу нужно, вон как обгорел! Все сделаем! Все поняли! — Уманский обхватил Вадима за талию, толкая к двери. Семь человек не могли сдвинуть его с места, пока он не кивнул и вышел.

Стоило закрыться двери кабинета, как маску ярости сдуло с бледного лица Вадима. Он покрутил головой, хрустя шейей. Взял тулуп и вышел на улицу.

Во дворе дома Федора Васильевича, стоял женский плач. Женщины стояли у дверей дома, пока местный врач осматривал выжившего мальчика.

Вадим постучался в ворота крепкого деревянного забора.

— Подожди! Ты куда? — к дому подбежал запыхавшийся Михаил.

— Еще парня нашли, проверю как он.

— Там сани есть. Можно в город мальчика свозить.

— Хорошо, — Вадим помедлил заходить, — и спасибо.

Из дома вышел бородатый мужчина в поздних годах. Его седые волосы блестели от пота.

— Вы отец? — поинтересовался доктор у Вадима.

— Нет, землевладелец. Как мальчик?

— Тяжело.

— Рабочий?

— Хуже.

— Может, их в город?

— Не поможет. Отдых и опека. Я пропишу лекарства, чтобы было легче, — он поднял саквояж и достал записную книжку, на которой карандашом черкнул рецепт.

— Художественная? — Вадим пощупал пористый листок с рецептом.

— Да, для гуаши, — удивился доктор, — Рисуете?

— Нет, думаю, где купить. Спасибо вам, — Вадим словно опомнился и проводил доктора до кареты. Вадим же уезжать не спешил, ожидая гостей.

***

— И дня не прошло, — Вадим стоял на крыльце усадьбы и смотрел на циферблат часов. По главной дороге Заводского ехала карета запряженная четырьмя лошадьми. Она остановилась перед двором и на улицу вышел майор Местечкин от жандармерии. Он нес кожаный портфель, проходя по расчищенной от снега дорожке.

— Что же вы, любезный, на улице ждете? Простудитесь, — майор блистал хорошим настроением.

— И вам доброго утра, проходите, — Вадим стоял у крыльца в легком халате, чтобы проглядывали бинты. Он отошел в сторону, пропуская майора.

— Я взял на себя смелость подготовить нам легкий перекус. Не откажетесь? — Вадим показал на стол с коньячком и соленостями.

— О! Это можно-с, — Алексей Игнатьевич хрустнул малосольным огурчиком.

Вадим разлил коньяк по охлажденным рюмкам.

— Будем!

— Будем! — майор закрыл глаза от блаженства.

— Попробуйте морковку, очень вкусная, — Вадим пододвинул тарелку с морковкой по-корейски, — Меня честно говоря беспокоит один вопрос.

— М? — Алексей Игнатьевич оценил морковку и теперь не хотел отпускать от себя тарелку.

— Почему вас послали заниматься такой бытовой мелочью, как пожар?

— Пожар? — майор переживал, — Ну, позвольте.

Он полез в портфель, но остановился, посмотрев на грязные руки. Вадим протянул полотенце, придя на помощь.

— Благодарю. Видите ли Вадим Борисович, на пожары я действительно не езжу, но мне

сказали, даже написали, что у вас был взрыв.

— Взрыв? — Вадим задумчиво надел пенсне, — Позвольте?

Майор протянул записку.

— Я в растерянности, сам вчера достал человека из огня, а сегодня приезжаете вы и говорите, что я там чуть ли не взорвался, — Вадим показал на перебинтованные раны под халатом.

— Ну не совсем так, сначала был взрыв, а потом пожар, — Алексей Игнатьевич нацепил на вилку соленый грибочек с луком.

— Нет, ну грохот был, я же не спорю. Такое, конечно, бывает, когда кирпичное здание рушится от пожара. Но чему там взрываться? Не мылу же, в самом деле.

— Как это мылу? У вас же есть оружейный заводик, — майор отложил надкусанный гриб.

— А что оружейный завод? Да и мастерская пока, а не завод. Там с техникой безопасности строго, — Вадим, кажется, понял, какой след привел жандарма.

— Техникой безопасности?

— Конечно, порох мы не производим, только ружья и пистолеты. Порох покупаем, все поставки записаны.

— А я могу посмотреть на записи? И запасы.

— Конечно, — Вадим предложил еще коньяку, подняв бутылку.

— Можно, — в голосе Алексея Игнатьевича исчезла радость.

Вадим оделся потеплее, и они пошли смотреть место трагедии. Майор долго ходил вокруг развалившегося цеха, нюхал стены, даже попробовал на вкус сажу. Они успели дойти до оружейного цеха, заглянуть на склад для пороха, посмотреть записи учета.

— Хотите с рабочими поговорить? — Вадим закурил, пока майор крутился на морозе.

— Нет, я поеду. Пора, — он развел руками и поспешил к карете.

— Может, на обед останетесь?

— Нет-нет, спасибо Вадим, — Алексей Игнатьевич залез в карету, покраснев от мороза.

— В этот раз без писем?

Майор хлопнул дверью, и карета тронулась.

— Скатертью дорожка, — Вадим пошел в усадьбу, где за столом уже сидел Захарченко и дул на тарелку с щами.

— Ты вовремя.

— Фу, щи. Я лучше что-нибудь... — Вадим потер руки, ища на столе выпечку.

— Сказали, чтобы ты нормально поел, не сухомятку, — Михаил помогал себе корочкой черного хлеба, натертой чесноком, — и что он хотел?

— Лучше, чем я предполагал. Прицепился как клещ.

— Угу, — Михаил налил себе морса из графина.

— Завтра поедешь в город, проследишь, чтобы все сидели тихо, мне сейчас проблемы не нужны, а я пока с твоими строителями пообщаюсь. Ясно?

Михаил подавился, Вадим поднялся, чтобы постучать товарища по спине, но Михаил отпрыгнул от него как от огня.

— Я все, хм, нормально.

— Ну, ну, — Вадим закурил пирожком и открыл свежую Таймз, которая пахла чернилами.

В статье журналист описывал успешный поход доблестной Британии, против ужасной

Империи Цин, которая вела нечестную торговлю, закрывая свой рынок от "благ цивилизации".

— Молодцы, — Вадим выписывал все доступные газеты: французские, английские, прусские, австрийские.

***

Карета подъехала к зданию в центре Петербурга, которое люди старались обходить по противоположной дороге. Майор Местечкин с портфелем в руках прошел через парадную на третий этаж. В кабинете с мраморными колоннами его ждал генерал Щедрин. Афанасий Дмитриевич Щедрин работал в третьем отделении и курировал вопросы жандармерии и правопорядка в столице. Исполнительная власть. Он перешагнул шестой десяток, но совершенно не растерял грозного вида сведенных домиком густых бровей над серыми глазами.

— Алексей Игнатъевич, вижу, вы один, — генерал открыл табакерку, где держал соленый арахис.

— Один, — майор не дождался приглашения сесть, поэтому стоял у тяжелого мраморного стола, — Наводка оказалась ложной.

— Ложной?

— Пожар, никакого взрыва, никакой артиллерии или чего-то подобного.

— Алексей Игнатъевич, тебе не надоело? — Афанасий Дмитриевич облизнул большой палец, испачканный в соли, — В городе угоняют корабль, устраивают перестрелку с десятком жертв, а ты за дворянином бегаешь, вынюхиваешь.

— Так, от надежного источника следует, что этот дворянин и чудит. Ладно, если бы только он так писал, так поступают еще "записки".

— "Записки", — генерал наклонился вбок, спина устала после целого дня за рабочим столом, — записки не только тебе пишут. Преступная прослойка бурлит! Завелся новый делец, который не работает по правилам, а режет конкурентов. А ты мне "записки". У тебя подчиненных нет? Они не могут мотаться смотреть на пожары? Или работы мало? Здесь государь изволил пожелать, чтобы на стол ему положили перечень общественных празднований. Кого на них отправим и что сделаем, для борьбы с преступностью. Беспокойся государь, что в столице последнее время разбушевались. Свободен.

Генерал повернулся к окну, потеряв интерес к собеседнику.

— Понял, исправлюсь.

Майор шел по улице и про себя думал: из какой вшивой собаки появился прыщ на лице государственной бюрократии — Александр Жидиков, который сидел за столом у окна в харчевне и обнюхивал штрудель.

— Ну я тебе сейчас этот штрудель в душу затолкаю, — с этими словами Алексей Игнатъевич зашел в светлый зал харчевни.

Внутри пахло кислым пивом и жареными немецкими сосисками. Владелец скорее всего, был прусаком, точно Алексей Игнатъевич не помнил.

— Ну здравствуй, попугай-Какаду, — майор сел напротив Жидикова.

— А кто это?

— Птица такая. В Африке живет.

Жидиков тяжело моргнул водянистыми глазами.

— Ты мне вот что скажи, дорогой, — майор открыл портфель и положил на стол записку от соглядатая, — твой человек слепой или его в детстве роняли? Ведь если он

слепой, то я не пожалееу времени и свожу его к лучшему врачу в городе. Если же его роняли, то заведу дело на родителей, за жестокое обращение с чадами.

— Алексей Игнатъевич, да вы что! — Жидиков надул щеки, его лицо пошло пятнами.

— А ну, не ори, — майор каблуком наступил ему на ногу, — не дома. И дома не ори, вдруг слушаем.

— Слушаете? — сквозь слезы спросил Жидиков.

— Ты балабол, почто меня дернул? Приехал я в это Заводское, так там кирпичный сарай обвалился. Вадимка твой обгорел пока рабочего вытаскивал.

— Дивы дивные. Я ведь Сашу туда отправил, учет вести. Он у меня учеником подрабатывал, — Жидиков почесал в затылке.

— Я вас с этим Сашей в Сибирь отправлю.

— Ну что ты, что ты! — Жидиков поднял руки, — Прежде чем ты сделаешь неверные выводы и примешь ошибочные решения, Я нашел живого свидетеля. Известный человек, в узких криминальных кругах.

— Пьянь какая-нибудь?

— Нет, нет, дорогой Алексей Игнатъевич. Вы должны были слышать о таком человеке, как Седой? — Жидиков занял выжидательную позицию, пока Местечкин переваривал услышанное.

— Допустим.

— Так вот, я его нашел! Это у него угнали корабль, который потом вступил в бой с Петропавловской.

Сказать, что майор, который сам выпустил Седого из клетки, был удивлен — это ничего не сказать. Жидиков же продолжил тараторить.

— А до этого у Седого ограбили несколько ломбардов, которыми он тайно владел. У меня, если признаться там тоже была доля... — Жидиков застенчиво и заискивающе состроил майору глазки.

— Продолжай, — Алексей Игнатъевич, повернулся к владельцу кабака и крикнул: — Водки сюда!

Он расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике, а то уже в глазах потемнело.

— Так нечего больше продолжать. Седой хотел из России бежать и взял у своих дружков торговцев корабль британский, — скортавил Жидиков, — вот на причале, так сказать за портки его и поймал этот Вадим. Седой сбежал, прячется, но я знаю где он!

— И я знаю, где Седой, — майор налил себе принесенной водки и запрокинул, не закусывая, — То же мне тайна, для “нас”.

Жидиков так расстроился, что не во всем смог угодить, что аж посерел лицом, но быстро воспрял нащупав вдохновение.

— Давайте Седой даст показания, и мы схватим этого Вадима.

— Если он даст показания, то “мы” схватим не только Вадима. Нет, тут нужно тоньше. Вадим, наверное, всех на корабле перебил, думает, что не оставил свидетелей, — на свежую голову начал рассуждать майор, — а мы знаем и можем написать ему письмецо, такое, чтобы он от нас не ушел.

— И денег, чтоб еще платил! — Жидиков от радости пискнул.

— И чтоб платил, только с Седым поговорим, вдруг он тоже надумает написать письмецо.

***

На цокольном этаже одного знатного дома играла озорная музыка. В большом зале стояли игральные столы под блеклым освещением свечей, которые создавали в игорном клубе атмосферу таинственности и азарта. Здесь собирались люди разных интересов: с игроками соседствовали выпивохи и любители продажной любви, иногда мужской продажной любви.

— Чтоб меня черти забрали, — Местечкин потер переносицу мозолистыми пальцами.

Они с Жидиковым стояли у тайного входа в игорное заведение и ждали, когда их пустят внутрь. Местечкин переоделся в свой гражданский сюртук и оставил дома кожаный портфель. Скрипнул засов, дверь открылась. В лицо майору дунул запах турецкого кальяна и благовоний. У входа стоял франт с задранными до неба бровями.

— Мы по делу, — Местечкин и Жидиков прошли в зал, толкнув опознавшего майора франта.

В центре стояли игорные столы для покера, двадцати одного, фараон, мушка, в общем, карты на любой вкус. В глубине зала места разделялись на приватные комнаты с занавесками. Там клиенты могли приватно пообщаться, выпить или пригласить танцовщицу. В одной из таких комнат и сидел Седой в компании хозяина заведения — Музыканта. Седой сложил ноги по-турецки на большой шелковой подушке. Он сидел в кожаной куртке с заплатками и стоптанными сапогами. Музыкант же курил кальян, расстегнув фрак и убеждая Седого в чем-то.

— Не помешаем? — Местечкин брезгливо скривился от вида телохранителя музыканта с покрашенными помадой губами.

— Что же вы так кривитесь, уважаемый правоинспектр? — спросил на французском Музыкант.

— Не люблю, эм, пестрое общество.

— Ну что же вы так. Меня всегда привлекала ваша синяя форма, — Музыкант указал майору на свободный стул. Жидикова он в упор игнорировал.

— Тогда приходите к нам, проведу экскурсию, — Местечкин достал платок и протер стул, прежде чем сесть.

— Нет, лучше вы к нам, — Музыкант улыбнулся, показав зубы, — Какое у вас дело?

— Мои дела связаны с, — Местечкин недоговорил, кивнув Седому, — И одним очень активным месье.

— Господа, давайте по-русски, я не успеваю, — пожаловался Седой и почесал ногу через дырку в подошве сапога.

— Ох, мой друг, где твои манеры? — Музыкант с досадой от поведения Седого затыкнулся кальяном, — А "активный месье" случаем не связан с рестораном Семен Семеныча и известным ателье?

Местечкин соорудил серьезное лицо мыслителя.

— Связан! — не выдержал молчания Жидиков. Майор только устало опустил брови и провел ладонью по лицу.

— Пока вы нас не прервали, мы с месье Седым, — Музыкант мундштуком указал на Седого, — обсуждали, как было бы хорошо, если бы столичная полиция или жандармерия поставила его на место.

— Жандармерия занята праздниками, — Местечкин достал из карману трубку и мешочек с табаком, — А что на счет местной публики?

Майор спрашивал как бы невзначай, развязывая шнурки на мешочке с табаком.

— “Посчастливилось” мне встретиться с его людьми по одному вопросу, — тихо, как заговорщик начал Музыкант, — звери, а не люди. Я, конечно, понимаю, что он новый человек и показывает себя, но так не принято, старшие в бешенстве.

— Мы как приехали на переговоры, они давай сразу бочку катить, один у них вообще пришибленный: за стволы в карманах схватился и начал что-то про корову говорить, — встрял в разговор телохранитель Музыканта.

— Луи, давай потом будешь нить?

— Прости, Музыкант.

Жидиков откровенно заскучал, поэтому озирался по залу, разглядывая посетителей.

— Я честно не понимаю, почему мы тратим столько сил, на недостойное дело? — подал голос Седой и почесал шрамы от пуль на груди.

— Я тебя не узнаю. Раньше ты бы любому в горло вцепился, как этот, — Местечкин пощелкал пальцами, — как английский бульдог.

— Переоценка ценностей, — пожал плечами Седой.

— Пуля способна многое перемешать в голове, — заметил Жидиков и вцепился взглядом в курсирующую между игорных столов афициантку с кожей цвета кофейных зерен. Она низко наклонилась, расставляя выпивку игрокам, показывая глубокий вырез в декольте корсета. — Черненькая...

— Нравится? — Музыкант выпустил колечко дыма.

Жидиков сглотнул и поджал губы, прежде чем ответить:

— Наверное, дорого берет.

— Подарок.

— Вы сама щедрость! Не то что некоторые, — Жидиков многозначительно прищурился в сторону майора и поспешил за официанткой.

— Балуете вы его, — майор потянулся и взял со стола кусочек сыра с плесенью, — и как сильно недовольны старшие?

— Крайне, — Музыкант затаился, и в кальяне зашумели пузырьки.

— Так, может, поможем? Додавим, так сказать?

— Дорогой Алексей Игнатьевич, а вы точно жандарм? — Музыкант улыбнулся и пересел к майору поближе.

Алексей Игнатьевич улыбнулся и как схватил француза за шею.

— Ты знаешь, щенок, сколько я голов поносил в двенадцатом? Я таких, как ты на завтрак ел и кровью поляков запивал, — губы Местечкина дрожали от предвкушения, ох и заржавел он в третьем разделе.

— Спокойно, спокойно, — Музыкант жестом остановил телохранителя и убрал руку майора с шеи, — я ничего такого не имел в виду, просто у вас хорошо получается.

— Господа, зачем ругаться? В Китае есть мудрость: мудрец сядет на берегу и дождетя, пока по ней проплывет его враг. Ну или как-то так, — Седой почесал второй подбородок. Вообще, в этой одежде тело сильно чесалось.

— Ну хорошо, послушаем нашего философа, — Алексей Игнатьевич встал из-за стола, — и поменьше пойте свою эту марсельезу, государь не любит, а мне в каждом третьем донесении об этой дыре пишут.

— Хорошо, буду писать в каждом втором, что к нам ходит Алексей Игнатьевич, — Музыкант на прощание послал воздушный поцелуй, от которого майора аж заклинило, и он чуть не сбил с ног посетителя.

20 Декабря 1840 года

В цеху стоял жар. Вадим гладил новый фрезерный станок, проверял качество сверл. Сверла обходились дороже всего, ведь их приходилось делать из новой стали, рецепт которой Вадим пока прятал. Купленные сверла уже стояли, где хватило. На рабочем столе станка лежала шестерня для будущей передачи. Завод готовился перейти от водяного колеса к следующему шагу, вот только таких шерстяней нужны были сотни.

— Вадим Борисович, вам письмо, — в цех зашел Уманов.

Мастера старались не отвлекать Вадима от работы, сами познавая новые станки.

— Хорошо, спасибо, — Вадим повесил на вешалку очки на кожаном ремне, фартук и перчатки. Остальным приходилось носить еще марлевые маски, чтобы не дышать металлической пылью.

На улице сияло зимнее солнце, слеп отблеском от аккуратных горок снега. Вадим размял шею, надевая шубу. Уманский шурился, молча ожидая с письмом.

— Какой сегодня день?

— Двадцатое, вашблогородие, — мастер шмыгнул красным носом, — Заходила ваша сиделка, звала на обед.

— Потом, — Вадим надел пенсне и взял письмо.

Ефим просил его срочно вернуться домой. Это, если коротко, а если подробно то Вадим пугает всех своим затворничеством в Заводском. Гертруда приходила несколько раз жаловаться.

— Да, да, старый, жаловаться она к тебе приходила, — Вадим убрал конверт и пошел к усадьбе.

Строители закончили с новыми цехами и переключились на украшения поселка. Теперь главная дорога заканчивалась сказочной деревней из льда, которую пока закрывал высокий забор. Рядом с заводскими складами выстроили павильоны для ярмарки и два новых гостинных дома. Пока из дерева, но уже летом начнется закладка из кирпича.

Вадим не стал обедать, отправившись сразу в столицу, раз уж Ефим решил написать своим корявым почерком, то дело срочное. Сани бойко шли по заснеженному шоссе, обгоняя пару груженных новым товаром экипажей. Каждый день из поселка уходили готовые ткани, мебель, мыльные принадлежности и новая продукция металлургического цеха. Основной упор делали на товары быта: чугунные сковороды, печки-”буржуйки”, котелки, кастрюли и подобное. Новые печки сразу понравились народу в Заводском, который устал топить по черному или не мог позволить себе поставить кирпичную печь, хотя хорошие зарплаты сильно меняли быт рабочих.

Сани въехали в Петербург. Город ветров и офицеров кипел от жизни. По улицам носились сани и кареты, пока пешеходы спешили, прикрываясь от снега.

Около снятого Вадимом дома стояло три экипажа.

— Гости, — Вадим поднялся по лестнице и остановился у самой двери. Из квартиры шел смех, и громкие голоса что-то весело обсуждали. Вадим застыл у двери и оскалился. Ему пришла отличная идея и он спустился, чтобы вернуться через час, но уже в другом облике.

В зале на большом диване сидели Аня и Максим, шумный балабол Василий с чашкой

кофе в руке жестикулировал на кресле с высокой спинкой. Ефим сидел и молча терпел, как его незаметно для молодежи щипала Гертруда. В дверь постучали. Ефим вскочил, крихтя, и пошел открывать.

— Сейчас, сейчас, — Ефим снял шпингалет и отшатнулся.

В коридор зашел Вадим в вывернутой овчиной наизнанку шубе и с ватной бородой на лице. Он держал красный мешок.

— О-хо-хо, молодые и старые, красивые и не очень, больные и здоровые, — Вадим обнял Ефима и зашел с ним в зал, — худые, и уважаемый Максим, приветствуйте святого Николаса!

— В тебе ничего святого, — Максим закашлялся кусочком сахара.

— А кто не очень? — Аня хлопала глазами.

— Аннет, подождите, сначала выясним кто здесь старые, — Гертруда погрозила Вадиму пальцем.

— Святой Николай любит всех одинаково, — Вадим сел на стул и поставил мешок у ног, — и каждому вручит заслуженный подарок!

— И какой же это подарок, если его ещё и заслужить нужно, — Анна театрально надула щеки.

Вадим похлопал по коленке.

— Расскажи стишок, порадуй старого!

Вадиму пришлось увернуться от полетевшей в него подушки.

— "Святой" Николай у вас в боку нет колющей боли? — осведомилась Гертруда и полезла в сумку.

— Нет, — Вадим от удивления аж бороду зажевал.

— А теперь? — Гертруда вонзила длинную шпильку для шитья в тряпичную куколку в пиджаке из фиолетового шелка.

— Ай! — дернулся Вадим и схватился за спину, — Помогите! Хулиганы зрения лишают! Черная магия!

По залу прошелся раскатистый смех.

— Ладно, посмеялись и хватит, — Вадим осторожно забрал куклу у Гертруды и спрятал в своем мешке, — Раз никто не хочет рассказывать стихи, то добрый дедушка отнесет подарки в другое место.

Вадим привстал, но его остановил глухой голос Максима.

— Любые стихи?

— Только не матерные. Их я под елкой буду кричать.

Гертруда ударила "святого" сумочкой по руке и добавила строгости в голос.

— Вадим.

— Ладно, можете рассказывать с матами.

Максим улыбнулся и рассказал Пушкина, за что получил деревянную шкатулку с выжженным двуглавым орлом на крышке.

— Это что у тебя там? — Василий вытянул шею, пытаясь разглядеть содержимое.

— Подарок, — Максим хлопнул крышку и забарабанил по ней пальцами.

— Ну и ладно, — Василий прочистил горло, чтобы запеть на французском либберету Берлиоза: — *Une heure encore et ma belle maotresse...*

— Собрались любители французской оперы, — фыркнула Гертруда.

— Мадмуазель, просто от прусской Царь и плотник меня бросает в сон.

Гертруда театралью покачала головой, громко вздыхая. Ефим подсел рядом и погладил ее по руке.

Вадим закричал и вручил Василию коробку с розовым бантом.

— Э, здесь какая-то ошибка, — Василий покосился на Анну, — на ярлыке написано: "самой красивой".

— Ну Санта не знает же как зовут твою красивую, — хохотнул в бороду Вадим.

Василий сверкнул глазами и аккуратно поставил подарок рядом. Следующей выступила Анна с детской французской песенкой, модной у нянечек. За что получила фиолетовый билет.

— И что мне с ним делать? — Анна прочла на билете название ателье.

— Прийти и получить подарок, конечно. Уверен, что госпожа Гертруда уделит вечер, — Вадим ущипнул ватную бороду.

Анна с вопросом повернулась к Гертруде.

— Милая моя, у нас такая очередь, что Вадим предложил разыграть несколько мест в эту, как ее, лотерею, — Гертруда припомнила название на французском, — Сначала хотели продавать билеты по рублю, но народу пришло столько, что пришлось объявлять по десять. Вадим сразу сказал, что все деньги с лотереи пустит на строительство храма и школы в Заводском. К тебе еще не приходили?

— Нет, наверное, ждут, чтобы узнать, сколько людей приняло участие, — Вадим захохотал, — чтобы потом предъявить, так сказать, счет.

В Вадима полетело уже две подушки, он пригнулся как мог, но перекрестный огонь задел его метким попаданием в трясущийся от смеха надувной живот.

Гертруда рассказала детский стишок на немецком, только, кроме Вадима его никто не понял. За него она получила маленькую коробочку, размером с женский кулачок.

— Вечно вы свои шпучки вытворяете, — посмеялась она, после того как проверила, что внутри.

Анна вопросительно подняла бровь, но Вадим только перекрестился.

— Ну, остался последний проказник, долго ли дедушка Николас будет ждать? — Вадим обратился к Ефиму.

— Кхе, ну значит: Где же ваши жены? Наши жёны — ружья заряжены, вот где наши жёны. Все дальше не помню, давно уже это было, — Ефим утер испарину.

— Держи, — Вадим протянул ему белую баночку с наклеенной бумажкой.

— Нитро-глицерин, — Ефим прочел, оттянув око левого глаза. Так-то он умел читать не по слогам, но слово попало заковыристое.

— Это лекарство, когда в висках стучит. Я потом объясню. Эх, — Вадим поднялся, — Ну что же дети дорогие, поздравил я вас, теперь пойду поздравлять остальных.

С этими словами он вышел из квартиры и вернулся минут через десять без грима, но усердно изображая, что устал и торопился.

— Ух, как же я рад вас видеть! — Вадим подбежал к Максиму, пожал ему руку, Василию, Ефиму, чмокнул Аню и поклонился Гертруде, — Мне сказали, что ко мне приходил святой Николас с целым мешком подарков, а где же он? Где подарки?

Вадим растерянно заглянул под стол, под общих хохот.

— О дорогой друг, возможно, это осталось для тебя, — Василий протянул подарочную коробку с лентой и надписью: "Для самой красивой".

— Ха, Ха! — Вадим похлопал и сел в круг со всеми, — Так соскучился по вам.

Их отвлекла прислуга, накрыли ужин и позвали всех к столу. Вадим задержался с Анной наедине, приобнял ее за талию.

— Ты останешься у меня?

— Нет, отец мне уже снял квартиру, он из Оренбурга то меня отпускать не хотел: "Негоже молодым барышням по всяким болотам мотаться".

— И как же ты его уговорила?

— Дала почитать одну статью о "человеке, что принес в столицу фиолетовую лихорадку." Как-то так. Он впечатлился.

— Ого. А раньше нос от меня воротил.

— Ну это тебе не по степям бандитов гонять.

— Шалости, теперь я гоняю бандитов по подворотням.

— Конечно, конечно, — Анна посмеялась и протянула записку с адресом съемной квартиры, — Надеюсь, что ты устроишь мне экскурсию по городу.

— Конечно, — Вадим поцеловал ее и повел на ужин.

***

После ужина к Вадиму подошла Гертруда.

— Есть одно дело...

— Закончилось место на складах? Так осталось всего пара дней.

— Нет, ты как, то поручал одно дело Ханне, помнишь?

— Конечно, я давал ей обещание.

— Ну так обещания нужно держать, — в голосе Гертруды появилась злость, — Девушку недолюбливают в коллективе, она терпит, но уже на грани.

— Хорошо, я разберусь, — кивнул Вадим.

В гости к портной он поехал утром на следующий день. Девушка жила в Петербургских трущобах. Нагромождении красивых бараков, где ютились семьи младших офицеров. Люди топили снег в узком дворике, чтобы приготовить завтрак перед работой. Вадим шел один, огибая шумных детей, которые лепили снежную бабу. В душном подъезде стоял пар, а на лестничных пролетах было не пройти от развешанных вещей. Мимо Вадима пронеслась женщина с накрытым полотенцем подносом.

— Простите, а где семья Воловичей? — Вадим остановил ее.

— Что надо? — женщина с завязанными под косынкой волосами внимательно осмотрела гостя общежития, — Ой, мужчина. Простите, вашблагородие. Кого надо то?

— Воловичи.

— Аа, портниха с инвалидом. Да знаю, они на верхнем этаже. Муж вообще никуда не ходит, дома сидит, — женщина коверкала слова, ставя ударение на последние гласные, — А может, вам, кого другого надо?

— Нет, спасибо, — Вадим проигнорировал, как она кокетливо убрала неаккуратную прядь с широкого лба.

— Ну, как хочешь.

Ступени под ногами жалобно скрипели, пока Вадим поднимался на пятый этаж.

— Ага, выйдешь здесь, — Вадим держался за перила, которые сильно шатались и норовили отвалиться, — И здоровый человек хрен пройдет.

Вадим остановился у единственной закрытой двери и постучал.

— Мы уже заплатили, уходите, — с той стороны раздался приглушенный женский голос.

— Откройте, я не от хозяйки.

— Вам мы тоже уже платили.

— Да я не за деньгами.

— Правильно, их-то у нас нет. А другого не предоставляем.

— Ханна, это Вадим, владелец ателье.

— Сразу бы так и сказали, — Ханна приоткрыла дверь, которая с той стороны держалась на цепочке. В щель смотрела женщина с собранной прической в аккуратном платье, но с большими синяками под красными глазами.

— Доброго утра.

— Если вы по поводу моего отсутствия, то могли и послать. Зачем вам самому приходиться?

— Хотел посмотреть, как вы живете, — Вадим сухо улыбнулся, и ему открыли дверь, — или существуете.

— Пожалуйста, проходите, вы уже завтракали? Я приготовила перловку...

— Все хорошо, спасибо, — Вадим прошел в небольшую комнату с одинокой кроватью, потертым столом и настороженным мужчиной за тарелкой дымящейся каши. Выглядел он лет на сорок, бритое лицо, короткие волосы ежиком.

— Простите, что помешал завтраку, меня зовут Вадим Борисович, — Вадим протянул руку поздороваться.

— Дмитрий, — муж Ханы ответил крепким рукопожатием и слабым кивком. Левую, иссохшую руку, он держал прижатой к груди.

— Госпожа Гертруда сказала, что вы отсутствуете несколько дней, — Вадим спокойно выдержал колючий взгляд Дмитрия.

— Нездоровится.

— Понимаю, старое здание, — Вадим поскреб ногтем по облезлой стене.

— Я боевой ветеран! Это моя комната по заслугам, — Дмитрий ударил кулаком по столу.

— Как вы себя чувствуете? — Вадим обратился к Ханне, игнорируя разозленного мужа, — Я спрашиваю потому, что у меня для вас есть новое место. С квартирой на две комнаты, кухней и ванной.

Ханна так и застыла у стола. У нее перехватило дыхание. Она еще не поверила услышанному.

— Через два дня пройдет торжественное открытие моего торгового дома в центре города, мне нужен смотритель на ночь. Сторожей хватает, но не селить же их всех там. Правда есть одно но, — Вадим сделал паузу, оценивая реакцию, — На работу нужно прийти уже вчера. Переедете, как сможете, я не тороплю, но магазины должны быть готовы к Рождеству.

— Ханну смотрителем? — только и смог из себя выдавить остывший Дмитрий.

— Мне вас порекомендовала Гертруда, как очень ответственную и способную сотрудницу, — Вадим выделил Гертруду, чтобы не смущать Ханну.

— Да, да, конечно, — она поняла и закивала.

— Если у вас есть время, то я могу вас подвезти прямо сейчас. Вы же согласны?

— Конечно, согласна.

— Но дорогая, — Дмитрий оказался не столь уверенным и сухо кашлянул.

— Дмитрий, если так не доверяете, думаете, что я вашу жену украду, то отправляйтесь с

нами. Я буду ждать у выхода из квартала, — Вадим достал из внутреннего кармана фрака конверт и положил на стол, — Это аванс, остальное получите после праздников.

Он ушел, чтобы не смущать супругов. Им нужно было обсудить предложение, но что можно обсуждать, если на столе лежит пятьдесят рублей. И это только аванс. Вадим стоял у кареты и курил, когда из бедного квартала трущоб вышла Ханна под руку с Дмитрием. Дмитрий правой рукой опирался на клюку и при ходьбе волочил левую ногу.

— Мне говорили, что вы больны на обе ноги, — Вадим пальцем потушил трубку.

— Нет, на левую сторону: рука, нога и немного горло, — уточнил Дмитрий.

— Давайте помогу, — Вадим подал руку, чтобы помочь подняться ему в карету.

— Я сам, спасибо.

Ханна извиняющиеся пожала плечами, помогая мужу.

Вадим сел последним, расстегнув шубу, чтобы показать рукоять револьвера в кобуре.

Дмитрий заметил, но промолчал.

Они ехали долго. Из-за обильного снега на улицах образовались пробки из саней и экипажей. Карета остановилась у главного входа, над которым красовалась вывеска: "Вестник". Строители облагородили старое здание, сделав новые окна-витрины на первом этаже.

— Странное название для лавки, — Дмитрий поднялся по лестнице.

— Это не просто лавка, я выкупил все здание и постепенно заполню его магазинами. К Рождеству мы откроем отдел одежды, охоты и быта.

Вадим устроил небольшую экскурсию по своему торговому дому, где на месте старых квартир обустроивали торговые залы. На цокольном этаже теперь находились склады с товаром и новый тир под охотничьим магазином. Стены тира выложили пробкой, чтобы приглушить звуки стрельбы. Да шум оставался, но так покупатели могли опробовать купленное оружие или потренироваться.

— Во внутреннем дворике у нас ресторан Эльбрус, обед для работников бесплатный, — Вадим показал обновленный ресторан в окно, — Я люблю у них рыбные блюда, но большинство берет грузинскую кухню.

Они поднялись на второй этаж.

— Здесь пока не открытые магазины и ваша квартира, — Вадим протянул Ханне ключ. Она радостно запархнула внутрь, осматривая новую мебель. В комнатах еще висел запах древесины.

— Может, и для меня будет работа? — дождавшись момента, спросил Дмитрий.

— Вы где служили?

— Штабс-капитан, инженер.

— И остались в такой дыре?

Дмитрий пожал плечами и показал на клюку.

— Ясно, а как у вас со стрельбой?

— Отлично, в воробья на пятьдесят шагов попадал.

— Вот за мучение птиц вам карма и отплатила, — Вадим почесал подбородок.

— Карма? — Дмитрий не знал такого слова.

— Не берите в голову. Пойдемте в тир, там решим, что с вами делать.

Цокольный зал тира освещали керосиновые лампы. Для обслуживания клиентов Вадим нанял старого военного, который мог и должен был следить за порядком и соблюдением безопасности. Вот нанятый ветеран и показывал новинки оружия Дмитрию. Остановились

на револьверном ружье, заряжаемым папковыми патронами с центральным капсюлем.

От мишеней до столов для стреляющих тридцать шагов. Для Дмитрия на стол поставили деревянный упор в виде силуэта лестницы.

— Недурно, — заметил слуга, когда вернулся с круговой мишенью.

Дмитрий пулями нарисовал улыбающуюся мордочку в центре.

— Пойдет, — Вадим достал из кармана второй конверт, — идемте за мной, я покажу вам ваше рабочее место и расскажу об обязанностях.

Они поднялись на чердак, после чего Вадим закрыл дверь и достал трубку, чтобы покурить.

— В магазин и ресторан будут ходить “разные” люди. Некоторые захотят пошалить. С ними разберутся охранники. Но будут и те, кто захочет, скажем, напасть на работника, украсть или еще что. Таких можно и нужно приструнить пулей в бедро. Петербург нынче опасный, сам понимаешь.

Вадим затянулся трубкой и выпустил круглое облако дыма в потолок.

— А если придут совсем дикие, то можно пулю и в грудь... — Дмитрий облокотился на печную трубу, — Ты бандит.

— Я бизнесмен, просто мой бизнес связан, со свертыванием шей, — Вадим улыбнулся, зажав трубку зубами.

— Если я откажусь?

— То вы вернетесь в ту дыру, откуда я вас только привез. Твоей жене я скажу, что ты был против ее работы на меня. А дальше сидите на твою пенсию сколько хотите.

— Ты не посмеешь, — Дмитрий до хруста в костяшках сжал клюку.

— Спорим, что она так радовалась, когда вы заглянули в конверт, прыгала и визжала от счастья, что ей больше не придется горбатиться среди мигер в ателье? Она ведь ради тебя старается. Наверное, когда вы обвенчались, она все уши подругам прожужжала, какой у нее муж инженер? А что теперь?

Вадим указал трубкой на клюку Дмитрия.

— А теперь ты просыпаешься с мыслью, что подвел ее, что не стоишь ее усилий. Ну так я даю тебе ровно одну возможность, показать, что стоишь. Понял?

— Да, — Дмитрий облокотился спиной на горячую трубу и закрыл рукой глаза.

— Я не слышу.

— Да, черти тебя задери!

— Воооот. А теперь пошли скажем это твоей Ханне.

Вадим пропустил Дмитрия первым, чтобы новый сотрудник не увидел, как у Призрака горят глаза в темноте.

Оставив счастливую семью Волович, Вадим отправился обедать в ресторан Естислава. У парадного входа стоял полный человек и громко спорил с хосписом:

— Дорогой, я тебя не понимаю, — он говорил на ломаном русском с сильным акцентом, — Я порядочный человек, должен обшаркивать пороги ресторанов?

Вадим из окна кареты разглядел, что мужчина носил дубленку с капюшоном из песка, сапоги из голубой норки и шапку из енота.

— Жора, ты чего человека морозишь? — Вадим обратился к хостесу и подошел ближе, чтобы разглядеть лицо. Ничего такое, молодое, загорелое, с густыми черными усами и азиатскими глазами, — Пойдем скорее внутрь, сказал бы что от Беркутова, давно впустили бы.

— Так вы с Вадимом Борисовичем? Что же сразу не сказали? — заикаясь спросил побледневший хоспис.

Мужчина открыл рот от неожиданности, но Вадим взял его под руку и повел к любимому месту у окна.

— Что изволите господа? — спросил подбежавший официант.

— Нам, как обычно, и побольше, — Вадим скинул шубу и показал кулак Жоре, который поклонился и усиленно закивал, — Расскажите, друг мой, как вы докатились до такой жизни, пока мы ждем вкусный обед.

— Да что рассказывать, лицом не вышел. Не любят в пасмурной столице гостей из солнечный Тифлис.

— Завидуют, — кивнул Вадим, — Меня, как вы поняли, зовут Вадим, бизнесмен.

Он протянул руку.

— Захарий Давидович Сараджишвили, — ответил грузин на рукопожатие, — А бизнесмен, это по какому?

— Английский, деловой человек.

— Аа, интересно, интересно. И какие у вас дела, позвольте узнать?

— Фабрикант, — Вадим не без гордости показал на свой фиолетовый жилет.

— Человек-лихорадка, который заразил Петроград фиолетовым? — вспомнил заголовок статьи Захарий, — Очень интересно. А я, стало быть, винодел. Жить не могу без вида на горы.

— И вот вы здесь, почти в центре болота, — улыбнулся Вадим.

— Все так, друг мой. Устал, чувствую, что хочу сделать что-то новое, но как будто упираюсь в стену. Там война, здесь лица чужие, — Захарий кивнул на хосписа.

— Господа, ваш заказ, — официанты подошли расставлять приборы и тарелки с солянкой.

— Быстро вы, — Вадим разложил салфетку.

— Повар вас ждал Вадим Борисович, — официант поставил на стол бутылку коньяка дома Реми Мартан, — Это подарок, от заведения, за неудобства.

— Мы с радостью принимаем эти очень большие извинения, так? — Вадим принял бутылку и повернулся с вопросом к Захарье.

— Все так, — он мягко кивнул и принялся к солянке.

— Тогда за знакомство, — Вадим разлил коньяк.

— За знакомство, дорогой!

Время утекало сквозь пальцы, как вода. Вадим посмотрел на карманные часы и, извиняясь, встал.

— Прости, но я должен быть в другом месте.

— Уже уходишь? Тут еще осталось, — Захарья потряс бутылкой из-под коньяка и икнул.

— Дама ждет, а они, как известно, ждать не любят.

— Не любят, — подтвердил грузин.

— Таак, собирайся, я тебя до дома подброшу, — Вадим оценил качающееся состояние Захарии и пошел расплачиваться.

— Вот за обед и коньяк.

— Вадим Борисович, подарок же, — запротестовал извиняющийся Жора.

— Ты думаешь, что я не знаю, сколько он стоит? Вам же головы поотрывают, — Вадим отсчитал купюры.

— Мне честно жаль, что так получилось-с.

— Надеюсь, моего друга вы запомните. Почему не пускали?

Хоспис замаялся и не сразу ответил.

— Понимаете, я сразу понял, что ваш друг с Кавказа, а у Естислава Павловича конфликт.

— Со всем княжеством что ли?

— Тонкостей не знаю, — Жора достал из внутреннего кармана черный конверт, — Вот еще, просили передать вам, как освободитесь.

— А кто просил? — Вадим распечатал конверт и замер. Вместо письма, внутри лежала черная карточка, — вы его смогли разглядеть?

— Да обычный посыльный, в форме.

— Спасибо, — Вадим покрутил карточку в руках, прежде чем понюхать и лизнуть ее, — Пахнет мясом и чем-то еще.

Жора если и удивился, то постарался не подать виду.

— Дорогой, я готов, — Захарья в распахнутой дубленке и с покрасневшим носом направился к дверям. Вадим скользнул следом. На улице солнце спускалось к горизонту и двое рабочих выпрашивали деньги у широкоплечего сторожа ресторана.

— О, это он! — Вадим повернул голову на восклик рабочего, который блеснул чем-то металлическим, прежде чем выстрелить.

Вадим рывком повалил Захария и прикрыл его собой от выстрелов. Пули попали в шубу и сплюснутыми блинчиками покатались по ступенькам крыльца. Вадим выхватил револьвер и прицелился. Рядом сползал стонущий сторож, его пырнули ножом в живот.

— Не кричи так, — глаза Вадима слабо засветились, прежде чем он выстрелил.

Уже подбежавший к углу дома рабочий споткнулся и упал на товарища, забрызгивая его кровью из горла. Второй выстрел попал целому рабочему в ступню, раздробив кости.

— Больше не побегаешь, — Вадим встал и наклонился к Захарье, — Ты цел?

— Что, что это было? — Захарья трезвел на глазах

— Ограбление, — Вадим проверил пульс у охранника и пошел к кричащему рабочему, который полз по снегу до кареты, оставляя кровавый след. Вадим встретился взглядом с извозчиком, прежде чем тот выстрелил в рабочего из карманного деленжира и хлестнул лошадей.

— Ушли, — Вадим достал трубку, чтобы закурить.

22 Декабря 1840 года

Капитан Захарченко остался в Заводском учить новичков и сторожить поселок, а Кондрат отбыл в Петербург. Он высоко поднялся за последние полгода в иерархии преступного мира столицы: от обычного быка до личного помощника. Кондрат сидел в опустевшем зале Эльбруса. В ресторане на ночь останавливались только члены банды. Здесь они укрывались от любопытных глаз, отдыхали и сторожили имущество Призрака.

— Кондрат, там гости, — от бухгалтерии ресторана Кондрата отвлек скрипучий голос Щербатого.

Он как самый дерганый из старичков любил таращиться в окна на ночной город.

В маленький дворик выкупленного Вадимом квартала заехало три набитые общественные повозки. Такие обычно развозили людей по городу.

Кондрат снял очки на проволочной оправе и подошел к Щербатому.

Незванные посетители цепью растягивались вокруг ресторана. Один в черном пальто зашел под луч уличного фонаря, и Кондрат разглядел обмотанную тряпкой палку.

— Это ни хрена не гости, к бою! — он не кричал, а шипел сдерживаясь.

— К бою, собаки, — Щербатый подхватил слова и пинками побежал гнать отдыхающих головорезов.

Кондрат достал из кобуры револьвер и проверил патроны в барабане. На улице всех не разглядеть, но приехать могло до тридцати человек. В ресторане же осталось только десять.

— Щербатый, беги к черному ходу и скачи к Призраку, его нужно предупредить, — Кондрат, не дожидаясь подтверждения, побежал на второй этаж, к открытой веранде. Алексей и Микола помогали ставить к окнам тяжелые деревянные задвижки с амбразурами. Бойцы доставали сменные барабаны для револьверов и раскладывали под рукой.

Гости на улице шумно разговаривали, окружая ресторан. Повозки отвели, чтобы они закрывали выезд из квартала. Щербатый выскочил из черного хода к подъезду дома. Там был сквозной проход на улицу. Разразилась пара выстрелов в спину убегающему. Щербатый споткнулся, но дотянул до подъезда и закрыл за собой дверь. Тяжелые пули выбили щепки из рамы и сломали ручку двери.

— Фи, мазила, — посмеялся над стрелявшими вышедший из толпы гостей в коричневом пальто Музыкант, — Эй, в ресторане. Выходите, и мы поговорим.

Кондрат скривился, он слышал о Музыканте и не хотел встречаться с этим любителем неортодоксальных удовольствий. Человек-мышеловка, заманивал людей пороком, чтобы превратить сначала в должников, а потом в послушных кукол.

— Иди-ка, ты, додик! — с первого этажа раздался голос Алексея и выстрел.

На землю упал телохранитель Музыканта, схватившись за живот.

— А ну-ка, братцы, постреляем, чтобы они показаться боялись! — закричал Музыкант.

Гости приехали с многоствольными пистолетами, наподобие перечниц. Вот их залп и обрушился на окна и стены первого этажа. Под выстрелами от толпы отделились люди с бочонками. Кондрат выглянул и подстрелил одного.

— Жечь собрались? — он закричал, надрывая горло.

Щеку поцарапала пуля, разбившая глиняный горшок за спиной Кондрата. Стреляли на

голос или вспышку револьвера.

Кондрат пригнулся. По щеке шла горячая кровь, отбрасывающая облачко пара. Он слушал, ожидая свиста околоточников, но город, как будто впал в кому.

— Вот дети собак... — Кондрат до боли в руке сжал рукоять револьвера, прежде чем выглянуть и выстрелить. На первом этаже разлетелись окна.

— Врете, не возьмете! — Алексей стрелял по приближающимся поджигателям, пока его пытались выцелить из дворика.

Музыкант отошел за спины подручных и разжег трубку. Ресторан превратился в осажденную крепость в центре столицы. Самым ужасным и почти нереальным Кондрату казалась ситуация с бездействием полицейских. Гости медленно, с потерями, но смогли поднести несколько бочек с маслом к стенам Эльбруса. На глазах Кондрата они разжигали факела.

***

Щербатый сопел и не мог надышаться. Он доскакал до дома Вадима, где свалился с коня в сугроб. Вокруг дыры на животе у него пропитывались кровью нательная рубашка и испорченный тулуп. У подъезда стояла такая же повозка для развоза людей, как и у ресторана. По лестнице поднимались мрачные люди с серыми лицами.

Вадим сидел за рабочим столом в кабинете и на бумаге заканчивал чертеж котла для паровой машины. В соседней комнате тихо сопела Анна на кровати, прикрытая хлопковым одеялом.

На улице послышался стук копыт о брусчатку, кто-то остановился у подъезда. Вадим завис с карандашом в руках и посмотрел на часы, которые отбили полночь. Он встал и подошел к окну, чуть-чуть отодвинув штору. Из повозки под окнами выгружались крепкие мужички не с букетами в руках.

— Интересно, — Вадим дошел до сейфа и достал два короткоствольных револьвера. Он их сделал сам, в тайне от оружейников на заводе. Маленькие настолько, что помещались в карманы, с бездымным порохом, с тяжелыми дозвуковыми пулями, утопленными в цинковые гильзы, а барабан в момент выстрела надвигался на ствол для лучшей абсорбции. Каждый из револьверов спокойно стоил по две тысячи золотых рублей, только никакой фабрикант даже за десять лет работы не сможет накопить достаточно, а ближайший аналог появится лет через сто.

Вадим взвел курки. Он стоял перед входной дверью в черной жилетке поверх белой рубашки и улыбался. Не полноценной улыбкой, не злобной гримасой на все зубы, а хищно подняв верхнюю губу и обнажив клыки. Так скалятся волки перед охотой.

— Вадим? — в прихожую зашел сонный Ефим с пузырьком лекарства и кружкой воды. У него разболелась голова, и он встал выпить глицерину.

Вадим не ответил, подняв руки с револьверами. За дверью скрипнула половица, к ним поднялись. На лестничном пролете стояло десять человек с оружием в руках. Как бешеный носорог Вадим протаранил дверь плечом, выбивая ее из петель. Он полетел вниз, скользя на двери по телам до межэтажного перекрытия.

— Ух, — под дверью застонал пришибленный бандит.

Вадим сунул ему дуло револьвера в рот и выстрелил. Слабая вспышка родилась и погасла за полными щеками. Осколки черепной коробки брызнули на деревянные ступеньки, заливая горячей кровью ступеньки. Вадим поднялся на ноги и пошел вверх по лестнице, прикладывая дуло револьвера по очереди к каждому сбитому с ног бандиту.

Выстрел в затылок, висок, лоб, контрольный в сердце. Щелкнул пустой барабан, Вадим поменял руку, взводя ударник второго револьвера. Шаги чередовались со вспышками от выстрелов, хрустами выдавливаемых тяжелой ногой костей, пока Вадим не остановился перед дверным проемом. Последний выживший заполз спиной в квартиру. Он шептал молитву и перекрестился бы, если бы руками не тащил себя подальше от бойни на лестнице.

— Ух, сволочь! — над бандитом появился Ефим с кочергой и ударил как штыком.

Хватило одного размашистого удара. Ефим перекрестился и запел: — Наши сестры — штыки, сабли востры... Хех, еще строчку вспомнил!

— Не ори, посмотри, чтобы наши спали, — Вадим переломил револьвер, и экстрактор выдавил отстреленные гильзы.

Тела убитых пришлось грузить на ту же повозку, на которой бандиты приехали. Вадим держал труп за руки, Ефим за ноги, так и таскали, пока Ефим не поскользнулся у крыльца об лужу заледеневшей крови.

— Вадим, здесь еще один, а ну как я его сейчас! — Ефим поднялся из сугроба отряхиваясь.

— Вау, вау, подожди. Это свой.

— Как это "свой"? Морда вон какая бандитская!

— Иди за упряжь. Справишься? — Вадим наклонился и приложил пальцы к шее Щербатого, чтобы нащупать пульс.

— Справлюсь, а куда вести?

Вадим нахмурился и рукой отряхнул снег с раны на животе Щербатого.

— Хреново, — он повернулся к Ефиму, — поехали к доктору.

— С ними? — Ефим кивнул на сваленные тела.

— Ну не здесь же бросать, — Вадим аккуратно положил Щербатого поверх тел и перетянул рану ремнем.

***

Дмитрий прижался щекой к кожаной накладке на лакированном прикладе револьверной винтовки. Смотритель тира ушел, оставив Дмитрия практиковаться одному. Он задержал дыхание, огонек лампы плясал на металлической мушке.

— Дима! — его толкнули за плечо, Дмитрий дернулся, но не выстрелил.

— Женщина! Ты понимаешь, как черт тебя побери, ты меня напугала?

Ханна стояла бледнее Питерской луны.

— Там стреляют...

Дмитрий вынул из ушей затычки.

— Еще раз.

— Там стреляют, на улице.

— Помоги подняться, — он схватил ружье и патронташ в виде ремня.

Когда они поднялись с цокольного этажа, то с улицы донеслись выстрелы и ругань.

— Пошли на чердак, — Дмитрий опирался на Ханну и клюку, переступая через несколько ступенек зараз.

На чердаке стояла тьма, только через редкие оконца виднелся беспорядок во внутреннем дворе. Ресторан взяли в кольцо и пытались поджечь, закидывая факелами.

— Дима, что делать?

— Так, беги мне за стулом, — Дмитрий открыл окно, ему в лицо дунул морозный ветер, от которого закололо кожу. Дмитрий вскинул ружье, лоя на прицел смутный силуэт с

зажженным факелом. Выстрел, и бандит упал. Дым сдуло на улицу, и двор снова стало видно. Бандит не умер, кричит и корчится в муках. Дмитрий скрипнул зубами и прислонился щекой к прикладу:

— Он знал. Все знал.

***

Груженная повозка остановилась у трехэтажного дома. Вадим выскочил к крыльцу и затарабанил в дверь так сильно, что она еле на петлях держалась.

— Кого нелегкая принесла? — из дома прозвучал старческий голос.

— Свои. Открывайте, — Вадим не хотел ломать дверь.

— Свои дома сидят.

— Я Беркутов, пришел к Федору Петровичу по срочному делу!

— Ну так приходите в рабочие часы.

— У меня человек умирает!

— Всегда у вас сначала кто-то умирает, а потом рождает, — ответил ехидный голос.

Вадим замахнулся, чтобы снести дверь и ехидную старушку, но кулак Вадима замер перед самым носом Федора Петровича. Отец Вари стоял в домашнем халате, и его глаза свелись на потенциально сломанном носе.

— О, Федор Петрович! А я к вам, — Вадим схватил доктора под руку и повел к повозке, — вы не поверите, на меня ночью напали бандиты, если бы не мой гувернер, то мы бы с вами больше не увиделись.

Федор Петрович Гааза шел по заснеженной дороге в тапочках на босую ногу и не обращал внимание на успокоительную речь.

— Доктор, без вас он погибнет, — Вадим показал завернутого в шубу Щербатого, который еле дышал.

— Несите в дом! — доктор очнулся, приняв властный вид, — С этими что? Тоже ко мне?

Федор Петрович показал на окоченевшие тела.

— Нееет, этим уже доктор не поможет, — Вадим поднял Щербатого на руки и понес в дом, бросив Ефиму напоследок: — Езжай в Заводское, капитан разберется.

— Будет исполнено, вашблагородие, — Ефим потянул за вожжи, и повозка тронулась.

Доктор часто принимал пациентов прямо в доме. На первом этаже он оборудовал приемную, кабинет и библиотеку, где собирал научные статьи.

— Сюда, на стол, — доктор зажег лампы и надел белый фартук прямо поверх халата.

Вадим положил Щербатого и отошел чтобы не мешать.

— Идемте, я вам чаю сделаю.

Вадим дернулся и посмотрел вниз. Сухонькая бабушка-изюм тянула его за руку из операционной, — идем, идем, Федор Павлович знает, что делает, не нужно ему мешать.

Вадима усадили на кухне и поставили чайник. Бабушка ловко спустилась в погреб и принесла кусок сала, горилку и чеснок.

— Ты поди замерз совсем, пей, согреешься.

Вадим не отказался, но выпив горелки и утерев рукавом рот, спросил:

— Замаслить пытаешься, старая?

— Ну не без этого. Не каждый день видишь такого спокойного барина. У тебя там хлопца режут, а ты сидишь и глазом не моргнул.

— Не родной же, — Вадим закрыл бутылку и внимательно следил за бабушкой. Она

хозяйничала по кухне, пряча глаза.

— Неродной. Но я тебя барин запомнила, ты тогда принес учительницу Вари, почти так же.

— Не помню, чтобы видел вас.

— А ты и не можешь, я не показывалась.

— Таились?

— Таилась.

Вадим достал из внутреннего кармана чехол с пенсне.

— Мне из тебя каждое слово клещами тащить старая?

— Не надо клещами. Просто я вижу, что не человек ты, — у Вадима поднялась бровь.

— Черт, что ли?

— Не черт, у меня здесь в каждом углу по иконе, — бабушка посмотрела в угол комнаты, где стояла маленькая, и перекрестилась, — Но не человек.

— Ни хвоста, ни крыльев у меня нет, кто, если не человек? — Вадиму нравилась эта игра, он позволил себе намек на улыбку.

Бабушка покрутилась у печки в нерешительности. Она не хотела говорить, но откровенно боялась Вадима. От одного его взгляда по старой спине бежали мурашки. Тяжелого, наблюдательного, липкого взгляда, после которого хотелось в баню.

— Готово, — на кухню зашел вспотевший Федор Петрович и налил себе горилки, — Ух.

— Как он? — Вадим встал из-за стола.

— Плохо. Пулю достал, но кровиии, — доктор покачал головой, — крови сколько ушло.

Если это его не убьет, то горячка.

— Горячка? — Вадим прищурился.

— После ранения, часто еще гной появляется, и кожа темнеет, — пояснил доктор.

Вадим зажмурился и зашевелил губами.

— Хорошо, — он решился и достал стеклянный пузырек с янтарной зеленой жидкостью из кармана жилетки.

— Это что?

— Янтарный зеленый. Краситель для одежды. У меня на заводе рабочий порезался и случайно облил рану краской, так потом все зажило, лучше прежнего. Так никакой горячки или гноя.

Портрет лица Федора Петровича можно было ставить рядом со словом "сомнение" в толковом словаре.

— Я хотел отнести к кому-то из врачей, но не разбираюсь. А здесь, вы сами сказали, что нежилец, — Вадим врал, врал искренне и убежденно, от всего сердца.

— Ну хорошо, — Федор Петрович взял пузырек и покрутил его на свету, — Эх, грех-то какой.

Он ушел, оставив Вадима наедине с бабушкой.

— А ведь ты знаешь, что делает, это твоя изумрудно-зеленая! — заявила бабушка, закрыв дверь на кухню.

— И?

— Так чего же не вылечил?

— Не умею, — Вадим искренне развел руками, — Чему-чему, а спасать людей я не учился.

— Ну и зря, хорошее дело, боголепное.

Вадим не ответил.

В окне промелькнул всадник, а на полу кухни заиграли тени.

— Кого там еще нелегкая принесла? — бабка, шатаясь из стороны в сторону, пошла посмотреть, но только заглянув за занавеску отшатнулась и перекрестилась, — Чур меня.

Вадим сам подошел посмотреть, потянувшись к револьверу в кобуре, но заглянув на улицу, улыбнулся.

У дома Федора Петровича стояли три повозки с вооруженными новобранцами Вадима. Во главе этой процессии гарцевал капитан Захарченко, с обнаженной шашкой на коне.

— Это свои, — Вадим пошел в прихожую, чтобы встретить друзей, но бабку перегородила дорогу.

— Что за варяга? Ты всех сюда привести решил?

— Мы уже уезжаем, — Вадим легко отодвинул ее в сторону и открыл дверь. На пороге замер Ефим.

— Вашблогородие, я только приехал, а там уже все, — он развел руками, как будто хотел извиниться.

— Заходи, Ефим, ты останешься у доктора, — Вадим повернулся к бабке, — Федор Петрович не будет против ведь?

— У нас нет мест для гостей! — бабка нахохлилась, но открылась дверь в приемную доктора. Федор Петрович мокрым полотенцем протирал руки. Он окинул всех тяжелым взглядом и сказал:

— Оставайтесь.

— Буду вам признателен, не хочу оставлять слугу одного, Ефим присмотрит, — Вадим поклонился и накинул шубу, чтобы идти на улицу.

— Но Вадим, у нас с вами будет долгий разговор.

— Конечно, не думайте, что я убегаю навсегда, — Вадим еще раз поклонился и вышел.

На улице его ждал улыбающийся Михаил. Он гарцевал на скакуне, шумно напевая походную песню.

— Ты такое пропустил! — Захарченко подъехал ближе, к поднявшемуся на повозку Вадиму.

Бойцы молча сидели в масках с рисунком белого светящегося черепа. Они держали новые револьверные ружья на плечах и тихо качались в такт повозке.

— Много пришло? — Вадим достал из шубы маску с изображением лица красного дьявола.

— Ух, закапывать устанем, — Михаил повел отряд вглубь тихого города к Эльбрусу.

— Закапывать не будем, в залив, и дело с концом.

— Повторяешься, — Захарченко потянул носом по ветру принюхиваясь.

— Это называется стиль. Правильно носом вертишь, пожар, — Вадим показал на тонкую линию зарева над крышами домов.

— Черт! — Захарченко пришпорил коня и бросился галопом по улице.

Они приехали, когда ресторан полыхал. Въезд во двор загораживала пара повозок с повисшими на них телами нападавших. Густая кровь не успела застыть на ветру и маленькими бутонами распустилась на снегу. Бойцы призрака спешили и цепью вдоль стены потянулись к проезду. Вадим шел первым с револьвером в руке, стоило ему зайти за угол, как раздался выстрел. Вадим повернулся к окну чердака и погрозил кулаком, а потом стряхнул сплеча каменную крошку.

Во дворе перед горящим рестораном лежали тела. Там остались не только мертвые, но и тяжело раненные, которых не успели добить. Люди Вадима выстроились цепью и носили ведра с водой, туша огонь.

— Захарченко, — Вадим снял маску и достал трубку, чтобы закурить.

— Здесь! — Михаил спешился и козырнул.

— Вели все тела в огонь, потом тушить пожар, — Вадим стряхнул зажженную спичку и бросил ее в снег.

— А как же пожарные? Полиция? — Захарченко убрал шашку в ножны.

— Никак. Они появятся, когда все уже сгорит. Ты вот что, как приказы раздашь, поедешь в Заводское за нашими строителями.

— Строителями?

— Выполняй.

Захарченко молча кивнул и запрыгнул на коня. К Вадиму, расправив плечи, шел Кондрат с перевязанным лицом.

— Виноват, не уследил! — он вскинул руку, чтобы отдать честь, но от резкого движения повязки на лице пропитались свежей кровью, — Мы взяли пленных.

— Потери?

— Трое.

Вадим заложил руки за спину и пошел вокруг Кондрата.

— Нормально. Нормально, — Вадим говорил спокойно, но сердце у Кондрата подскакивало, — Ты как, работать сможешь?

— Конечно, — Кондрат повернулся к Вадиму, который остановился лицом к горящему ресторану, пока бойцы закидывали тела гостей в огонь. Подул ветер, и Кондрату показалось, что среди треска горящего дерева он слышит человеческие вопли.

— Значит, работаем.

23 Декабря 1840 года

Майор Местечкин Алексей Игнатьевич ехал по утреннему Петербургу. В окне кареты маячили еще пустые улицы, слабо освещаемые фонарями и первыми лучами солнца. В течение часа город полностью проснется, начнется предпраздничная возня.

Карета остановилась. Майор зевнул и нехотя вышел под холодный ветер. В проезде во двор стояла одинокая повозка, на которой сидел Вадим и курил. За его спиной рабочие возводили высокий забор вокруг дымящихся развалин ресторана.

— Вадим Борисович? — майор скрыл удивление, прикрывшись кожаным портфелем, — А как вы здесь? А разве не?

— Алексей Игнатьевич, вас-то я и жду! — Вадим затушил пальцем трубку и вытряс ее на маленькую горку уже сожженного табака.

— Меня?

— Конечно! Вы же главный по пожарам? А у меня здесь, вот, — Вадим указал на то, что осталось от ресторана.

— Вадим Борисович, мне пожаловались, что ночью здесь была стрельба, — майор закопошился в портфеле, переворачивая бумаги, — Мне придется допросить вас и ваших людей. А весь квартал закрыть, пока идет расследование.

— Понимаю ваше стремление, но не раньше чем я подам жалобу, — Вадим взял майора под руку, отчего тот болезненно скривился, но вырваться из стальной хватки не смог. Ноги Алексея Игнатьевича волочились по земле, пока они подошли к Кондрату, который руководил разбором обломков.

— Да что вы, делаете?! — майор дернулся, послышался хруст.

Алексей Игнатьевич прикусил язык, чтобы не завывать от боли.

— Жалоба! — Вадим остановился и развернул жандарма к себе лицом, — Ночью, какие-то хулиганы сожгли мой ресторан, устроили перестрелку со сторожем, а наших доблестных полицейских не было в радиусе версты. Я считаю, что это непорядок. Буду писать жалобу вашему начальству. А как жалобу примут, найдут виновных, накажут, так можете забирать моих людей для допроса и так далее.

— Вы ничего не докажете, — прошипел Алексей Игнатьевич.

Вадим не отвел, отступив на шаг, чтобы пропустить строителей, которые катили бочки.

— Уцелели при пожаре, — пояснил Кондрат.

И когда бочка перекатывалась рядом с майором, крышка упала. На Алексея Игнатьевича смотрел Музыкант с кляпом во рту и огромным синяком на месте лица.

— Ну что же вы так не аккуратно, — Вадим поднял крышку с земли и закрыл бочку.

— Это же... — майор ослабил воротник мундира под пальто.

— Это то немногое, что удалось спасти, — Вадим театрально вытер несуществующую слезу, — Так что, зарегистрируете жалобу?

— Не надо никаких жалоб. И следствия не нужно, — майор вопросительно посмотрел на Вадима, и тот кивнул в ответ, — Не буду я никого опрашивать, и так понятно, что случился обычный пожар.

— Все верно, при обычном же пожаре нам не нужны околоточники? — Вадим спросил

у Кондрата.

— Нет, Вадим Борисович, не нужны. Мы своими силами с огнем справились.

— Видите, Алексей Игнатьевич, зря вас побеспокоили люди добрые и не очень. Отправляйтесь к себе в теплый кабинет, приложите что-нибудь холодное к ушибленной руке и больше не спотыкайтесь.

— Спасибо, — майор болезненно погладил руку, за которую его довел Вадим, — Ух, у вас здесь так мясом жареным пахнет.

Алексей Игнатьевич фыркнул от попавшей в нос золы.

— Да, столько хорошего мяса сгорело, — расстроено протянул Вадим.

Майор повернулся в ту сторону, где строители с завязанными лицами разбирали завал, мимо побледневшего Кондрата. Глаза Алексея Игнатьевича расширились и поползли на лоб, прямо при нем из-под сгоревшего стола достали и отбросили в кучу сгоревшую руку. Майор с открытым ртом повернулся к Вадиму, пытаясь хоть что-то сказать, но не смог. Все слова потерялись, когда он увидел, как Вадим с приподнятой верхней губой улыбается, смотря на судьбу своих врагов.

***

Дела в городе закончились, поэтому Вадим отпустил майора и поехал в Заводское. По пути он заглянул за Анной, которая уже проснулась и готовилась к празднествам.

В поселок стекались люди с ближайших деревень и соседних городов, завлеченные слухом, слухом о наборе новых мастеров. Каждому, кто готов был показать свои умения кузнеца — гарантировали приз, победителю же обещали премию в размере ста рублей! Вот и ехали все желающие показать свое мастерство на первую для Заводского новогоднюю ярмарку.

На главной площади, вокруг елки и ледяных скульптур для детей, выстроили лавки для приезжих торговцев и продавцов, которых нанял Вадим продавать товар с его заводов. Люди приходили, чтобы купить чугунные сковородки, котелки, печи, утюги и другую утварь, выпускаемую сталелитейным цехом. Девушки бегали смотреть хлопковые платья, льняные простыни и полотенца из швейной фабрики. Среди портных проходило отдельное соревнование по шитью.

Карета остановилась, Вадим вышел первым и помог спуститься Анне, подав руку. На улице играла веселая музыка, нанятого оркестра.

— А здесь весело, — Анна в такт мелодии постучала каблучками.

— А что еще будет! — Вадим погрозил пальцем небу и повел Анну в теплое поместье.

Сегодня он собирал гостей, чтобы показать, чего добился за время пребывания в Петербурге. В кабинете освободили место под большой обеденный стол. Слуги бегали, накрывая на десяток гостей. Первыми приехали Максим и Василий. Они шумно ввалились во двор на санях. Их сопровождала труппа актеров с ручным медведем, которого вел на поводке строгий дрессировщик.

— Чтобы веселее было, — объяснил Максим Вадиму, расплываясь в улыбке.

— Главное, чтоб он мне детей не напугал, — Вадим протянул друзьям наполненные вином кубки.

— Строгий ты! — заявил Василий, обнимая какую-то смеющуюся девушку из актерской труппы за талию, — праздник на носу!

Труппа пошла веселить народ на ярмарку.

Следующим приехал Есислав в компании строгой Жанны.

— Рад видеть, что ты не зря здесь пропадаешь, — Есислав крепко пожал Вадиму руку, и Жанна покатила коляску к столу, где уже шумела молодежь.

У ворот остановились сани. Слуги бросились помогут Захарию Давидовичу, который привез с собой корзины с бутылками вина.

— Дорогой! — он распахнул руки и крепко обнял Вадима.

— Захарий, рад, проходи к столу, знакомься, сегодня будет хорошая компания.

Вадим еще ждал Варю с отцом, но приехавший с Гертрудой Ефим, рассказал, что их пригласили в другое место и семья Гаазовых, просила передать искренние извинения.

Отобедав, компания пошла на ярмарку, где Лев Уманский, как главный мастер открыл соревнование среди кузнецов. Участники должны были изготовить детали. Лев поднял над головой шестеренку, которую Вадим изготовил для ярмарки как эталон. Для изготовления деталей завод предоставлял станки и сырье, участвовать могли местные кузнецы, а не только приезжие.

— Вадим, а зачем это все? — спросила Анна, прогуливаясь с Вадимом по торговым рядам.

— Так мне работники нужны. Люди поработают на станках, посмотрят на моих рабочих и сами придут.

— На девиц местных они смотреть будут, — посмеялась Анна.

— Не без этого, — согласился Вадим, — и на то, как местные хорошо живут, как покупают все эти котелки и печки. В деревни такого не найти, только в город на ярмарку идти, да еще копить не знай сколько. А здесь люди на меня с полгода поработали, и вон какие откормленные ходят.

— А не балуешь ли ты работников?

— Да как можно? Все у меня здесь, — Вадим смеясь сжал кулак.

Они вышли к ледяным скульптурам, где дети и взрослые катались с ледяной горки до замерзшей реки. Вадим поднял Аню на руки и понес на горку, чтобы вместе скатиться.

— Вашблогородие, возьмите, — Вадиму протянули замерзший кусок картона. Всем раздавали такой, чтобы скатиться. Дешево и сердито, зато хохочущие дети по очереди забегали на берег, чтобы снова спуститься.

— Ааа! — Аня, обняла Вадима за шею, пока они летели вниз на картонке. Их закрутило и вынесло в сугроб на противоположный берег. Вадим помог Ане подняться, и они побежали к горке, только Вадим успел сделать пару шагов, прежде чем лед под ним затрещал и треснул, не выдержав веса. Мгновение, и Анна стоит одна у прорубя.

— Вааадим! — Аня упала на колени и подползла к прорубью, но там только темнела река. Она наклонилась, чтобы опустить руки, но ее дернули за ногу. Перепугавшийся рабочий схватил ее за сапог и потащил к берегу, подальше от дыры.

— Барыня, лед! Нельзя.

— Пусти, — Аня дернулась, вырваться, но рабочий не отпускал ее к опасному месту, — Он там, снизу!

Бурное течение успело отнести Вадима дальше вдоль берега, прежде чем он нащупал ногой твердую опору и смог подняться, проламывая лед. Он вышел на берег и выплюнул рыбку. От горки бежали люди, с Анной во главе. Промокшего Вадима отвели в поместье, отогреться. Он сидел закутанный напротив камина ипил глинтвейн с привезенной издалека апельсинкой.

— Вадим, ты чего здесь один? — в гостиную поместья зашел молодой Анатолий

Николаевич Демидов. Вадим не видел дипломата с бала у Городиковых.

— Толя! Я никогда не думал, что вода так меня не любит, — поделился печалью Вадим и похлопал по свободному рядом креслу.

— А я не с пустыми руками, прости, что только приехал, работа, — он развел руками и протянул коробочку с сигарами.

— Ооо, это дело хорошее, только ты не кури, молод еще. — Вадим погрозил Толе сигарой.

— Ха, Ха, — Анатолий демонстративно достал сигару и принялся хлопать себя по карманам.

— Эх, я, конечно, знал, что студенты — люди бедные, но чтоб настолько, — Вадим хохоча зажег спичку и поделился огоньком.

Анатолий раскурил сигару и закашлялся.

— Носом, в грудь не вдыхай.

— Не учи ученого, утопленничек. — ответил Толя, откашлявшись, — Кубинские, из Франции привезли.

— Пару лет на таких просидишь и без лёгких останешься. Будешь как дохлый наездник, — Вадим изобразил задыхающегося всадника, — Ну или “там” у тебя перестанет работать.

Анатолий удивленно уставился на сигару, а Вадим важно закивал.

— Что не будет работать? — в гостевую зашла Анна с бокалом глинтвейна для Анатолия.

— Позвольте вас познакомиться, — сменил неудобную тему Вадим, но как только Анна пошла готовиться к вечерним посиделкам, продолжил шепотом убеждать Анатолия:

— Я с доктором Гаазовым на эту тему общался, а он человек передовой, во! Отец нашей Вари.

— Я тебя понял, — Толя с сожалением закинул сигару в камин и поднялся, — Пойдем.

Все собрались за столом. Вадим баловал друзей диковинными блюдами и новыми салатами. Первым закончился салат с ананасами, курицей, тертым сыром и чуть-чуть майонезом. Максим и Василий распробовали вино Захарии и не могли перестать нахваливать грузинского князя. Фрукты приходили с теплых югов или выращивались в теплицах, подражая императору. Есислав, Жанна и Гертруда обсуждали, какие балы должны сотрясти Петербург в ближайшие недели, и когда наконец в столицу вернется Николай Павлович с открытия батареи в Севастополе в честь брата. Когда же внесли запеченное жаркое, в дверь постучались. В большой кабинет зашел адмирал Горынин с покрасневшим от мороза лицом и тонким слоем снега на шубе. Его усики покрылись инеем.

— О, сколько новых лиц!

— Заходите, Владлен, заходите, сейчас жаркое будет! — Вадим пожал руку адмиралу и усадил его рядом с Есиславом и Жанной.

Вадим на правах хозяина представлял своих друзей по мере прибывания, но на Есиславе, адмирал его перебил.

— Ну Есислав Павловича, то я знаю.

— Я для проформы, — поклонился Вадим и налил адмиралу грузинского вина.

— Черт, а хорошо здесь у вас, — адмирал вытер длинный ус и протянул Вадиму письмо, — а я с хорошими новостями. Адмиралтейство согласилось закупить у российского

мастера двести револьверов системы Уманского! Змеи подводные, позавидовали твоему подарку.

Владлен похлопал по кожаной кобуре с револьвером, которую он носил на левом бедре.

— Там пустое место есть, впишешь сумму за заказ.

— Щедрое у нас адмиралтейство, — Вадим убрал письмо в ящик рабочего стола.

— Эх, только просьба, сделай побыстрее, скоро царь-батюшка вернется, а мы такие стройные на причале, да с новым оружием. Гусары обзавидуются.

— Да какие проблемы, — рассмеялся Вадим, — хоть завтра приезжайте забирать. Я планирую после Нового года вводить новые станки, так цена на оружие раз в десять упадет. Будем только за качество стали бороться.

— Так, а это меняет дело. Правда, в балтийском флоте я вряд ли больше тысячи офицеров найду. Осилишь?

— За год, конечно. С нарезными стволами, под капсули.

Адмирал ушел в глубокую задумчивость, вывести из которой его смогла только стопка коньяка.

— Давай после праздников обсудим, — надумал Владлен.

— Я не спешу, — слукавил Вадим.

Время перевалило за полночь и гости стали разъезжаться. Есислав попросил Вадима вывести его на улицу, подышать немного.

— Вадим, вижу, у тебя дела идут хорошо.

— Не жалуюсь.

— А что за напасть случилась с рестораном?

— Так, пожар, бывает, — Вадим катил коляску Есислава вдоль дороги, где шумели дети.

Там взрослый юноша изображал маяк, под гул которого дети должны были замирать в виде морских фигур. В юноше Вадим узнал сына одного из своих мастеров. Этот паренек подорвался в цеху по производству мыла и чудом выжил.

— Бывает, да. Как и то нападение на тебя около моего ресторана. Погиб мой охранник.

— Ограбление, — пожал плечами Вадим, — тем более что я возместил ущерб его семье.

— Я тоже возместил, но речь не о нем. Ты ввязался в опасную игру и об этом говорит весь Петербург. Не наше общество, а то, которое привыкло прятаться в тенях. С тобой хотел поговорить митрополит Лаврентий. Насчет храма, который ты хочешь построить в Заводском и о чем-то еще.

— Хорошо, я обязательно загляну. — Вадим попрощался с Естиславом, посадив его в теплую карету.

***

Этим же днем.

Петербург не просто так считали одной из двух голов криминалитета в Российской Империи. Бандиты смогли выстроить строгую вертикальную иерархию авторитетов, где на вершине стояли воры разных специальностей. Самым почетными считались воры лошадей, ведь увести животинку, которая помнит хозяина — не каждый сможет. Убийц и разбойников же презирали за грубость и низменность искусства. Главным же рабочим местом для воров считалась Сенная площадь, где помимо рынка располагалась церковь Спаса на Сенной. Там орудовали не только молодые карманники, но и стаи попрошайек. Ушлые дяди могли специально подсадить ребенка на водку, чтобы заставить работать на улице. С другой стороны авторитета находились стукачи, которых жандармы смогли

поймать на крючок шантажа.

Вот на углу площади стояла пара околоточников, которых хватало в любой день. Поручик мило общался с полненькой мещанкой, которая пришла на рынок за свежей рыбой, когда на площади поднялся шум. Околоточник выругался и стал проталкиваться сквозь людей, используя свисток. Через дорогу от храма стоял деревянный крест с привязанным к нему голым Музыкантом. На груди у Музыканта висела табличка со словами: "Жду встречи".

Повозка груженная бочонками и молчаливыми пассажирами въехала с площади в направлении порта. Алексей с подбитым глазом сидел за вожжами, пока Микола замазывал свежие ожоги на руках и шее.

— Вот Микола, где мы с тобой не там повернули, чтобы заниматься такой работой?

— Я думаю, что все началось, когда мы зашли в это проклятое ателье. А если ты про сегодняшнюю выходку с Музыкантом, так не сжигал бы Вадиму ресторан.

— Нука, цсссс. — Алексей закрыл рукой болтливый рот Микола, — ну, разбил лампу, бывает. Мы же договорились, что это нападавшие постарались. Так?

— Так. Но ты должен был видеть “этот” взгляд Кондрата.

— Пф, а я то что? Ну, упал он с лестницы на горящий стол, я здесь совсем не при чем.

— Так, ты его туда и поставил. — Микола передал баночку с мазью Алексею.

— Переставил, чтобы ты помог мне потушить огонь.

— Я отстреливался, как тебе еще и помогать тушить?

Они выехали на улицу со складами и замолчали. С повозки выгрузился отряд и тихо пошел к складу номер шесть, где по словам людей Музыканта, старшие хранили часть награбленного товара. Пара охранников даже не успела среагировать, как их сбили с ног и уволокли с улицы. Для ночной операции против Вадима привлекли слишком много сил, и теперь часть объектов осталась без должного присмотра. Чем и воспользовался Вадим, отправив свои отряды на встречные визиты вежливости по вскрывшимся адресам.

24 декабря 1840 года

Канун Рождества Вадим встретил в своем поместье. Анна уехала в город за покупками для новогодних балов. А ему предстояли еще важные дела. Вадим зашел в кабинет, закрыл дверь на ключ и подошел к ковру на полу. Под ковром лежал настильный пол из лакированных досок. Вадим наклонился, вынул неприметный гвоздик из плинтуса и провел им по узкой щели. Послышался щелчок, и Вадим осторожно открыл потайную дверь, которая вела по лестнице в подвал. Прежде чем наступить на площадку перед тяжелой металлической дверью, Вадим встал этот же гвоздик в маленькую дырочку на стене. Он так блокировал самодельную мину, которая срабатывала бы при соприкосновении с дверью. В подвале Вадим зажег масляный фонарь, чтобы осветить химическую лабораторию. Здесь он готовил не только лекарства, но и сложные яды. Все оборудование приходилось покупать через посредственников или делать самому на заводе. Ввиду технической ограниченности, Вадим не мог сделать хорошие центрифуги или синтезировать редкие токсины, но у него еще оставался набор проверенных средств, например, на фосфорной основе. Во время работы приходилось носить специальную одежду, не потому, что Вадим боялся яда, а чтобы не вынести случайно что-то из заготовок на себе. Пожмешь потом кому-нибудь руку, а он возьмет и умрет, нехорошо. Вадим набрал в пару шприцев два новых синтезированных состава в виде растворимого геля. Отдельно он спрятал несколько капсул антидота в спичечном коробке, прежде чем закрыть лабораторию и вынуть гвоздик. Двадцать килограмм динамита — должны удивить любого незваного гостя.

Дальше Вадим пошел на завод. Конкурс среди кузнецов будет проходить целую неделю, но нужные детали у него уже имелись.

Дежурная бригада рабочих закончила с трубами для котла. Котел для паровой машины собирали из листов на заклепках. Вадим решил не мелочиться и сделать сразу котел с водотрубным питанием и повторной прогонкой пара через котел для повышения давления. Под топкой оставляли место для зольника, для сборки зал, шлака и подгонкой воздуха. Шестерни, над которыми трудились мастера на конкурсе, были нужны для станков, для коробок передач, изменения скорости работы станка от вала правой машины.

Собираемые в этом механическом цеху паровые машины Вадим отнес к высокому давлению, но из-за недостаточности размера цеха, в котором он налаживал производство, не получалось строить паровые котлы больше пяти метров в длину. Дальше завод должен был наладить выпуск второй модели с изменяемым режимом вращения. Такие он хотел поставить на строительную технику, транспортную и металлопрокатные станки.

Пока же рабочие закончили проверку швов и начали нагнетать давление, увеличивая жар в топке. Вадим следил за приборами, ему было важно показать мастерам, как работать с новой техникой. Рядом стоял Лев Уманский и записывал весь ход строительства.

— Все записал?

— Да, вашблагородие.

— А теперь учи, как я тебе говорил. Как выучишь, проверю.

Вадим заставлял учить главных инженеров и мастеров инструкции наизусть. Все чертежи для паровых машин он делал сам и не спешил выдавать на руки. Самым трудным он

считал не придумать технологию, а уберечь ее от конкурентов. И если лекарства или яды никто в мире повторить не мог, то его наработки в машиностроении продвинутая британия могла скопировать. Но для этого с работниками заводов беседы проводил капитан Захарченко, Вадим поднатаскал его в противодействии промышленному шпионажу. Для борьбы с совсем отпетыми лихачами вокруг Заводского и на его территории дежурили вооруженные патрули, которые проверяли гостей поселка.

Первый двигатель решили поставить на лифт, который грузил тележки с обработанной породой в печь. А сухой пар под высоким давлением перенаправили в печь с выжиганием из чугуна лишнего углерода.

Вадим сменил рабочую одежду и отправился в город, навестить одного митрополита. У Сампсониевского собора собирался народ на сочельник. Шла служба состоящая из Великих Часов с чтением Евангеля, потом священнослужители читали молитвы. Вадим стоял среди паствы. Максим, Василий и Анна пришли раньше, поэтому стояли ближе к митрополиту.

Вадим не успел стоя уснуть, как все закончилось. Люди медленно потянулись к выходу, покупая свечи домой. Анна с покрытой головой ущипнула Вадима за ногу, проходя мимо.

— Я задержусь. — он прошептал ей на ухо и пошел к митрополиту, который остался у икон. Стройный человек с опрятной бородкой, густыми бровями и глубоко посаженными глазами. Он выделялся на фоне тучных священников и казался интеллигентом не в своей упряжке.

— Дорогой Вадим, — Лаврентий дружественно улыбнулся.

— Владыка. — Вадим поклонился.

От митрополита пахло маслом и воском. Он жестом предложил пройтись, отводя Вадима в сторону.

— Сын, о тебе ходят неприятные слухи, недостойные богобоязненного христианина.

Вадим молча шел рядом.

— Но есть и хорошие: в поселке намерен ты храм построить. Думаю, что тебе не нужно объяснять, как плохо строить храм Божий на кровавые деньги?

— Объяснять не нужно, — Вадим заглянул в глаза митрополиту, — вы покажите.

— Сын, тебе стало душно? Нужно проветриться? — Лаврентий даже не сразу нашел чем ответить.

— Я прекрасно знаю, кто вас послал и для каких целей.

— Ну хорошо. С какой целью Музыканта перед честным народом повесили? Мещан ваши разборки не касаются. — митрополит приспустил свою маскировку.

— А вам не, — Вадим покрутил рукой, подбирая слово, — фиолетово, как я разбираюсь с врагами?

— Мне будет фиолетово, когда я наконец получу мебель. А то мы сорок седьмые в списки и жена уже всю плешь проела. — Лаврентий почесал бороду.

— Намек понял. На счет храма не волнуйтесь деньги там чистые.

— А со старейшинами пойдешь договариваться?

— А они готовы на мир? — Вадим задал встречный вопрос.

— Этого я не могу знать.

— Вы вмешаетесь? Вернее, чего мне это будет стоить? — поправил себя Вадим.

— А это, отличный вопрос, — митрополит взял паузу, чтобы подумать.

— Я предлагаю, а вы говорите горячо или холодно, идет?

— Да, сын мой.

— Школа при храме.

— Тепло.

— Что, две школы при храме? — удивился Вадим.

— Ну нет конечно. И одной хватит. Вернее одной не хватит, но не школы.

— Ребусы какие-то пошли.

— Что такое ребусы? — не понял митрополит.

— Загадки.

— Жизнь полна загадок.

— А пути господня неисповедимы?

— Не богохульствуй.

— В общем, будет школа, большая. Для детей и взрослых, вы будете учить божьему слову, а я другим наукам. Человек на пятьдесят.

— Хорошо, я выберу наставника.

— Нет, кого попало к детям я не пущу, будет собеседование, — Вадим остановился, — Это принципиальная позиция.

— Тогда, чтобы храм белым был. — уравновесил предложение Лаврентий.

— Идет, — Вадим протянул ладонь, чтобы пожать митрополиту руку, — а, ну да.

Лаврентий улыбнулся и пожал, пока никто в храме не видел.

— Как вы в митрополиты попали?

— По объявлению, если мне не изменяет память.

Вадим не стал ничего говорить, а просто вышел на улицу, где его ждала карета и друзья. Максим и Василий поехали с Вадимом на открытие магазина.

Сгоревший ресторан закрывал высокий забор. Строителей отпустили на новогодние праздники, чтобы после них начать полноценный ремонт. Со стороны улицы собралась толпа. Людей привлекла не только реклама, которую Вадим пустил через газету еще за месяц до открытия, но и обещанная лотерея. Ханна в легкой шубе вращала стеклянный барабан с призовыми номерами. Двадцать позиций с наградами от нового костюма до комплекта охотника. Если, например, уважаемой даме попался набор для охотника, то она могла обменять его в магазине.

— Ну вот, лотерея закончилась, теперь просим всех внутрь! — Хана пригласила покупателей в Вестник. Дамы устремились в отдел быта и готовой одежды. Вадим в течение нескольких месяцев выкупил часть ателье столицы, чтобы девушки заготовили костюмы стандартных размеров. Ткани предоставлял его завод. Все, что оставалось клиентам, так это подойти к специальной шкале, чтобы узнать свой размер. Старые квартиры переделали в большие залы с примерочными местами и зеркалами. Продавцы дежурили рядом с выбирающими клиентками, чтобы посоветовать взять костюмчики для детей, рекомендовали бижутерию и новое ароматное мыло. Отдельное внимание обращали на новинку — шампунь.

Мужская часть покупателей, в основном офицеры и чиновники направились в охотничий отдел. Вадим приготовил для них не только новинки оружия, но и сопутствующие товары для “кемпинга”. Прямо над продавцом висел плакат с рыбаком, который прятался с удочкой в камышах от жены. Офицеры сначала хихикали, а потом замолкали и покупали удочки. Тогда продавцы сразу предлагали раскладные сидушки, шампура для шашлыка, походные котелки и фляги. Новое оружие офицеры шли пробовать в подвальный тир.

Вадим днями гонял продавцов, чтобы выработать у них инстинкт, чуйку на желания. Не обязательные, но такие привлекательные сопутствующие товары опустошали кошельки, но радовали сердце.

— А ловко здесь у тебя, — Максим прошелся рядом с деревянным манекеном в зимнем маскировочном халате и с патронташем.

— Стараемся.

— А как ты один везде успеваешь? Поселок, магазин, а ателье.

— Никак, не успеваю. — Вадим поправил белую балаклаву на манекене, — Самое печальное, что не к кому обратиться за помощью. На Гертруде висят все ателье, общежития за швеями и так далее, остальное на мне. Я обращался в университет, но там не готовят управленцев. Они только в прошлом году создали отделение для подготовки учителей технических профессий. Я обращался, чтобы мне давали студентов хотя бы на практику, но пока без результатов.

Максим переглянулся с Васей. Они закончили кадетское и честно не представили уровень проблем, с которыми Вадим боролся в Петербурге.

— Я готов и планирую открыть техническое училище в заводском, но пока не найду времени и ректора. — Вадим замолчал выжидая.

— Мы с Максимом обсудили и хотели бы работать с тобой, если можно? — неуверенно заявил Василий.

— Братцы, что же вы медлили! — Вадим обнял каждого до хруста косточек, — Я уже думал, что не дождусь. Я же знаю, какого это прозябать в нашем пыльном Оренбурге.

— Мы ходили с тобой смотрели, и я не знаю, чем мы тебе можем помочь. Солдат у тебя уже гоняют. — Максим не разделял энтузиазм Вадима.

— Ну не солдатики, а охрана, — поправил Вадим, — Ими пусть Захарченко занимается, у него хорошо получается. А для вас у меня есть несколько предложений, от которых вы не сможете отказаться.

— Максим, это засада! — Василии громко зашептал Максиму на ухо.

— Согласен, нужно отступить и перегруппироваться.

— Ладно вам, пойдемте в ресторан отдохнем. — Вадим вывел друзей к карете на улицу.

Оставшуюся до Нового года неделю Вадим потратил на подпольную борьбу со старейшими. Город в преступном мире делился на три части: нейтральные, залетные и воюющие. Залетными называли иностранцев, случайных бандитов или гостей из других городов, например, Москвы или Новгорода. Вадим не трогал нейтралов, Старейшины же почувствовали слабость и разгромили несколько бандитских укрытий. В лоб на Заводское или ателье не лезли, так прибежал какой-нибудь подросток, чтобы бросить камень или украсть кошелек у покупателя. Но на каждого голодранца находился строгий Петр, который если не метлой по спине, то кулаком по зубам объяснял правила поведения в приличном месте. Вадим продолжал зачищать бизнес-конкурентов. Иногда его люди возвращались с добычей, иногда ранеными или не возвращались вовсе. Тридцатого декабря отряд во главе с Миколой и Алексеем выехал по адресу, который принесли добрые люди.

Старый склад стоял на отшибе города. Подъезд к нему замело снегом, который никто не спешил чистить.

— И здесь, они хранят награбленное? — Алексей спустил маску с лица, а то шерсть в рот попадала.

— Ну, так никто не догадается же. — Микола зевнул. Его мешки под глазами

выглядывали даже через прорези для глаз.

— Микол, я салатик хочу. Сколько можно ездить по наводкам и морозить ну то самое?

— Я здесь с тобой, тоже морожу то самое, что ты хочешь?

— Стоп, — Алексей потянул за вожжи. — Вон, смотри!

Алексей показал на тело человека, которого присыпало снегом у двери склада. Они остановились. Мужчина лежал на земле и обнимал металлическую трубу.

— Я пойду посмотреть, — Микола слез с повозки и достал револьвер. Он осторожно пошел по кругу, осматривая склад с разных сторон, — Чисто, идемте.

На земле все старые следы занесло снегом. Никто не навещал склад за последние пять дней.

— Хех, вол кора. — Алексей показал Миколе на труп. Пожилой мужчина с растрепанной бородой торчал на половину тела из-за тяжелой двери. Повеселил же Алексея тот факт, что мужчина лежал в обнимку с толстой металлической трубой, которая уходила за стенку, и примерз к ней языком.

— Ты представляешь? Очочуриться на холоде, потому что прилип языком? — Алексей присел, чтобы поближе рассмотреть лицо умершего.

Микола тяжело вздохнул и хотел помассировать глаза, но ему пришла отличная идея. От неожиданного пинка Алексей ударился головой о трубу. В ушах загудело, а внутри склада пошел звон. Микола и бойцы заржали. Алексей попытался встать, но рот обожгла волна боли. Он примерз языком к трубе прямо лицом к мертвецу.

— Уууу, фука! — Алексей дернулся, чтобы силой оторвать язык, но только сильнее ударился о трубу. Он повернулся, чтобы посмотреть на своего друга-злопыхателя, но Микола и бойцы больше не смеялись. Они наставили оружие на приоткрывшуюся дверь склада. Мертвец, который обнимал трубу, торчал наполовину потому, что у него не осталось ног. Его, как перерубило ниже груди, оставив только лоскуты одежды. Микола осторожно подошел, направляя револьвер в глубину склада, и дернул Алексея.

— Ах, — Алексей попятился от двери ползком, пока не встал за бойцами. На трубе осталась кожа с языка.

— Если там кто есть, то лучше выходи! — прикрикнул Микола и жестом приказал бойцам зажечь лампу.

Тонкий луч масляной лампы слабо разрезал темноту склада. Среди сломанных стеллажей и ящиков лежали тела.

Алексей прикрыл рукавом нос. Даже замороженная мертвечина пропитала собой все.

— Микол, смотри, у него мозги застыли как холодец твоей мамы, — у Алексея болел язык, но комментарий он сдержать не смог, — я больше не смогу есть холодец твоей мамы.

— Ага, я тоже, — Микола повел лампой по складу, пока не нашел труп без головы.

Судя по комплекции — мужчина, в фраке держал стопку черных карточек. Останки головы в виде крошки от черепа лежали на деревянном полу.

— Это слишком. — Алексей попятился к выходу, когда Микола протянул руку, чтобы взять одну из карточек.

Между стеллажей к трупу проскользнула тень. Алексей нахмурился и взвел револьвер. С улицы подул холодный ветер, который уронил стеклянную банку. Стекло лопнуло, расплескав испорченную жижу. На руку Миколы с трупа прыгнула жирная крыса.

— Ух! — щелкнул ударник револьвера в руках у Алексея. Крысу развернуло в полете. Она дырявой мишенью упала в открытую ладонь Миколы.

— Да мать твою! — Микола сбросил на пол простреленную крысу и пинком отправил ее изучать дальние края склада.

— А хорошо полетела, — присвистнул Алексей.

— Ты мог меня пристрелить! — Микола с кулаками пошел на друга.

— Ладно, ладно, давай здесь все сожжем? — Алексей пошел к выходу, выталкивая бойцов.

— Нет, сжигать не будем.

Они ушли и закрыли дверь, затолкав тело внутрь. Ехали молча. Без ресторана в центре города всем приходилось ютиться напротив Вадима в снятой квартире. Собственно к Вадиму с докладом они и пошли.

— Ну и тут на него, как прыгнет крыса, я в нее бах! — Алексей прикладывал к языку кусочек вымазанной в зеленке салфетки и рассказывал о походе.

— Ясно, карточки вы взять не догадались? — Вадим стоял перед зеркалом и завязывал галстук.

— Стрёмно, — Микола отхлебнул чаю.

— Разберемся. Идите, отдыхайте.

Микола и Алексей пошли к себе, а Вадим заехал за Анной и направился в гости к Пьеру. Анна нарядилась в новое вечернее платье от Гертруды с разрезом посередине цвета изумрудной зелени, французский бельевой корсет и чулочки на подвязках.

— Раньше в Питере был человек в фиолетовом, а теперь дама в зеленом? — посмеялась Анна, когда примеряла изумрудное ожерелье.

— Оно подходит к твоим глазам, — Вадим поцеловал Анну и взял со стола заготовленный подарок, над которым сидел в мастерской.

Пьер Морель переехал в новое поместье. Рядом с кованым забором дежурили вооруженные охранники, а соседние улицы патрулировали жандармы. Хозяин вместе с дочкой встречал гостей у входа. Милая Мари с шрамом в виде звезды на лбу жалась к Пьеру при виде каждого гостя, и когда подошли Вадим с Анной, девочка спряталась.

— Рад тебя видеть, мой друг! — Пьер обменялся рукопожатием с Вадимом и поцеловал Анне руку.

— Взаимно. И у меня кое-что есть для твоей красавицы, — Вадим кивнул на Мари.

— Мари, познакомься с Вадимом.

Мари вышла, приподняла голубое платье и присела в книксене.

— Месье.

— Прелесть, — Вадим ответил поклоном и протянул Марии шкатулку из красного дерева с выгравированным рисунком на крышке.

— Мерси. — Мари обняла шкатулку и спряталась за Пьером.

— Подожди, шкатулка не откроется без ключа, — Анна вручила девочке бархатную коробочку с цепочкой, на которой крепился ключик.

— Вадим, вы нас балете, проходите, пожалуйста, — Пьер запустил гостей, прошептав Вадиму на ухо, — я попрошу ваше времени позже.

— Конечно.

Пьер и Анатолий вращались в сфере дворянства, которая склонялась к французскому пути для России, может быть не такому кровавому, но точно конституционному. Среди приглашенных была семья Гааза. Варвара Федоровна и Федор Петрович поймали Вадим с Анной после танца.

— Какая у вас прелестная компания, — Вадим поздоровался первым, поймав улыбку Вари, за что получил чувствительный толчок локтем в бок.

— Варя — девушка современных взглядов, я, честно говоря, не успеваю за ней.

— А я рада, что ты наконец вылез со своего завода. Так, давно не заходил к нам в литературный клуб, некому поэтов от Дарьи отгонять, — Варя лукаво спряталась за отцом от прощительного взгляда Анны.

— Она взрослая, сама справиться. Дамы мы вас оставим на минуту, — Вадим подцепил доктора под руку и отвел в сторону, — Федор Петрович, я хотел узнать, как дела у моих подчинённых.

— Вадим Борисович, ваша бриллиантовая зелень очень помогает с воспалениями. Я для эксперимента попробовал прочищать раны и инструменты как вы посоветовали и да, эффект есть.

— Почему бриллиантовая?

— Варя пошутила, что изумрудная зелень — тавтология, вам не нравится?

— Нет, она права, давайте так и называть, — Вадим улыбнулся только ему понятной иронии, — вы хотели написать статью?

— Позже. Сейчас набираю материал, думаю нанять еще лаборантов. И у меня к вам вопрос, который меня давно волновал, — Федор Петрович проверил, чтобы рядом никто не подслушивал, — Помните, когда вы принесли гувернантку Вари?

— Царство небесное, — Вадим насторожился.

— Ее же ранили ножом? В подворотне. Но умерла она от травмы шеи.

— Может, ударилась, когда упала? — предположил Вадим.

— Конечно, может. Но характер травмы такой, если бы, даже не знаю, — доктор замямлил в нерешительности, — Мне пришлось прыгать на свиную голову, чтобы у нее хотябы близко так же сломалась шея. Что-то очень сильное просто порвало позвонки.

— Не знаю, чем вам помочь, — Вадим взял со стола, с закусками фужер с шампанским.

— Может, и упала, вы правы. Только если бы вы принесли ее мне просто с ножевым ранением, то она бы страдала несколько недель, прежде чем отказали бы почки. Страшная смерть, я такие на войне встречал.

— Значит, несчастной повезло, — Вадим надавил голосом, показывая, что тема ему неприятна.

— Так, так. Но я бы сказал спасибо, если бы кто-то смог также прервать мои мучения, — Федор Петрович взял в руки шампанское.

— Давайте выпьем с вами за то, чтобы никогда до такого не дошло! — Вадим предложил тост, доктор согласно поднял фужер.

— А теперь к дамам, а то они нас потеряли.

Вечер набирал обороты. Варя успела затеряться среди кавальеров, а Вадим как грифон кружил рядом с Анной, чтобы никто не перехватил его красоту.

Но вот промелькнуло знакомое лицо Пьера. Он оставил дочь в компании няни и выцепил Вадима на разговор.

— Я узнал, что вы отказались вести дела с англичанами, — в лоб начал Пьер.

— Они сами виноваты, — пожал плечами Вадим, пока они заходили на второй этаж гостевого зала.

— А как вы смотрите на торговлю с Великой Францией?

— В целом хорошо, но важны мелочи, что вы предлагаете?

— Завод по производству тканей? — с надеждой спросил Пьер.

— Мы оба знаем, что это невозможно, — Вадим останавливал сразу все попытки в этом направлении.

— Тогда морская торговля. Отгружаем в портах Петербурга ткани, отвозим во Францию.

— Давайте я сделаю встречное предложение? — Вадим хотел игры на своих условиях, — Производство в России, здесь банально дешевле. Дальше на кораблях во Францию, в наши с вами ателье.

— Как у вас в Петербурге? — Пьер Морель задумался.

— Я даже готов идти дальше. У меня в Риге сейчас стоит готовый корабль. Он может отвезти первую партию, но я вас уверяю, скоро одного клипера не хватит, — Вадим показал на гостей в зале, многие из которых носили фиолетовые цвета. И среди колышущегося моря парил изумрудный цветок — Аня.

— В ваших словах есть правда, — Пьер облокотился на перила балкона, который нависал над залом, — У меня есть корабельная верфь, в Мадриде, могли бы заказать корабли там.

— Это было бы отлично, все Российские или устарели или переполнены. Но есть еще одно.

Пьер замер, готовясь ловить каждое слово.

— Если у меня дела с англичанами не очень, то это не значит, что у вас они должны быть плохими.

— Честно говоря, я с вами не согласен. После некоторых вещей, некоторые из которых вы мне и вскрыли, я не смогу пожимать Лами руку.

— Я не представляю, что может быть приятнее, чем зарабатывать на Лами, — Вадим сжал кулаки, — Я не буду с ними торговать, но, но! Вы по секрету от меня будете продавать им ткани и одежду, конечно, дороже.

— Втайне?

— Пусть, думают так, — Вадим кивнул, и они пошли спускаться на первый этаж.

— Хорошо, я пришлю вам своего душеприказчика, — Пьер замер, — и спасибо за подарок. Мари очень понравился.

— Так и задумано.

Вадим и Анна уже собирались уходить, когда у входа прозвучал знакомый голос. На балл, сильно опоздав, пришел Анатолий Демидов в компании бледной девушки в платье старого покроя. Старого для пестрящего фиолетовым Петербурга, конечно. В какой-нибудь Франции ее бальное платье нежного розового оттенка кричало бы о дороговизне и передовом фронте моды.

Анатолий в английском фраке стоял измученный до невозможного и слушал исповедь на французском.

Вадим решил, что друга нужно экстренно спасать. Он по ходу зацепил пару фужеров с шампанским и прокричал:

— Толя! Ты как всегда, вовремя!

Вадим, широко улыбаясь, расставив руки с фужерами, чтобы обнять друга, не дошел трех шагов и упал. Анна растерялась и наклонилась поднять Вадима, только чтобы встретить два сверкающих источника злобы на бледном лице спутницы Анатолия. Случайно пролитое шампанское не только смыло белила и тени с лица, но еще изрядно намочило бюст. Весь дугообразный объем платья смылся до естественных размеров мадмуазель. Анатолию хватило одного взгляда, чтобы разглядеть надвигающуюся бурю. Он подскочил к шатающемуся Вадиму и, сдерживая смех, спросил:

— Ты не ушибся?

— О, друг! Нет, только я, кажется, испортил платье, твоей спутнице. Прошу простите меня, вечер затянулся, — Вадим кивнул на потерпевшую, которая закипала не хуже чайника.

— Месье, вы свинья! — у нее нервы не выдержали.

— Матильда, он же извинился! — Анатолий разрывался на две части: мужскую и человеческую.

— Мадмуазель, я приношу искренние извинения, — Вадим поклонился Матильде и краем глаза поглядывал на Анатолия.

— Ха! Что мне ваша искренность, когда весь вечер испорчен? — Матильда сдула прядь волос, которая выбилась из прически, — Антуа, я хочу, чтобы этот неуклюжий человек заплатил за испорченное платье. Мне его сшили в Париже! В доме самого Луи!

— Ну это не проблема, приходите ко мне в ателье, познакомим вас с Петербургской модой, — Вадим посмотрел по сторонам, чтобы поставить пустые фужеры.

— Петербургской? Этой дыры? Чтобы я носила, что-то вроде этого? — Матильда подбородком указала на платье Анны.

Анна только улыбнулась и скрестила руки на груди так, чтобы подчеркивались все натуральные объемы. Вадим скопился одними глазами и кашлянул в кулак.

— Матильда, это перебор! Ни в какие рамки, мы уходим, — Толя покраснел от стыда. Он очень хотел сказать грубость, но кровь дипломата взяла свое, чтобы попросить спокойно, — Домой, сейчас.

— Я-то поеду, но без тебя. А ты оставайся со своим дружкой, — Матильда развернулась и ушла.

— Ви энд, — прошептал Вадим.

— Вадим, эм, — Анатолий не знал, как зовут спутницу Вадима.

— И Анна.

— И Анна, мне очень жаль, что вам пришлось стать свидетелями этой сцены. Мне нужно мгновение, чтобы подумать, — он поклонился и пошел к столу с шампанским.

— Дорогая, нежная моя, сегодня я не смогу сопровождать тебя до дома. Долг друга обязывает помочь человеку, после такой трагедии.

— Иди, спасатель. Только по девушкам не тащи, — посмеялась Анна.

— Никаких сомнительных походов. Анатолий очень приличный человек и ценитель литературных клубов.

— Ага, знаю я ваши литературные клубы, — Анна стрельнула глазками в зал, в поисках одной дочки доктора.

— Ты лучшая.

Когда Вадим освободился, Анатолий уже пил. Пытался. Шампанское без обогащения углекислым газом пьянило не сильнее вина.

— Ты чего так переживаешь? Мало в мире этих француженок? — Вадим подошел к Толе и похлопал его по спине.

— Ты не понимаешь, такая только одна. Мы ведь помолвлены, — он задумчиво потер край фужера пальцем, — Ну или были, я уже не уверен.

— Уф, я, конечно, ничего не хочу говорить, — Вадим аж удивился, на какое лицемерие он способен, — Но ты уверен? В России есть ТАКИЕ сокровища, ради чего ты отворачиваешься? Ради жизни на чужбине, так еще и с чужой душой под боком. Вот, попросишь ты ее приготовить тебе драники, а она только руками разведет.

— Что за драники?

— Ууу, как все запущено. Вас дипломатов хотя бы раз в год нужно домой выдергивать. Я считаю, что сидеть где-то в Берлине, нужно только в компании родственной души, — Вадим взял Анатолия за плечи и привел к столику, за которым беседовали Варя с Дашей.

— Варвара Федоровна, — у Анатолия от нервов дрогнул голос, — А вы, вы умеете готовить драники?

Варя глазами хлоп, хлоп.

— Не умею, но если нужно, то научусь.

Вадим выдрал из записной книжки бумажку и перьевой ручкой начеркал простенький рецепт.

— Научилась, — Варя заглянула в бумажку и улыбнулась Анатолию.

— Дарья, а не составите мне компанию на один танец? — Вадим отвел подругу Вари в сторону вальсирующих.

— Конечно, — Дарья долго следила за Верой, пока не потеряла ее из виду.

— Не волнуйтесь, Анатолий — порядочный человек.

— Как и вы? Когда стоит вашей Анне уйти, вы приглашаете девушек на танец?

— Танец еще не помолвка, — Вадим умилился наивности Дарьи и повернулся посмотреть, нет ли рядом Ани, — Кажется, дело пошло, хорошего вам вечера.

Вадим поклонился и оставил Дарью. Он вышел на улицу, потому что увидел как Анатолий и Варя мило шушукуются в углу зала. На улице стоял мороз. Окна домов покрыл причудливый рисунок, в котором отражались уличные фонари.

Вадим шел по бульвару, проваливаясь в снег, и думал. Думал о том, чего достиг, какой путь перед ним еще лежал, какие препятствия встанут и чего ему будет все стоять. Несмотря на все странности, он оставался человеком. Не самым лучшим, добрым или честным, но

ровно таким, каким нужно быть для работы.

В его квартире горел свет. Вадим поднялся по лестнице, чтобы встретить бодрствующего Ефима. Денщик сидел за столом на кухне и пил чай, ожидая Вадима.

— Анна пришла?

— Уже давно, не шумите, спит.

Вадим не чувствовал голода, физической усталости, но он чувствовал заботу друзей, переживания Ефима. Он чувствовал свою ответственность за работу.

— Ты сегодня не отправлял почту?

— На Дальний Восток? Отправлял. Пока без ответа. Как и все предыдущие месяцы.

— Ну а что ты хочешь. Полгода туда, полгода обратно, почта России. — пошутил Вадим, наливая себе чай.

— Вы когда решитесь?

— На что? — Вадим решил включить дурочка, но Ефим его слишком хорошо знал.

— Уже купили? — старый солдат хитро прищурился.

— Лучше, сделал сам. — Вадим достал из внутреннего кармана жилетки коробочку.

— Эх, молодежь, в наше время о таком не задумывались, просто вели под алтарь.

— Да и сейчас так немодно. Кстати, отличная идея, нужно только найти обработчиков алмазов. — Вадим убрал коробочку, а Ефим отодвинул чай, встал и подошел к Вадиму.

— Ты это чего?

— Вы совсем взрослым стали, — старик обнял Вадима и похлопал его по ребрам.

— Ефим, ты чего руки распустил? — чуть придавлено спросил Вадим.

— Я проверяю, сколько у вас рук. Так, все успевать. Вы и на балу танцуете и заводы строите, прям как Борис Владимирович.

— Отец. Он ничего не писал в последнее время?

— Пока писем не приходило.

Вадим почесал ухо. Он отправлял рождественские и новогодние поздравления домой, ответ мог просто еще не прийти.

— Нужно будет съездить, повидать старика.

— Это Борис Владимирович — старик? Ха! Да он, наверное, как Сережа съехал, балль начал давать, да по гостям ходить, — Ефим рассмеялся и вернулся за стол.

— Знаешь, Ефим, а поеду летом в Оренбург. Дела и там найдутся, а здесь все передам Максиму с Василием, посмотрю, как будут справляться.

***

Новогодние и Рождественские праздники слились в череду встреч и разговоров, в результате которых десятого января в Заводском собрались все заинтересованные в паровых машинах.

Вадим первым делом показал, как загружают доменную печь с помощью парового двигателя. Раньше люди и конная тяга затаскивали обработанную породу в горн, теперь многотонная корзина затаскивалась по направляющим.

— И так можно любую породу грузить? — спросил любопытный торговец из Москвы. Он поставлял Вадиму руду.

— Вы хотите установить вагонетки в шахтах?

— Верно, — улыбнулся москвич, потирая руки.

— Да, так тоже можно. У меня есть несколько идей, как поставить машину на колеса, чтобы не строить для каждой шахты отдельную, — Вадим вел гостей к механическим цехам.

Сначала обработка дерева для мебели.

Вторая, уже серийная машина стояла в пристройке к зданию и вращала вал. К валу подключались пилы и станки. Вадим с удовольствием оценил задумчивую реакцию Естислава, деревового которого пилили на доски, а уже доски превращали в ножки для стульев, столов и так далее.

— Следующая машина пойдет для обработки стволов ружей и мушкетов, — Вадим хвастался перед гостями, завлекая их своей продукцией.

— Откуда вы берете сверла? — спросил Мальцев Сергей Петрович. Владелец стеклянных и хрустальных заводов в Можайске, всего предприниматель владел двумя десятками заводов. Он построил под Москвой рельсопрокатный завод. На его фоне владения Вадим выглядели скромно, если не учесть, что один поколениями зарабатывал и строил, а другой только летом приехал.

— Делаем сами. Я активно экспериментирую с составом стали, чтобы повысить прочность.

Вадим показал мыльное и тканые производства. К сожалению, ему удалось заинтересовать не всех гостей: Анатолий Демидов откровенно скучал. Когда вышла возможность, он подошел к Вадиму.

— Я то тебе здесь зачем?

— Так, у тебя вроде тоже есть какой-то завод, — Вадим изобразил дурачка, — что-то с металлом связано.

— Заводик, ага. Ладно, просто я не интересуюсь. Есть управляющие. Мы с отцом следим, чтобы выплачивалась выдающимся ученикам стипендия, — Анатолий зевнул.

— Ты что, работал ночью? — спросил Вадим, отчего Толя покраснел, — Как там Матильда?

— Уехала во Францию. С ней покончено, — Анатолий спокойно махнул рукой.

Вадим похлопал друга по плечу, не сказав, что догадался о новой пассии по тонкому запаху, и выглядывающему из-за ворота засосу. Пусть радуются.

— И что, куда заведет министерство нашего дипломата? Во Францию ты же не поедешь?

— Здесь ты прав. Госкливо там. Но я пока не решил.

— А ты не хочешь рискнуть? — Вадим взял Анатолия, который совсем не любил рисковать, за плечи. — Почему не Османская Империя?

— Ты шутишь? Что там делать? Дыра же!

— Как это дыра? Константинополь ломится от европейских чиновников, а из города тебе и шага не придется делать.

— Нет Вадим, на такие экспромты, только ты способен.

Пока они разговаривали, гостей развлекали Максим с Василием, которые пробовали себя в новых ролях. На голову Василия выпала обязанность устанавливать контакты. Он как самый общительный находил подход к поставщикам вроде купца из Москвы. Максим же разгребал накопившиеся отчеты. На него ложилась тяжесть внутреннего управления, персоналом и предприятиями. Конечно, друзья вложились в общее дело материально.

— Ты правда собираешься открыть оружейный завод? Разве для этого не нужно разрешение? — Анатолий показал пальцем в небо.

— Я уже подал заявку в министерство. На моей стороне заказ от адмирала Горынина, крупный счет в банке и деловые связи, — пояснил Вадим.

— А это у тебя что? — Анатолий показал на цеха.

— По документам — мастерские.

Презентация закончилась. Увещевания Вадима привели к тому, что в середине февраля подписали документ о вхождение в Вестник новых акционеров. Анатолий тоже вошел, чтобы поддержать друга, но без особых возгласов. Главной победой Вадим считал Естислава Павловича, который и так его поддерживал, и Мальцева. Естислав первым делом заказал машины на свои лесопилки. Он владел обширными землями в Архангельской Губернии и активно скупал участки в Перми, по дружескому совету.

— Вадим, как у вас получилась такая маленькая машина? — спросил Мальцев после подписания договора.

Они отмечали знаменательное событие в ресторане.

— Вы сколько раз используете пар в машинах? — Вадим отвлекся от ароматной головы сома.

— Не понял, это как?

— У вас котлы, наверное занимаю целые залы, верно? — предположил Вадим. — а поднять груз или привести в движение корабль пока трудно. Проблемы с топливом, залу чистить неудобно и так далее.

— Вы бывали на моих заводах?

— Нет, просто англичане прошли через тоже. Они уже прошли, а мы плетемся.

Мальцев достал записную книжку и оставил в ней пометки карандашом.

— Вы боитесь выдать секреты? — спросил он.

— Вам? Нет. Вы Сергей Петрович работаете на государство, а я на себя и частных, — Вадим кивнул на Естислава, — как думаете, сколько царь купит вашей железной дороги? Пока Николая Павловича убедят те, кто на вашей стороне, пока отговорят те, кто против вас или просто не хочет тратить деньги на журавлей в небе, я уже пушу паутину по стране.

Сергей Павлович рассмеялся.

— Что же вас друг мой, заставляет думать, что вам позволят?

— А что же не позволять? Захотел губернатор провести железную дорогу, представил отчет императору, что увеличил продукцию региона и готово. Просить прощение легче, чем спрашивать разрешение.

— Легко у вас.

— Посмотрим, — философски заметил Вадим.

— Простите, Вадим Борисович, вам просили передать, — к столу подошел посыльный с конвертом. Вадим заглянул внутрь. Там лежала черная карточка с приглашением на переговоры.

— Спасибо, возьми, — Вадим протянул ассигнацию посыльному.

Параллельно с расширением компании Вестник шла борьба. Борьба нового и старого преступного мира Петербурга. Вадиму противостояла группа уважаемых авторитетов. Они привыкли действовать из тени, поддерживая свои дела через посредников, но здесь им пришлось выйти на свет.

Неформальным главой выступал Князь — старый вор, домушник который специализировался на домах высоких чиновников. На старость лет он обучал новое поколение себе на смену.

В противовес Князю выступал Доктор. Матерый самогонщик, который находил пути спаивать беднейшее население столицы. Десятки подпольных самогонщиков трудились для

его развитой сети.

Вынужденно к ним когда-то присоединился Пастырь, бывший священник зарабатывал через многочисленные публичные дома.

Три дополняли люди поменьше в возможностях, но не меньше в аппетитах.

Настала пора поставить точку.

Вадим собирался навстречу. Он подготовил подарок и хотел оставить после себя впечатление.

— Вадим, ты снова уходишь? — Анна сидела у зеркала и заполняла дневник.

— Не надолго. Решу пару вопросов и вернусь.

Он ехал со спокойной душой. Отряды ждали сигнала, затаившись в городе. Сейчас под Вадимом ходило больше сотни головорезов, прошедших армию, и попробовавших уличные бои. Денег на их содержание уходило невероятно.

Карета остановилась у старого дома. Каменные стены пережили нескольких императоров и владельцев, хранили историю и память. Вадим вышел на улицу в шубе. Его сопровождал капитан Захарченко и все. Встреча узким кругом.

Услужливый дворецкий проводил гостей на второй этаж в большой зал с круглым столом в центре. Захарченко, слабо позвякивая, встал у двери. Он носил черную шубу, полностью закрывающую тело, и не спешил ее снимать, пусть и потел как собака.

— Ты только голову не забудь прикрыть, — прошептал Вадим и пошел к столу, за которым уже собрались авторитеты в аккуратненьких таких костюмчиках. Если не знать, к кому пришел, то можно было спутать с клубом анонимных ценителей бабочек.

Суховатый Князь, похожий на мертвеца обтянутого кожей, беспокойный Доктор, который смахивал со стола невидимые крошки, полноватый Пастырь и еще двое. В углу комнаты стояли сопровождающие авторитетов, по одному на каждого.

— Ты опоздал, Призрак, — первым заговорил Князь.

Вадим осмотрел комнату в поисках стула для себя, даже заглянул под стол, чтобы продемонстрировать свое недоумение.

— Зря стараешься, для тебя ничего нет, — с усмешкой заявил Пастырь и сложил руки на груди.

— Прежде чем начнем, нам нужно убедиться, — Доктор кивнул сопровождающему, который поднял ведро с пола и облил Вадима водой.

— Святая. О тебе много сказок: то ты умертвень, которого не берут пули, то в огне не горишь, — пояснил Князь, под ржач сопровождавших.

Вадим выплюнул струйку воды и разгладил волосы. Князь продолжал говорить, но Вадим его уже не слушал.

— Мне насрать, — он грубо перебил говорившего, — Мне так насрать, что вы не представляете.

Вадим достал из кармана шубы мешок и бросил его в центр стола.

— Мне так насрать, что я заполнил этот мешок для вас.

Доктор заглянул внутрь, только чтобы удивленно заявить:

— Но, там же пусто!

Вадим шелкнул пальцами, как будто что-то вспомнил.

— Забыл наполнить, но ничего, рядом есть лавка, она работает с восьми до девяти, — он достал карманные часы, — Ах, уже девять ноль четыре...

— Да что мы его слушаем? — Доктор нервничал, поэтому Князь удержал его за плечо.

— Призрак, тв просил напомнить, — подал голос Захарченко.

— Точно, точно, — Вадим постучал по голове пальцем и поставил на стол маленькую шкатулку с отверстием под монетку.

— А сейчас, ты скажешь, что тебе так насрать, что нет монеты? — предположил Пастырь.

— Нет конечно, — улыбнулся Вадим, — ведь у меня есть монета!

Он вложил рубль и внутри зашумел механизм. Крышка открылась, но чертик с табличкой "насрать" застрял и полностью не вылез.

— Вот черт, насрать застрял! — Вадим преувеличенно хлопнул себя по ноге.

— Да ты издеваешься! — сопровождающие нервно потянулись к оружию.

— Подождите, Призрак, у меня есть два насрать по цене одного рубля! — заржал Захарченко, — Ох, черт!

Он пригнулся, прикрывая голову руками. Вадим скрежетнул зубами и пнул стол, переворачивая его. В комнате загремели выстрелы. Бандиты разряжали в Вадима все, что было, выбивая куски шерсти из его шубы, но в ответ получали револьверные выстрелы и падали.

Захарченко поднял голову, в него несколько раз попали, но старая драгунская броня выдержала. Толстый нагрудник выдержал пистолетные выстрелы, а большего и не требовалось.

По полу ползал подстреленный в колено Князь.

Вадим дернул рукой, сбрасывая отстрелянные гильзы из револьверов. Кожа на его голове покрылась серой запекшейся коркой в местах попаданий. Свинцовые пули смятыми блинчиками застряли в коже и не падали.

— Поигрались и хватит, — Вадим присел над Князем и подтащил его к себе за ногу, — Сейчас я буду спрашивать, а вы отвечать.

— Ты ничего не знаешь! — Воскликнул раненый в живот Доктор. Он сидел прислонившись к стене и тихо подвывал от боли.

— О, вы еще не знаете мои аппетиты, — с этими словами Вадим снял сапог с ноги Князи и под крики ужаса оскалился.

Они закончили за полчаса. Захарченко вышел на половине процесса и согнулся над ведром, в котором раньше была святая вода.

— Вадим, они перегнули палку, но чтобы так... — Михаил показал на дрожащего Пастора, которой сжался в позе эмбриона с закутанной в платок рукой без пальцев.

— Сами виноваты, — Вадим прополоскал рот водкой из фляги и вышел из комнаты.

К дому подъехал экипаж с Кондратом и бойцами.

— Грузите их, — приказал Вадим и протянул Кондрату список мест, обязательных для посещения. Одним из таких мест стал недостроенный театр на окраине города, для которого Музыкант шантажировал строителей. Вадим ходил по сцене, проверяя качество работы, когда Алексей и Микола привели дрожащего Музыканта в стареньком костюме. Старейшины вытащили его из тюрьмы, после происшествия с крестом у рынка.

— Что вы здесь хотели сделать? — громко спросил Вадим, проверяя акустику.

— Театр, — Музыкант заикался от страха, — только не бейте.

— Да кому ты нужен, убогий, — посмеялся Алексей.

Вадим спрыгнул со сцены, пол под ним прогнулся.

— А кого хотели назначить управляющим?

— Меня, — Музыкант не понимал, что происходит.

— Странная идея, в Петербурге полно театров, зачем еще один? — Вадим покрутился на месте. В зале не хватало первых рядов, и ниша для оркестра пустовала, — вот я здесь вижу дом моды! Такой, где девушки смогут показывать модные наряды, — Вадим дошел до центра зрительских мест, — Вот досюда будет подиум, окруженный зрителями. Ты понимаешь?

— Наверное, — побледнел Музыкант.

— Жить хочешь?

— Хочу...

— Значит, поймешь, — улыбнулся Вадим и хлопнул в ладоши, отчего музыкант дернулся.

— Пойму.

— Уведите.

Алексей и Микола потащили пленника на выход.

Февраль заканчивался, как и все главные дела с преступным миром Петербурга. Без Старейшин сопротивление распалось на мелкие группки, которые предпочли договориться, посылая представителей. Вадим не собирался занимать ниши, просто не терпел организованного противодействия.

***

Майор Алексей Игнатьевич ехал по очередному вызову. За последний месяц его завалили жалобами на революционеров и заговорщиков. Отделению не хватало людей.

— Что у вас? — спросил Алексей Игнатьевич у дежурного колоточника, который стоял рядом со старым каменным зданием на границе Петербурга.

— Так, здесь это, послание, — околоточный протянул майору фиолетовую карточку с белыми буквами: "Подарок майору Алексею Игнатьевичу от В."

В запертой комнате на втором этаже дома остались, если живые главари, некогда называемые Старейшинами. Позднее по почте майору пришел толстый пакет со всеми грехами Старейшин. Отправитель остался неизвестным, официально.

Вадим читал письма в поместье. Корабль Вестник ушел с первым грузом во Францию, с Ромашкой в роли первого помощника, чтобы набирался опыта.

Рядом с рабочим столом сидела Анна в большом кресле и читала книгу, какого-то российского современника. Тихая и в чем-то даже отрешенная.

— Ань, как тебе жизнь в столице?

Анна закрыла книгу и убрала упавшую прядь волос.

— Шумно, много серых людей, но я рада. У меня появилось много новых знакомых, друзей. Ты рядом.

Вадим колебался. Не мог убедить себя, что это действительно нужно для дела. Что нужно жить с не любимой.

— Знаешь, я... — он замолчал, думая, как выразить мысль.

— Я нашла кольцо, — Анна нервно кашлянула. — Давно.

Вадим почувствовал, как в груди растет засасывающий водоворот тоски.

— Я ждала. Видела, как ты отдаешь себя работе, уходишь по ночам или запираешься в кабинете. Ты никогда не спишь. Ешь, если напомнить, — она говорила спокойно, но в глазах стояли слезы, — Ты, как вернулся из похода, стал одержим. Заводы, оружие, все эти промышленники. Я не говорила и не скажу Максиму с Васей, что они стали удобными инструментами. Для тебя все инструменты.

— Ты меня видишь насквозь, — выдавил улыбку Вадим.

— Я не хочу становиться инструментом.

— Тебе и не нужно, — Вадим открыл ящик стола и достал коробочку с кольцом. — Я тоже не хочу, чтобы ты становилась инструментом. Слишком нечестно.

— Ты хотел сказать бесчеловечно? — Анна тыльной стороной ладони вытерла слезы.

— Мы с тобой, просто разные, — Вадим вынул кольцо и щелбаном запустил его крутиться по столу.

— Я уеду, учится.

— Хорошо, чем я могу помочь?

Вадим оторвался от кольца, чтобы посмотреть Анне в глаза. И увидел такой же водоворот печали.

В дверь кабинета постучали.

— Не вовремя! — в голосе Вадима появились стальные нотки.

— К нам гости, Вадим Борисович, очень важные, — донесся глухой голос Ефима.

Вадим кашлянул и встал открыть дверь. В прихожей стоял Местечкин Алексей Игнатьевич с новыми эполетами полковника. Его сопровождало двое караульных с ружьями. Ефим бледный стоял, понутив голову.

— Господа? — Вадим наклонил голову.

— Вадим Борисович, ваз вызывает к себе генерал жандармерии Щедрин, по вопросу государственной безопасности, на беседу.

— Беседу? Отлично, давно хотел познакомиться, — Вадим открыл дверь кабинета и жестом пригласил пройти, — Я думаю, что с пустыми руками не хорошо ходить на встречи. Позвольте одеться?

— Конечно, — Местечкин прошел и поклонился Анне, — мадам.

— Ваше высокоблагородие, что-то случилось? — забеспокоилась Анна.

— Мы заберем вашего друга на беседу.

Вадим надел сюртук и взял со шкафа две бутылки вина. С кухни Ефим принес корзину фруктов.

— Поехали.

— Ваш слуга останется, — Местечкин кивнул на Ефима, — и никакого оружия.

— Конечно, — Вадим состроил оскорбленное лицо и пошел за полковником.

Карета выглядела мрачно черной на фоне белоснежного ковра вокруг усадьбы. Заводское работало и не заметило, как Вадима забирали. Захарченко Вадим послал спрятаться с людьми в окраинах, чтобы не мозолить полиции глаза после недавних разборок. Нужно, чтобы болото успокоилось, а то комары загрызут, а лягушки проглотят.

На встречу к такой лягушке Вадима и везли. Генерал Щедрин отвечал за исполнительное крыло третьего отдела. Первая, вторая и третья преграда на пути либеральных голосов, кружков мечтателей о смене режима и прочих оторванных от реальности людей.

Вадима вели по аккуратному коридору с расписанными стенами на третий этаж. Перед лестницей он остановился и обратился к полковнику:

— Алексей Игнатьевич, а у вас красивый кабинет? Никогда не видел, — Вадим подмигнул полковнику.

Местечкин закатил глаза и обратился к конвоирам:

— Я дальше сам.

— Но Алексей Игнатьевич, генерал... — запротестовал один из них.

— С генералом я сам поговорю. И отведу гостя. Свободны, — последнее слово Местечкин прорычал.

Конвоиры отдали честь и ушли. Полковник завел Вадима в свой кабинет и попросил секретаря никого не пускать, пока они говорят.

— Давайте быстро, Вадим Борисович, у Щедрина сегодня отличное настроение.

Вадим же спокойно осмотрел кабинет. Широкий рабочий стол, несгораемый сейф в углу. Шкафы с картотеками и кресло с новой фиолетовой обивкой.

— Да я кратко. Поздравляю с повышением, — Вадим поставил на стол корзинку с фруктами.

— Спасибо, — как-то скрипуче заметил Местечкин.

— Вот скажите, Алексей Игнатьевич, как со здоровьем у генерала?

— Не жалуется, — Местечкин стоял у двери, не понимая, куда идет разговор.

— Воот. И ждать вам следующего повышения как до китая спиной. Вас и полковником, наверное, сделали с усмешкой.

— Вадим Борисович, не смешите. Щедрин меня через звание перетащил и так.

— А вы сами верите, что это не потолок? Думаете, что лет через десять, пятнадцать вас поставят начальником жандармерии?

— Ну не пятнадцать, — Местечкин впился взглядом в спокойное лицо Вадима.

— Допустим. А если у Щедрина появится любимчик? Как я слышал, генерал не постоянен, — Вадим поставил две бутылки вина на стол и выбирал какую открыть.

— Это все теории.

— Теории, — согласился Вадим и взял бутылку с гранатовым вином, — Но мы с вами,

можем договориться, чтобы они остались теориями. А вы, скажем, в течение полугода, займете место Щедрина.

Местечкин засмеялся. Он откровенно ржал. Так, хорошо ему давно не было.

— Вы думаете, что я вам всех бандюков отдал? Музыкант сидит у меня.

Алексей Игнатьевич перестал смеяться.

— Угрожаете? Хотите с собой утащить меня? — Местечкин прошел к сейфу и достал толстую папку, — здесь у меня ваша смерть. Даже бог не сможет спасти вас перед лицом гнева государя!

Вадим также спокойно продолжил.

— Видите, у вас есть папочка, у меня Музыкант, мы можем договориться. Кто вам помешает находить новых авторитетов по анонимным заявкам?

— А вы получите Петербург? Везде свои щупальца просунете?

— И вас в обиду не оставлю, — Вадим подвинул бутылку вина к полковнику, — очень хорошее, от моего друга из Грузии. Вы не подумайте, что мне интересно заниматься самогоном или проститутками. Это же мелочь. Вместе мы можем намного большее.

— Например?

— Оружие. Не на улицы города, не бедным студентикам-революционерам, а целым государствам. Целыми кораблями.

— У вас ничего не выйдет, — Местечкин успокоился и сел за стол. — По вашу голову пришло распоряжение от Николая Павловича, вы отправляетесь в ссылку на Кавказ. Служить. Вам повезло, что император сейчас в Крыму, а то разжалобил бы в рядовые.

— Неприятная новость, — согласился Вадим, — какие-то еще распоряжения?

— Нет, но с таким письмом, вам не одобряют завод, — улыбнулся Местечкин.

— Посмотрим. Ссылка не вечна, — заметил Вадим. — Вы подумаете над моим предложением?

— Подумаю. Что у вас останется когда, а вернее если, вы вернетесь? Кредит банку вы еще не отдали, продавать имущество Старейшин придется долго.

— О, за деньги не волнуйтесь, — Вадим открыл бутылку, выпуская сладкий аромат.

Местечкин потянул носом и достал пару бокалов.

— Какой аромат, а?

— Ладно, наливайте, — полковник пододвинул бокалы.

Вадим выпил первым и закусил яблоком, чтобы сбить запах алкоголя. Алексей Игнатьевич поигрался напитком в руке и отпил.

— Хорошо.

— Не пейте все сразу, дайте вину надышаться, — Вадим взял корзинку с фруктами и оставшуюся бутылку.

— Куда?

— Мне еще с генералом разговаривать, у него кабинет над вашим, верно? — Вадим пошел к двери кабинета, Местечкин опешил от такой наглости и не сразу бросился проверять, куда ушел "гость". Но Вадим поднялся по лестнице и обратился к секретарю генерала.

— У меня назначено, Беркутов.

Секретарь полистал журнал, прежде чем задумчиво почесать голову.

— А сопровождение?

— Так, вон полковник, — Вадим помахал рукой Местечкину.

— Тогда проходите, — секретарь постучал в дверь и пригласил Вадима зайти.

Генерал стоял у открытого окна, спиной к двери, и курил.

— Проходите, — веселый голос.

Комната занимала места как два кабинета Местечкина. Колонны у стен, длинный стол буквой Г для переговоров из мрамора. Пара высоких сейфов и британская мебель.

— Расскажите, молодой человек, как вы докатились до такой жизни, — повернулся Щедрин к улыбающемуся Вадиму.

Эта улыбка даже сбила генерала с настроем.

— Очень рад познакомиться, — Вадим потянул руку поздороваться да так и замер, — ваше высокоблагородие. Честное слово, понятия не имею, зачем я мог пригодиться вам.

— А я уверен в обратном, — генерал расстегнул нижнюю пуговицу на мундире и сел в тяжелое кресло, на протянутую руку он даже не посмотрел. — Вами недовольны. Это еще полбеды, но "кто" вами недоволен, вот в чем вопрос.

— Я вас не понимаю, кто мной недоволен? Лавочник какой пожаловался или рабочий? Так это клевета, — Вадим опустил руку и смущенно замотал головой. Дневной свет из больших окон зайчиками играл в его пенсне.

— Лавочник, рабочий, бульварный газетчик, — процедил генерал и открыл сейф.

Он достал письмо и надел очки, чтобы громко зачитать:

— Его Императорским Величеством, правителем всея Руси, княжества Финляндского и так далее, повелеваю сослать поручика Беркутова Вадима Борисовича на службу в действующую армию, — Щедрин поднял глаза, чтобы насладиться эффектом, но увидел только глупо улыбающегося Вадима, — Вам что-то непонятно?

— Честно говоря, здесь какая-то ошибка, я ведь в отставке и не служу. После ранения в походе мне удовлетворили увольнение.

Генерал снял очки.

— Что? Что тебе непонятно?! Ты оскорбил честь мундира! Унизил уважаемую Матильду Бонапарт! На балу. Теперь вспомнил?

Вадим сначала поискал на себе мундир, который он опорочил, а потом хлопнул себя по лбу:

— Ааа, вот вы о чем. Ну так это вообще смешно, мы с уважаемой Матильдой хорошо разошлись, я предложил ей услугу своих портных, чтобы изготовить новое платье.

Вадим выводил генерала из себя.

— Так, — Щедрин взял себя в руки, напугать письмом не получилось, — Это не все. У нас есть сведения, о том, что вы, уважаемый, ведете дела с отпетыми преступниками. Более того, втягиваете в эти дела уважаемых людей. Что скажет адмирал Горынин, если узнает, это у вас на службе бандиты?

— Честно говоря, даже представить себе не могу, — Вадим расстроено покачал головой и подвинул рукой бутылку с вином, — не могу себе представить, что будет, если император узнает о Михаиле Васильевиче Петрушевском.

Сказанное повисло в воздухе. У Щедрина дернулся глаз, он не сразу понял, почему Вадим так резко превратился из молодого дурачка в опасного болтуна.

— Ты и слова пикнуть не успеешь.

— Я и не собираюсь. Записку получит какой-нибудь из ваших завистливых коллег. Многие будут рады подсесть генеральское место, — Вадим взял яблоко из корзины, потер его и надкусил.

— Хе, и в чем твоя выгода? Тебя расстреляют.

— Меня расстреляют, вас расстреляют, а семью пошлют в Сибирь. Зачем нам это? Давайте договоримся.

— Поздно, император вынес свое решение, — генерал стукнул по письму пальцем.

— И я ему беспрекословно подчиняюсь, но вы сделали ход ради другого.

— Ты много на себя взял, Призрак, — генерал потряс головой, но снова не добился реакции от Вадима, — Многим наступил на ноги.

— Так, я же с пониманием, вы работали со Старейшинами, зарабатывали. Я все понимаю и принимаю правила игры. Что вы хотите?

— Ты отдашь мебельный, швейный и красительный. Мыло и железяки оставь себе, — усмехнулся генерал.

О наследии бандитов он даже не стал говорить.

— Пожалуй, дешевле будет вас убить, — поморщился Вадим и потянул к себе бутылку и корзинку с фруктами, он успел дойти до двери, прежде чем в спину ударил злой крик:

— А ну, вернись, щенок!

Вадим спрятал широкую улыбку, прежде чем вернулся к столу.

— Только я здесь решаю, когда можно уходить, — генерал расстегнул воротник, — Садись.

Он указал на стул за столом.

— Я ведь к вам со всей добротой, с открытым сердцем, а вы все хотите забрать, что я нажил непосильным трудом, — Пожаловался Вадим и сел, — У меня компания, несколько уважаемых людей вложили свои деньги, и даже вы не сможете их пережить.

— Ну, ну, угрожай мне своими "важными" людьми. Калека Есислав опасен только для своей гувернантки, а зазнавшийся адмирал успел нажить себе врагов. Или ты думаешь о Буденове? Так, этот золотой карман никуда не будет вмешиваться.

— О нет, я говорил не об этих уважаемых людях. Возможно, вы не знаете, я не обнародовал эту информацию, но не так давно мой корабль ушел с грузом во Францию. Один мааааленький человек, господин Пьер Морель заключил со мной договор.

От этого имени у генерала заболели зубы. Император близко воспринял промашку полиции и жандармерии в нападении на французского дипломата.

— Я предлагаю, тридцать процентов тканного и мебельного.

— Мало. Красочный вы себе не оставите, — генерал открыл ящик стола, там у него стояла табакерка с соленым арахисом.

— Если вы хотите мой красочный, то должны разрешить строительство оружейного, — поставил точку Вадим.

— Оружейного? Разрешить, после того как вас приказал сослать Николай Павлович?

— Скажите, что не хотели подрывать обороноспособность государства. Я же на заводе буду делать оружие на заказ моряков.

— Оборонноспособность государства, — генерал облизнул губы.

— И чтобы я не беспокоился за свою жизнь, пятнадцать процентов от оружейного будут вашими.

— Тридцать.

— Тогда пишите разрешение сейчас, прежде чем я уехал. Документы на вас оформим, когда я буду на Кавказе, чтобы меньше было вопросов.

— Не учи, — прорычал Щедрин.

Вадим примирительно поднял руки.

— Договорились?

— Да.

Щедрин пожал протянутую руку.

— Ух, ну вы меня и напугали, — выдохнул Вадим и ослабил воротник рубашки, — Жарко у вас, давайте отметим? Деньги-то огромные.

— Не маленькие, — согласился Щедрин, смотря на табакерку с арахисом в столе.

— Я принёс грузинское, полусладкое. Подарил один князь. Открывали на Новый год, очень хорошее, — рекламировал Вадим вино, — Мне доктор Гааза рекомендовал, сказал очень полезное.

— Давайте, — генерал поставил на стол два бокала.

Виноградное вышло суше, чем гранатовое, но аромат, аромат не уступал, насыщенный, четкий.

Щедрин дождался, когда за Вадимом закрылась дверь кабинета. Он убрал письмо от государя в папку с делом Беркутова и закрыл сейф.

— Крысеныш. Думаешь, что самый умный? — генерал достал бумагу и чернила.

"Дорогой Генерал..."

— Нет, невысокого полета птица, — Щедрин скомкал лист и начал писать заново.

"Дорогой майор... прошу позаботиться со всей возможной лаской..."

Генерал закашлялся и запечатал письмо. В горле першило, и Щедрин налил себе еще вина. Влажный воздух Петербурга всегда его беспокоил.

Вадим спустился на этаж и завернул к кабинету Местечкина.

— Полковник просил меня зайти, — Вадим указал на дверь секретарю.

— Сейчас спрошу, — секретарь проверил и пропустил Вадима.

Местечкин сидел за столом и пытался прочистить першащее горло.

— Алексей Игнатьевич, вы как? Все хорошо? — услужливо спросил Вадим и подошел, — Такое чувство, будто в горле кость застряла? А ещё сердце ломит, да?

Местечкин с широко раскрытыми глазами посмотрел на Вадима, потом на бутылку вина.

— Что? Вино отличное, зря вы его вините, — Вадим взял бутылку со стола. Там еще осталась половина.

— Помо... — голос у полковника пропал.

— Не, зря стараетесь. Они вам не помогут, — Вадим посмотрел на закрытую дверь кабинета. — В общем, я не договорился с генералом. Ему кто-то хорошо заплатил за мою голову, но кто же это мог быть?

Вадим вопросительно поднял бровь.

— Британцы... — прохрипел Алексей Игнатьевич и схватился за горло.

— Какие уроды. Но вы, вы порядочный человек, — Вадим поставил перед полковником белую капсулу, — лекарство. Пейте, быстрее.

Местечкин недоверчиво покосился на Вадима, но новый приступ кашля сподвигнул к действиям. Полковник открыл ящик стола и налил себе водки, которой и запил лекарство. Через минуту кашель и раздражение в горле пропали.

— Легче? — спросил Вадим.

Местечкин кивнул.

— Ну и отлично. Средство надежное, без вкуса, запаха и цвета. А самое приятное его

нельзя обнаружить. Действует не сразу и полностью неизлечимо.

Последнее Вадим говорил с кровожадной улыбкой. Он достал маленький пузырек с такими же таблетками и поставил его на стол.

— Хорошо, что вы не выпили все вино. Сможете угостить кого-то и посмотрите, что будет. Одной таблетки хватает на месяц. Здесь, — Вадим постучал по пузырьку, — на девять месяцев. Одну таблетку нужно давать сразу, так что у вас на восемь месяцев.

— Убийца.

— Но, но, — Вадим поднял палец, — добродетель! Ведь скоро, вы займете новое кресло. К сожалению, вы ошиблись и у генерала не так хорошо со здоровьем, как нам бы хотелось, это понятно?

Местечкин снова посмотрел на бутылку вина.

— Но если он сейчас...

— Не сейчас, через неделю, две.

— И не обнаружат?

— Нет. Еще лет пятьсот не смогут, — улыбнулся Вадим и пошел к двери, — у нас с вами впереди светлое будущее. Увидимся.

Он ушел, а Местечкин остался один в кабинете. В груди больше не давило и он смог полностью вдохнуть.

— Саша, зайди ко мне, — позвал Алексей Игнатьевич секретаря, — мне здесь вино принесли вкусное, а компании выпить нет...

На выходе из третьего отделения Вадима ждала карета. Захарченко сидел внутри мрачнее тучи.

— Как прошло?

— Хорошо, — Вадим достал карманные часы, — Миша, запомни одну вещь — если ты захочешь выиграть, то ты должен обладать двумя факторами — холодным умом и покровителем. И через две недели у нас будет самый крутой покровитель в Петербурге.

Дома Вадима ждало пустое поместье. Анна убежала, оставив прощальную записку. Отец отправил ее на учебу в Пруссию, на четыре года. Вадим провел пальцем по бумаге, смятой от высохших слез.

— Ефим, собирайся, мы уезжаем, — Вадим проверил подвал и пошел собирать вещи в дорогу.

Ему сказали прибыть на Кавказ, но он не хотел ехать в одиночку.

— Здравствуй, дорогой друг, — Вадим пожал руку Захарию Давидовичу.

Они встретились в ресторане Естислава, где грузинский князь особенно любил проводить время.

— Мы уже слышали о твоём наказании, это не справедливо. Анатолий обещал поговорить с императором.

— Это воля государя, я подчиняюсь, — Вадим склонил голову.

— Что планируешь делать? — Захария отодвинул закуску и сложил руку перед собой.

— Честно? Сначала загляну в Оренбург, это крюк, но нужно поговорить с отцом. А потом на фронт. Возьму с собой Захарченко, он там как рыба в воде, — Вадим задумчиво нацепил креветку на вилку.

— А в солнечную Грузию не хочешь заглянуть? — с надеждой спросил Захарий.

— Да я бы рад, но я там совсем никого не знаю, да и отпустят меня разве из крепости? — Вадим тяжело вздохнул.

— Как это? Как это никого не знаешь? Дорогой, ты такие вещи не говори! Захария всегда будет рад тебе в гостях.

— Ты собираешься уезжать из Петербурга?

— К сожалению, кроме тебя мне никто особо не рад, — Захария расстроено покачал головой.

— Зачем ты так говоришь? — Вадим хлопнул его по плечу, — А хочешь, я сделаю тебя самым богатым в Грузии?

Захария поперхнулся.

— Что? Хочешь быть самым знаменитым? — не унимался Вадим.

— Ты так не шути, если тебя император на Кавказ отправил в ссылку, то куда меня пошлет?

— Зря ты так, Николай Павлович еще сам тебя уговаривать будет. Ну так что, интересно?

— Ну говори, — сдался Захарий.

— Российский Коньяк! Это раз, — Вадим загнул палец, — А два, это игристое шампанское!

— Игривое? Это как? — Захарий подался вперед.

— Ооо, я тебе все расскажу.

***

Карета стояла у почтовой станции. Кучер менял коней на новых, чтобы быстрее добраться до Москвы по шоссе.

Пока за окнами завывал ветер, Вадим перебирал свежие письма. Первое пришло от

Кондрата. Агент "Полковник" отчитался о скоропостижной смерти генерала Щедрина. В газетах злые языки говорили, что усрался до смерти.

— Жил как собака, умер как собака, — заметил Вадим.

Дальше в сообщении говорилось о полковнике, которого под протекцией некоторых видных чиновников назначили исполняющим обязанности, до приезда императора в столицу.

Второе письмо вызвало у Вадим раскатистый смех.

— Читай, — Вадим протянул письмо удивленному Ефиму, который оттянул глаз и зачитал по слогам:

"Я уже и не ждал сообщения. Думал, что один попал в Россию Матушку. У меня на руках ваше письмо под номером шесть, постараюсь найти предыдущие. Погода на берегах Тихого океана отличная. Я так рад вашему письму, что не хочу сразу жаловаться, но раз вы предлагаете, то прошу прислать оружия. Для походов на берегах Хоккайдо приходится использовать щуплых корейцев. Всей боли не передать. Жду новых писем и встречи, ваш Восточный Друг! Генерал-губернатор, директор Русской-Американской компании, Живой А.Ю."

Больше книг на сайте - Knigoed.net